

М. Я. Терценштейнъ.

Прив.-доцентъ Московскаго университета.

ХАРЬКОВСКІЙ КРАХЪ.

По поводу процесса о злоупотребленіяхъ въ Харьковскомъ земельномъ и торговомъ банкахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго, 21.

1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 мая 1902 г.

2007112510

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая брошюра составилась изъ статей, первоначально напечатанныхъ въ „Правѣ“ за 1903 годъ. Интересъ, вызванный Харьковскимъ процессомъ, побудилъ автора издать эти статьи отдѣльною брошюрою, присоединивъ къ нимъ помѣщенное въ „Правѣ“ извлеченіе изъ дѣла о злоупотребленіяхъ въ Харьковскихъ банкахъ, разбиравагося въ Харьковской судебной палатѣ.

I.

Харьковская палата вынесла свой приговоръ по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Харьковскихъ земельномъ и торговомъ банкахъ ¹⁾. Приговоръ этотъ доказаль, что дѣянія, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ гибель одного банка и потерю крупнаго капитала въ другомъ, не могутъ быть оправданы, что при наличности преступныхъ дѣйствій—смерть главнаго виновника не избавляетъ его помощниковъ и сотрудниковъ отъ отвѣтственности предъ закономъ и что акціонерныя вакханаліи, возводившіяся въ одномъ изъ новѣйшихъ, хотя и не столь крупныхъ процессовъ, чуть ли не въ патріотическіе поступки, нашли теперь достойную оцѣнку. Самыя разнообразныя правонарушенія практикуются повседневно, къ нимъ мы уже привыкли, они не останавли-

¹⁾ Любарскій-Письменный, Орловъ, Журавлевъ, Голевъ, Лысогоренко, Юркевичъ, В. Алчевскій, Абрамовъ, Куксинъ, Авилловъ и Сухановъ признаны виновными по 1154 и 1155 ст. ул. о н. и приговорены къ лишенію особенныхъ правъ и арестантскимъ отдѣленіямъ на срокъ отъ 1½ до 3½ л.; Темницкій и Дракинъ оправданы.

вають на себѣ вниманія. Не то представляеть Харьковскій крахъ. Здѣсь, благодаря тѣсной связи между банками и массой другихъ акціонерныхъ компаній, злоупотребленіе чужимъ довѣріемъ приняло въ высшей степени опасныя, какъ для общественной нравственности, такъ и для народнаго хозяйства, формы. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда акціонерныя неурядицы захватываютъ огромное число учрежденій и могутъ оказать пагубное вліяніе на имущественные интересы большого числа лицъ. Предъ нами не крахъ банка, а крахъ цѣлой системы, на которой построены не одни банки, но и многочисленныя промышленныя предпріятія.

Банковыя хищенія—явленіе далеко не исключительное; не даромъ же одинъ изъ защитниковъ въ Харьковскомъ процесѣ, принимавшій участіе въ десяти дѣлахъ о крушеніи банковъ, заявилъ, что у него есть опытъ въ веденіи такихъ дѣлъ. Но всѣ предшествующіе процессы привлекали къ себѣ мало вниманія. Это были единичныя явленія; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лица, стоявшія во главѣ управленія, обвинялись въ правонарушеніяхъ самаго элементарнаго свойства: одинъ въ качествѣ кассира растратилъ нѣсколько сотъ тысячъ, другой на деньги банка купилъ себѣ имѣніе, третій открылъ себѣ и своимъ родственникамъ широкій кредитъ, подорвавшій состоятельность банка, и т. д. Между несостоятельнымъ банкомъ и другими банками или акціонерными обществами не было никакихъ связей, каждое изъ этихъ предпріятія стояло особнякомъ. Всѣ эти Юханцевы, Гайдукеры, Рыковы, Борисовы не имѣли

ничего общаго съ дѣятелями Харьковскихъ банковъ, всѣ они допускали злоупотребленія въ самомъ элементарномъ смыслѣ слова, т. е. пользовались капиталами банковъ для своихъ личныхъ цѣлей, нѣкоторые попросту проматывали ихъ, какъ проматываетъ деньги конторщикъ или артельщикъ, которому ввѣрена касса. Совсѣмъ не то видимъ мы въ Харьковѣ: лица, попавшія на скамью подсудимыхъ, не только не обогатились на счетъ банковъ, но нѣкоторые изъ нихъ даже потеряли все свое состояніе; далѣе, несостоятельность Алчевскаго отразилась на Харьковскомъ земельномъ банкѣ, повлекла за собою несостоятельность Харьковскаго торговаго банка; вслѣдъ за этимъ наступила несостоятельность Екатеринославскаго коммерческаго банка и Донецко-Юрьевскаго общества. Кромѣ того, тогда же было поставлено въ затруднительное положеніе Алексѣевское горнопромышленное общество, и причинены убытки цѣлому ряду столичныхъ и провинціальныхъ банковъ.

Спрашивается теперь, чѣмъ вызвана эта катастрофа, что могло привести земельный банкъ къ необходимости искать спасенія въ Государственномъ банкѣ. На это обыкновенно приходится слышать одинъ отвѣтъ: виною всему былъ кризисъ. Особенно часто ссылались на него защитники. Интересно остановиться на этомъ вопросѣ и выяснить, дѣйствительно ли господствовавшій тогда и не прекращающійся до сихъ поръ кризисъ могъ поставить въ затруднительное положеніе земельный банкъ и служить объясненіемъ тѣхъ злоупотребленій, которыя привели дѣятелей банковъ на скамью подсудимыхъ. Всѣмъ извѣстно, что во время кризисовъ статистика отмѣчаетъ увеличеніе

числа самоубійствъ и числа преступленій. И это весьма понятно: нарушение равновѣсія въ экономическомъ строѣ совершается большею частью чрезвычайно быстро—почти внезапно—и приводитъ къ большимъ аномаліямъ. Масса лицъ разоряется и предпочитаетъ самоубійство расплатѣ за правонарушенія, караемыя уголовнымъ кодексомъ. Если же къ биржевому кризису присоединяется промышленный, производство сокращается, многія предпріятія прекращаютъ свою дѣятельность, рабочіе остаются безъ заработка и выбрасываются на улицу. Весьма естественно, что число преступленій противъ имущества тогда увеличивается. И дѣйствительно, во время биржевого кризиса, какой, на примѣръ, имѣлъ мѣсто въ Вѣнѣ въ 1873 г., или въ Берлинѣ вскорѣ послѣ опьяненія отъ полученія французскихъ милліардовъ, уголовная хроника давала богатый матеріалъ. Но между преступленіями, учащающимися тогда, когда закрываются заводы и рабочіе остаются безъ заработка, и правонарушениями акціонернаго свойства, благодаря которымъ органы управленія акціонерныхъ компаній, правленіе, совѣтъ, ревизіонные и наблюдательные комитеты, а иногда и служащіе по найму наносятъ ущербъ акціонерамъ и публикѣ, огромная разница. Въ то время, какъ преступленія противъ имущества, вызываемыя безработицей, возникаютъ *во время кризиса*, акціонерныя злоупотребленія суть преступленія длящіяся, зарождающіяся обыкновенно не во время кризиса, а *до кризиса*. Кризисъ имѣетъ для нихъ лишь то значеніе, что ихъ нельзя больше прикрывать, что они всплываютъ. Поэтому ссылка на кризисъ въ Харьковскомъ крахѣ совершенно неумѣстна.

Защита утверждаетъ, что причиною, побудившею правленіе нарушать уставъ, былъ кризисъ, но одновременно съ этимъ она доказываетъ, что инкриминируемое обвиняемымъ нарушеніе устава имѣло мѣсто и до вступленія ихъ въ составъ правленія. Если же дѣйствительно такъ, то можно ли придавать серьезное значеніе ссылкѣ на кризисъ? Въ самомъ дѣлѣ, послѣднее пятилѣтіе (1896 — 1900 г.г.) было только къ концу тяжелымъ временемъ; первые же годы были, можетъ быть, самымъ блестящимъ періодомъ для нашей промышленности, а между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что злоупотребленія практиковались и въ эти блестящіе годы, когда о кризисѣ никто еще не думалъ. Что же тогда сказать о дѣйствіяхъ, совершавшихся десять—пятнадцать лѣтъ тому назадъ?

Но допустимъ, что защита увлеклась и что правонарушенія имѣли мѣсто именно въ послѣдніе годы. Думаемъ, что и въ такомъ случаѣ ссылка на кризисъ неосновательна, такъ какъ для этого необходимо установить внутреннюю связь между тѣмъ, что дѣлалось въ банкахъ, и кризисомъ. Именно этой связи не установила и не могла установить защита. Кризисъ, какъ извѣстно, не носилъ общаго характера, онъ охватилъ лишь нѣкоторыя отрасли народнаго хозяйства. Мы не пережили того, что приходится переживать послѣ опустошительной войны, когда поля не обрабатываются, торговля останавливается, фабрики и заводы прекращаютъ работу. Въ дѣйствительности, нѣрѣдки случаи, когда, при полномъ расцвѣтѣ обрабатывающей промышленности, страна переживаетъ тяжелый сельско-

хозяйственный кризисъ. Цѣны на произведенія сельскаго хозяйства могутъ падать и владѣльцы имѣній страдать отъ кризиса въ то самое время, когда промышленность обрабатывающая процвѣтаетъ. Возможны и обратные случаи. Нѣкоторыя отрасли обрабатывающей промышленности переживаютъ кризисъ, который, однако, не распространяется ни на землевладѣнiе, ни на городскую собственность. Именно это имѣло мѣсто во время послѣдняго кризиса.

Какъ извѣстно, цѣны на земли и на дома въ большихъ городахъ неудержимо шли вверхъ и не было ни малѣйшихъ симптомовъ, которые свидѣтельствовали бы о кризисѣ землевладѣнiя или городской собственности. Поэтому, ссылка на кризисъ, какъ на конечную причину потерь, понесенныхъ Харьковскимъ земельнымъ банкомъ, представляется неправильною. О кризисѣ можно было бы говорить лишь въ томъ случаѣ, когда потери вызывались бы исключительно убытками по заложеннымъ въ банкѣ имуществамъ, но, какъ извѣстно, не это погубило земельный банкъ и не это поставлено было въ вину его дѣятелямъ.

Совершенно въ другомъ положенiи находятся коммерческiе банки: вслѣдствiе тѣсной связи ихъ съ промышленностью они могли пострадать и дѣйствительно сильно пострадали отъ кризиса. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно просмотрѣть ихъ отчеты за послѣднiе три года. Но если кризисъ и можетъ служить оправданiемъ понесенныхъ банками потерь, то развѣ онъ можетъ служить оправданiемъ для злоупотребленiй? Кризисъ представляется чѣмъ-то вродѣ спасательнаго якоря, избавляющаго отъ всякой отвѣтственности. Ничуть не бывало!

Кризисъ, въ дѣйствительности, является безспорнымъ объясненіемъ и оправданіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе прекращенія спроса на товары, предпріятіе, безъ вины лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, несетъ убытки или падаетъ. Точно также правленіе коммерческаго банка съ полнымъ правомъ можетъ ссылаться на паденіе цѣнъ на бумаги, или на несостоятельность кліентовъ изъ торговыхъ и промышленныхъ классовъ, какъ на причину пониженія дивиденда или затруднительнаго положенія банка. Такъ оно дѣйствительно и имѣло мѣсто въ большинствѣ коммерческихъ банковъ, гдѣ и безъ всякихъ злоупотребленій и безъ нарушенія устава пришлось потерять огромныя суммы. Но можно ли ссылаться на кризисъ, когда убытки вызваны не обычными операціями, а нарушеніемъ устава и злоупотребленіемъ чужимъ довѣріемъ?

II.

Чтобы выяснить, чѣмъ вызванъ Харьковскій крахъ, надо прежде всего установить, каковы должны быть отношенія между земельными банками и учрежденіями краткосрочнаго кредита. Кругъ дѣятельности первыхъ крайне ограниченъ: уставъ не разрѣшаетъ имъ никакихъ операцій, кромѣ пріема въ залогъ недвижимыхъ имуществъ, приносящихъ постоянный доходъ (ст. 1, 10 и 47). Такъ какъ ссуды выдаются не изъ капиталовъ, внесенныхъ акціонерами, а путемъ выпуска закладныхъ листовъ, то дальнѣйшая дѣятельность земельныхъ банковъ опредѣляется эмиссіонною операціею.

Они могутъ, конечно, устанавливать опредѣленные дѣловыя отношенія съ коммерческими банками и возлагать на нихъ реализацію закладныхъ листовъ, оплату купоновъ и выходящихъ въ тиражъ листовъ, а также выдачу ссудъ въ городахъ, гдѣ земельные банки не имѣютъ отдѣленій или агентовъ. Вотъ тѣ операціи, которыя при правильной постановкѣ дѣла создаютъ постоянныя отношенія между земельными банками и коммерческими; только въ этихъ предѣлахъ послѣдніе могутъ оказывать услуги первымъ. Но всѣ эти операціи не требуютъ затраты большихъ капиталовъ на продолжительный срокъ. Прежде всего, надо принять во вниманіе, что, при реализаціи листовъ, наши банки не прибѣгаютъ къ услугамъ коммерческихъ банковъ, не возлагаютъ на нихъ этой операціи въ такой мѣрѣ, какъ это практикуется въ Германіи, уже по той простой причинѣ, что они выдаютъ ссуды закладными листами и реализація листовъ возлагается главнымъ образомъ на заемщиковъ. Что же касается оплаты купоновъ, то она производится въ опредѣленные сроки и фактически не требуетъ единовременной затраты большихъ суммъ. По мѣрѣ оплаты, земельные банки немедленно возмѣщаютъ коммерческимъ израсходованныя суммы и никакого усиленнаго кредита ни съ чьей стороны не требуется. Однако, именно, на этой почвѣ или, вѣрнѣе, подъ этимъ предлогомъ земельные банки могутъ отдавать родственнымъ коммерческимъ банкамъ всѣ свои свободные капиталы, ставить въ ихъ распоряженіе суммы, которыя не вызываются дѣйствительными нуждами.

По самой организаціи своей земельные

банки располагаютъ обильными свободными ресурсами. Это ихъ характерная черта, въ отличіе отъ коммерческихъ, характерная не для земельныхъ банковъ вообще, а именно для нашихъ банковъ. Во первыхъ, какъ сейчасъ было упомянуто, ссуды выдаются закладными листами, а не наличными деньгами, слѣдовательно, банки не затрачиваютъ въ ссуды своихъ денегъ авансомъ впредь до реализаціи листовъ, какъ это имѣетъ мѣсто, на примѣръ, въ акціонерныхъ банкахъ Германіи. Правда, они обязаны помѣщать значительныя суммы въ государственныхъ бумагахъ (ст. 52 и 98 уст. и ст. 46 ул. кред. разд. X), чего не требуетъ законодательство другихъ странъ, но въ ихъ распоряженіи, несмотря на это, все же остаются огромныя суммы, которыя и являются приманкою для коммерческихъ банковъ.

Въ Германіи законъ 13 іюля 1899 года разрѣшаетъ ипотечнымъ банкамъ не мало операцій краткосрочнаго кредита, чего не допускаютъ уставы нашихъ банковъ. Съ другой стороны, у насъ до изданія новаго закона (Собр. узак. 1902 г. № 24) не было никакихъ ограниченій относительно помѣщенія свободныхъ капиталовъ. Банки могли бы, правда, удѣлять часть своихъ свободныхъ ресурсовъ краткосрочнымъ ссудамъ (ст. 39 устава), операціи, чрезвычайно выгодной для акціонеровъ, но когда во главѣ стоятъ лица, интересы которыхъ не ограничиваются земельнымъ банкомъ, капиталы послѣдняго легко переводятся въ коммерческой, а оттуда же переводятся въ тѣ разнообразныя предпріятія, въ которыхъ заинтересованы тѣ-же лица. Благодаря этому, подъ весьма благовиднымъ предлогомъ, являет-

ся возможность пользоваться капиталами земельного банка для операціи, ничего не имѣющихъ общаго съ земельнымъ кредитомъ. Уставъ или утвержденная министромъ финансовъ инструкция для оцѣнки имуществъ воспрещаютъ земельнымъ банкамъ приемъ въ залогъ фабрикъ и заводовъ, рудниковъ и копей, но если капиталы земельного банка переводятся въ коммерческій банкъ, а послѣдній открываетъ кредитъ промышленнымъ предпріятіямъ, покупаетъ или принимаетъ въ залогъ ихъ акціи и облигаціи, то въ окончательномъ итогѣ околѣннымъ путемъ, притомъ безъ нарушенія устава, получаютъ тѣ-же результаты, какіе имѣли бы мѣсто, еслибъ земельный банкъ самъ принималъ въ залогъ имущества промышленнаго характера и выпускалъ на этомъ основаніи закладные листы. Въ виду этого, при умѣломъ распредѣленіи своихъ акцій на общихъ собраніяхъ, акціонеръ можетъ съ самыми незначительными затратами получить въ свое распоряженіе огромные капиталы, многократно превышающіе его собственные затраты. Тамъ, гдѣ распорядитель земельного банка не владѣетъ собственно банкирскою конторою, какъ это, на примѣръ, было въ Германіи въ группѣ учреждений, связанныхъ съ Прусскимъ ипотечнымъ банкомъ, на сцену, выступаетъ родственный коммерческій банкъ. Акціи земельного банка закладываются въ этомъ родственномъ коммерческомъ банкѣ, а акціи послѣдняго закладываются въ какомъ-нибудь другомъ родственномъ кредитномъ учрежденіи.

При тѣсной связи между коммерческимъ банкомъ и промышленными предпріятіями получается безконечная цѣпь, взаимная зависимость цѣлаго ряда кредитныхъ и промыш-

ленныхъ обществъ, которыя всѣ питаются средствами принадлежащими земельному банку.

Законъ не воспрещалъ храненія суммъ ни въ частныхъ конторахъ, ни въ частныхъ банкахъ, слѣдовательно, руководитель банка могъ свободно пользоваться всѣми ресурсами земельного банка, не рискуя столкнуться съ уголовнымъ кодексомъ. Это положеніе земельныхъ банковъ, какъ учрежденій, располагающихъ свободными средствами, придавало ихъ дѣятельности иногда своеобразный характеръ: ихъ цѣли и нужды отдавались въ жертву совершенно постороннимъ интересамъ. Въ виду этого промышленный или биржевой кризисъ, который по существу не имѣетъ никакого отношенія къ земельнымъ банкамъ, могъ тяжело отразиться на послѣднихъ только потому, что пострадали родственные коммерческіе банки, пользовавшіеся ихъ капиталами. Такъ какъ, однако, помѣщеніе большихъ капиталовъ нисколько не вытекало изъ операцій земельныхъ банковъ, а было уже само по себѣ злоупотребленіемъ, хотя и не преслѣдуемымъ закономъ, то совершенно неправильно считать современный кризисъ причиною крушенія земельныхъ банковъ.

Современныя событія въ Германіи могутъ прекрасно иллюстрировать, какое значеніе имѣлъ кризисъ для земельныхъ банковъ. Какъ извѣстно, тамъ, почти одновременно съ Харьковскимъ крахомъ, прекратили платежи четыре земельныхъ банка, причемъ погибли не только акціонерные капиталы, но и часть облигаціонныхъ. Попытка объяснить крушеніе банковъ кризисомъ оказалась крайне неудачною. Такъ какъ вслѣдъ за 4 лопнувшими банками не послѣдовало дальнѣйшихъ банкротствъ и диви-

дендѣ остальныхъ 36 земельныхъ банковъ почти не измѣнился, то вскорѣ пришлось отказаться отъ попытки перевалить всѣ невзгоды на кризисъ. Самое тщательное изученіе причинъ, вызвавшихъ крахъ четырехъ банковъ, показало, что они погибли потому, что построены были на своеобразной системѣ, не вызываемой ~~требованіями~~ требованіями ипотечнаго кредита. Всѣ эти четыре банка были связаны съ разнообразными торговыми, промышленными, землевладѣльческими и домовладѣльческими обществами и подъ различными благовидными предлогами производили операціи, убытки отъ которыхъ ничего не имѣютъ общаго съ земельнымъ кризисомъ. Они принимали въ залогъ въ большихъ размѣрахъ пусто-порожниа земли, спекулировали на строительные участки въ окрестностяхъ городовъ, открывали кредитъ машиностроительнымъ заводамъ, мельницамъ, выдавали ссуды подъ торфяники, открывали ничѣмъ не обезпеченный кредитъ спекулянтамъ, производившимъ разнообразныя биржевыя операціи. Земельные банки затрачивали на эти операціи свои капиталы и терпѣли на нихъ огромные убытки. Причиною крушенія четырехъ ипотечныхъ банковъ въ Германіи былъ не кризисъ, а спекуляція, которая и безъ кризиса могла бы привести къ тому же результату. Ни земельная, ни городская собственность не понизилась въ цѣнѣ въ Германіи, какъ не понизилась и у насъ. Доходность городскихъ имуществъ, главнаго объекта залоговъ земельныхъ банковъ въ Германіи благодаря, росту городского населенія, нисколько не уменьшилась, не смотря на усиленіе строительной дѣятельности, а слѣ-

довательно, не наступило тѣхъ явленій, которыя только и могутъ привести къ кризисамъ земельныхъ банковъ. Правда Ротбертусъ былъ того мнѣнія, что кризисъ можетъ наступить также вслѣдствіе измѣненія процента капитализаціи, когда благодаря возвышенію рыночнаго процента на капиталъ стоимость имущества, опредѣляемая капитализаціею дохода, сильно понижается, и кредиторы, въ томъ числѣ и банки, могутъ терпѣть большіе убытки. Однако въ дѣйствительности такіе кризисы болѣе опасны въ теоріи, чѣмъ на практикѣ, такъ какъ при системѣ долгосрочнаго кредита съ амортизаціею прежніе долги требуютъ лишь затратъ на уплату процентовъ, и опасности могла бы подвергаться только свободная стоимость имущества. Принимая же во вниманіе, что процентъ на капиталъ возвышается обыкновенно при промышленныхъ и биржевыхъ кризисахъ, и что въ эти же періоды недвижимость является наиболѣе надежнымъ помѣщеніемъ для капитала, мы найдемъ въ окончательномъ итогѣ, что измѣненіе рыночнаго процента нейтрализуется другими причинами, дѣйствующими въ обратномъ направленіи. Въ виду этого, возвышеніе рыночнаго процента гораздо больше отражается на курсѣ закладныхъ листовъ, чѣмъ на стоимости и доходности имуществъ, отъ которыхъ только и могутъ проистекать кризисы земельного кредита.

Харьковскій крахъ во всѣхъ подробностяхъ напоминаетъ то, что имѣло мѣсто въ Германіи. И здѣсь, и тамъ былъ крахъ не одного или нѣсколькихъ банковъ, а крахъ цѣлой системы, здѣсь и тамъ мы имѣемъ дѣло съ банками, для которыхъ прямыя операціи земельного кре-

дита играли второстепенную, служебную роль; здѣсь и тамъ все было подчинено интересамъ лица, сумѣвшаго захватить въ свои руки власть благодаря дѣйствительному или предполагаемому обладанію большимъ количествомъ акцій; здѣсь и тамъ мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ конгломератомъ акціонерныхъ обществъ, тѣсно связанныхъ между собою персональною уніею и имущественными интересами; здѣсь и тамъ мы имѣемъ передъ собою безпочвенное грюндерство, грандіозныя злоупотребленія капиталистической эры, гдѣ возможна потеря десятковъ и сотенъ милліоновъ, безъ взлома кассы, безъ растраты. Вотъ почему Харьковское дѣло представляетъ такой большой интересъ.

Безспорно, многое изъ того, что творилось въ Харьковскихъ банкахъ, имѣетъ мѣсто и въ другихъ банкахъ, а грюндерство пустило въ столичныхъ банкахъ, можетъ быть, болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ Харьковѣ; возможно также, что злоупотребленія, за которыя понесли наказаніе дѣятели Харьковскихъ банковъ, повторяются во многихъ акціонерныхъ обществахъ, но все это отъ насъ скрыто, мы можемъ объ этомъ только догадываться.

Какъ это у насъ принято, послѣ смерти Алчевскаго банки начали обращаться за помощью къ правительству, но министерство финансовъ отказало въ поддержкѣ торговому банку, онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Если бы государственный банкъ выступилъ здѣсь въ знакомой ему роли спасителя кредиторовъ и вкладчиковъ, намъ едва ли удалось бы узнать что-нибудь о царившихъ въ Харьковѣ порядкахъ. Такіе случаи, какіе

имѣли мѣсто въ Харьковскихъ банкахъ, весьма рѣдки: наше финансовое вѣдомство тщательно оберегаетъ насъ отъ потрясеній, вызываемыхъ крупными несостоятельностью и предпочитаетъ затрату милліоновъ публичному оглашенію того, что дѣлается въ акціонерномъ мірѣ. Очень часто и заинтересованныя лица предпочитаютъ крупные убытки судебному преслѣдованію. Если же, какъ это имѣло мѣсто въ знаменитомъ процессѣ московскаго хлопковаго короля Кнопа съ фабрикантомъ Сергѣевымъ, дѣло доводится до суда, предъ нами раскрывается во всѣхъ подробностяхъ, безъ всякихъ прикрасъ внутренняя организація нашей промышленности.

III.

При полной аналогіи между Харьковскимъ дѣломъ и процессами Прусскаго и Германскаго ипотечныхъ банковъ, извѣстныхъ въ публикѣ подъ именемъ Шпильгагеновскихъ, имѣются и нѣкоторыя особенности, на которыя я считаю нужнымъ обратить вниманіе. Правда, онѣ касаются не столько существа дѣла, сколько способа его веденія на судѣ, но онѣ представляютъ, тѣмъ не менѣе, большой интересъ. *Во-первыхъ*, процессъ Шпильгагеновскихъ банковъ велся въ болѣе широкихъ рамкахъ. Ни эксперты, ни свидѣтели, ни гражданскіе истцы, ни защитники не были связаны такими ограниченіями, какія у насъ установила Харьковская палата. Сторонамъ была дана возможность рассмотреть дѣло во всѣхъ подробностяхъ,

коснуться всѣхъ вопросовъ, которые могли представлять интересъ и содѣйствовать выясненію истины, тогда какъ у насъ многіе вопросы были совершенно устранены отъ обсужденія. Судъ призналъ излишнимъ касаться событій, имѣвшихъ мѣсто до послѣдняго пятилѣтія, тогда какъ въ Шпильгагеновскомъ процессѣ предъ нами прошла вся исторія банка съ самаго основанія. Думаемъ, что для выясненія дѣла далеко не безразлично, допускались ли извѣстныя злоупотребленія только въ послѣдніе годы или же практиковались и раньше. Можетъ быть, съ точки зрѣнія отвѣтственности подсудимыхъ, этотъ вопросъ не имѣетъ такого важнаго значенія, но не однимъ этимъ опредѣляется значеніе такихъ крупныхъ процессовъ. Здѣсь имѣется и общественная сторона, которая представляетъ огромный интересъ и при отсутствіи для подсудимыхъ смягчающихъ или отягчающихъ обстоятельствъ.

Такъ, судъ, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно устранилъ предложеніе одного изъ защитниковъ пригласить профессоровъ университета для выясненія вліянія, которое имѣлъ кризисъ на Харьковскій крахъ. Можетъ быть, именно эти специалисты, если бы только выборъ былъ удаченъ, и объяснили бы суду, какъ неосновательно ссылалась защита на промышленный кризисъ. Совсѣмъ не такъ поступилъ берлинскій судъ, онъ не встрѣтилъ препятствій къ тому, чтобы свѣдущіе люди выяснили связь между Шпильгагеновскимъ крахомъ и кризисомъ. Судъ къ данному случаю поступилъ совершенно правильно, потому что въ процессахъ, къ которымъ чутко прислушивается об-

щество, важно, чтобы дѣло было освѣщено со всевозможныхъ сторонъ.

Во-вторыхъ, контрастъ между нашимъ судомъ и берлинскимъ еще рѣзче бросается въ глаза, если обратить вниманіе на экспертовъ. Бухгалтеры въ качествѣ экспертовъ, конечно, необходимы, но ими одними далеко не исчерпывается кругъ лицъ, которыя могутъ высказаться въ дѣлѣ о банкротствѣ банковъ. Въ Шпильгагеновскомъ процессѣ мы могли узнать мнѣніе такихъ лицъ, какъ Феликсъ Гехтъ, извѣстный специалистъ по вопросамъ земельного кредита, выдающійся теоретикъ и практикъ, состоявшій очень долго директоромъ двухъ земельныхъ банковъ. На судѣ фигурировали директора строительныхъ и домовладѣльческихъ обществъ, земельныхъ банковъ, вообще лица, могущія ориентироваться во всѣхъ операціяхъ банковъ, понимающія банковое дѣло въ самомъ широкомъ смыслѣ, цѣль и назначеніе отдѣльныхъ операцій, знатоки денежнаго и ипотечнаго рынка. Не то представляютъ эксперты, дававшіе заключенія въ Харьковѣ; тамъ не было ни одного, который могъ бы охватить дѣло въ цѣломъ, не было лицъ, знакомыхъ съ финансовою организаціею земельныхъ банковъ, тамъ были почти исключительно бухгалтеры.

Въ третьихъ, въ Харьковѣ палата устранила вопросъ объ отношеніяхъ между земельнымъ банкомъ и кредитною канцеляріею министерства финансовъ. Я не раздѣляю взгляда, высказаннаго однимъ изъ защитниковъ, что кредитная канцелярія выполняетъ въ дѣлѣ кредита и банковъ тѣ-же функціи, какія въ дѣлѣ истолкованія законовъ выполняетъ сенатъ. Не раздѣляю потому, что кредитная канцеля-

рія єсть административная, а не судебная инстанція и предписанія ея могли бы быти обжалованы точно такъ, какъ подлежатъ обжалованію постановленія другихъ административныхъ органовъ. Поэтому, я не думаю, чтобы дѣйствія, противныя общимъ законамъ или уставу, могли быти оправданы только потому, что они прямо или косвенно санкціонированы кредитною канцелярією или основаны на разрѣшеніи или молчаливомъ соглашеніи съ министерствомъ финансовъ. Тѣмъ не менѣе, выясненіе роли кредитной канцеляріи было бы далеко не безразлично. Думаю, что независимо отъ вліянія, которое оно могло оказать на подсудимыхъ, было бы въ высшей степени важно выяснить, какова была система контроля за земельными банками, могли-ли владѣльцы закладныхъ листовъ считать себя гарантированными, приняты-ли были министерствомъ финансовъ мѣры, необходимыя для защиты интересовъ облигационеровъ, помѣстившихъ въ бумагахъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ около мільярда рублей. Берлинскій судъ и въ данномъ случаѣ поступилъ иначе. Показанія экспертовъ выяснили во всѣхъ деталяхъ недостатки контроля, указали на преимущество въ этомъ отношеніи новаго закона, разъяснили, какую роль играли хранители ипотекъ, какъ на практикѣ функціонировалъ высшій правительственный органъ надзора, какое значеніе имѣють правительственные комиссары и инспектора. Можетъ быть, министру земледѣлія, которому подвѣдомственны акціонерные банки въ Пруссіи, или президенту берлинской полиціи, подъ чьимъ контролемъ находятся банки, правленія которыхъ находятся въ Берлинѣ, нѣкоторыя

показанія экспертовъ были непріятны, но съ общественной точки зрѣнія получился крупный выигрышъ. Ничего подобнаго не далъ харьковскій процессъ, Роль кредитной канцеляріи въ качествѣ контролирующей инстанціи осталась совершенно невыясненною, а между тѣмъ, безспорно, контроль этотъ оказался безусловно несостоятельнымъ, что доказывается уже тѣмъ, что вскорѣ послѣ катастрофы Харьковскаго банка министерство финансовъ прибѣгло къ полному преобразованію контроля и назначило правительственныхъ уполномоченныхъ во всѣ банки.

Когда рѣчь идетъ объ организаціи контроля за банками, прибѣгающими къ публичному кредиту путемъ выпуска закладныхъ листовъ, служащихъ сберегательною кассою для мелкой публики, интересы общественные должны имѣть преобладающее значеніе. Поэтому все, что содѣйствуетъ выясненію недостатковъ существующей системы контроля пріобрѣтаетъ огромное значеніе. Къ тому же, какъ извѣстно, контроль, какъ онъ былъ организованъ до назначенія правительственныхъ уполномоченныхъ, былъ основанъ не на законѣ и не на уставѣ земельныхъ банковъ, а на распоряженіяхъ министра финансовъ, сообщавшихся банкамъ въ циркулярахъ, не подлежавшихъ публикованію, часто противорѣчившихъ другъ другу, носившихъ случайный характеръ, не объединенныхъ общими началами. Такъ, установивъ порядокъ утвержденія оцѣнокъ всѣхъ поступающихъ въ залогъ имуществъ на основаніи предѣльныхъ нормъ по каждому уѣзду, ограничивъ пріемъ въ залогъ лѣсныхъ имѣній, поставивъ извѣстные требованія относительно взаимнаго от-

ношенія между оцѣнкою доходною и материальною или между стоимостью земли и строе- ній въ городскихъ имуществахъ, министерство финансовъ поступало въ сущности совершенно произвольно, такъ какъ всѣ эти требованія не основаны ни на уставѣ, ни на инструкціяхъ по составленію оцѣнокъ, которыя предусмотре- ны уставомъ. Съ другой стороны, кредит- ная канцелярія не обращала никакого внима- нія на то, какое назначеніе даютъ банки сво- имъ свободнымъ капиталамъ, не установила надзора за порядкомъ погашенія закладныхъ листовъ и хладнокровно относилась къ такимъ заявленіямъ, какъ запросъ предсѣдателя мо- сковскаго биржеваго комитета относительно законности залога бумагъ, принадлежащихъ харьковскому земельному банку. На судѣ не удалось выяснитъ, какъ отнеслось министер- ство финансовъ къ этому запросу, а между тѣмъ, при правильной организаціи контроля и при самомъ поверхностномъ знакомствѣ чи- новъ контроля съ операціями банковъ, одинъ этотъ фактъ долженъ быть вызвать большую тревогу и предупредить дальнѣйшее пользова- ніе бумагами банка для совершенно чуждыхъ нуждамъ банка цѣлей. Какъ же послѣ этого не пожалѣть о томъ, что палата устранила обсу- жденіе вопроса о роли кредитной канцелярії, какъ органа контроля за банками?

Наконецъ, имѣется еще одна сторона въ процессѣ, которая не была достаточно освѣ- щена,—это отношенія между банкомъ и други- ми обществами, въ которыхъ принималъ участіе Алчевскій. Если съ точки зрѣнія, на которой стояла палата, и безразлично, какими путями, чрезъ посредство какихъ учрежденій и для

какихъ цѣлей производился переводъ денегъ изъ земельного банка въ металлургическія предприятия Алчевскаго, то для выясненія формъ, которыя принимало грюндерство въ эпоху оживленія промышленности, для ознакомленія съ акціонерными порядками, съ учредительствомъ, съ злоупотребленіями, возникающими на акціонерной почвѣ, это далеко не безразлично. Въ процессѣ прусскаго и германскаго ипотечныхъ банковъ установлена была тѣсная связь между цѣлыми восьмью предприятиями. Во главѣ ихъ стояла банкирская контора, владѣлецъ которой, Шмидтъ, игралъ такую же роль, какую въ Харьковскихъ обществахъ игралъ Алчевскій. Это были прусскій ипотечный банкъ, германскій поземельный банкъ, акц. землевлад. и ипотечное общество, новое берл. строит. общество, бранденбургское общество для покупки недвижимости, промышл. и землевл. кредитное общество, общество для покупки земель въ Берлинѣ и пригородахъ и банкирская контора Ангальтъ и Вагенеръ насл., которая, въ свою очередь, была въ связи съ лейпцигскимъ кредитнымъ обществомъ. Дѣла всѣхъ этихъ предприятий, ихъ взаимныя отношенія, личный составъ управленія, все, что сколько нибудь содѣйствовало освѣщенію конгломерата учреждений, связанныхъ дѣловыми и личными отношеніями, было выяснено. Судья не останавливалъ ни экспертовъ, ни свидѣтелей, когда рѣчь шла объ освѣщеніи порядковъ, царившихъ въ этой группѣ, тогда какъ у насъ дѣло ограничилось почти исключительно земельнымъ и торговымъ банками. Между тѣмъ хорошо извѣстно, что Алчевскій былъ распорядителемъ не только въ этихъ двухъ банкахъ, но и въ Алексѣевскомъ

горнопромышленномъ обществѣ, въ Донецко-Юрьевскомъ, въ Никополь-Маріупольскомъ, что онъ пользовался огромнымъ кредитомъ въ Государственномъ Банкѣ, въ Волжско-Камскомъ, Учетно-ссудномъ, что онъ закладывалъ бумаги и пользовался кредитомъ въ Харьковскомъ и Московскомъ обществахъ взаимнаго кредита, въ Русскомъ банкѣ для внѣшней торговли, въ торговомъ товариществѣ Рябушинскихъ. Безспорно существовавшая тѣсная связь между металлургическими обществами и торговымъ банкомъ на судѣ осталась далеко невыясненной.

Была еще одна сторона, которая могла бы быть освѣщена въ процессѣ, — это порядокъ составленія оцѣнокъ въ акціонерныхъ земельныхъ банкахъ, но палата не могла коснуться этого вопроса, такъ какъ акціонеры, постановивъ на собраніи привлечь къ отвѣтственности правленіе земельного банка, не предъявили къ нимъ иска о возмѣщеніи убытковъ, вызванныхъ неправильными, преувеличенными оцѣнками. Между тѣмъ, при ревизіи, произведенной въ маѣ 1901 г. д. с. с. Голубевымъ, за банкомъ числилось уже 69 имуществъ съ долгомъ и недоимками въ 1.277.169 р., на нихъ предполагался убытокъ въ 790.069 р., а съ убытками по раньше проданнымъ имуществамъ 1.041,570 руб. Въ 1901 г. банкъ началъ покрывать убытки, въ 1902 году понесъ также убытокъ въ 644.987 руб. Не смотря на это, къ 1 января 1903 года за банкомъ снова числятся имущества, на которыхъ имѣется долгъ съ недоимками свыше 3 милліоновъ. Нѣкоторыя изъ этихъ имуществъ приходится продавать чуть-ли не за половину капитальнаго долга. Можно-ли при такихъ условіяхъ говорить о томъ, что соблю-

дались требованія устава, чтобы ссуда не превышала 60% стоимости имущества? Вотъ именно потому и важно было опредѣлить, какъ производились оцѣнки, и гарантировалъ-ли сколько-нибудь контроль кредитной канцеляріи отъ преувеличенныхъ ссудъ.

И въ этомъ случаѣ Шпильгагеновскій процессъ имѣетъ большія преимущества. Укажемъ хотя бы на прочитанное на судѣ показаніе свидѣтеля, архитектора Hegemann'a, состоявшаго оцѣнщикомъ земельныхъ банковъ. Въ своемъ показаніи онъ, между прочимъ, утверждалъ слѣдующее: *Такъ какъ директора банковъ даютъ порученіе произвести оцѣнку лишь послѣ того, какъ сами убѣдились, что подъ залогъ имущества можетъ быть выдана просямая ссуда, то оцѣнка эксперта большею частью простая формальность, каждый директоръ ипотечнаго банка достаточно свѣдущъ, чтобы опредѣлить цѣнность.* Оцѣнка, какъ это было заявлено на судѣ, производится тогда, когда директора уже установили сами стоимость и обѣщали уже опредѣленную ссуду. На судѣ выяснилось также, какъ производилась оцѣнка имущества при образованіи акціонерныхъ обществъ, какъ переоцѣнка имущества по балансу давала возможность выводить несуществовавшія въ дѣйствительности прибыли, какъ вздувались оцѣнки имуществъ, принадлежавшихъ директорамъ банковъ, и т. д. Ничего этого мы не видѣли въ Харьковскомъ дѣлѣ, а между тѣмъ, судя по результатамъ, нѣчто подобное должно было имѣть мѣсто и въ Харьковскомъ земельномъ банкѣ. Я могъ бы провести аналогію и дальше, но и вышеприведеннаго достаточно для того, чтобы показать, что

общественное значеніе Харьковскаго процесса значительно выиграло бы, если бы палата не сузила рамокъ, въ которыхъ должно было вестись дѣло.

Не смотря, однако, на это, Харьковскій процессъ заслуживаетъ полнаго вниманія, въ чемъ будетъ нетрудно убѣдиться, когда мы перейдемъ къ разбору основныхъ пунктовъ, на которыхъ былъ построенъ обвинительный актъ.

IV.

Къ чему же сводятся обвинительные пункты по Харьковскому дѣлу? Обвиненіе предъявлено по каждому банку отдѣльно. Прежде всего по земельному банку, какъ учрежденію, занимавшему болѣе видное мѣсто, питавшему своими капиталами торговый банкъ. Если оставить въ сторонѣ второстепенные пункты, можетъ быть, и преслѣдуемые уголовнымъ закономъ, но не представляющіе интереса съ общественной стороны, то мы можемъ остановиться на слѣдующемъ:

1) дѣятели земельного банка обвиняются въ томъ, что *дѣлали займы за счетъ банка подъ залогъ процентныхъ бумагъ запаснаго капитала*, причемъ долги эти не вызывались нуждами банка и были для него убыточны;

2) что они *закладывали въ другихъ банкахъ и продавали закладные листы, представленные въ досрочное погашеніе ссудъ, подлежавшіе по-этому немедленному погашенію*;

3) что они *скрывали убытки, полученные отъ различныхъ операцій, путемъ фиктивныхъ стчетовъ и балансовъ*;

4) наконецъ, что *они ложно удостовѣряли въ своихъ отчетахъ полную реализацію акцій IX и X выпусковъ*, тогда какъ въ дѣйствительности часть ихъ не была реализована.

Значеніе этихъ обвинительныхъ пунктовъ далеко неодинаково по своему вліянію на ходъ дѣла, по нанесенному акціонерамъ ущербу, по гибельному вліянію на результаты дѣятельности банка. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ опредѣленными видами злоупотребленій, заслуживающими самаго внимательнаго изученія.

Начнемъ съ залога бумагъ *запаснаго капитала*. Вопросъ о роли и значеніи запаснаго капитала далеко не такъ простъ, какъ это представляется на первый взглядъ. Послѣ банкротства Лейпцигскаго банка, потерявшаго весь свой капиталъ и всѣ свои резервы на неудачномъ учредительствѣ, выразившемся въ поддержкѣ акціонернаго Кассельскаго общества для выработки химическихъ продуктовъ изъ древесной массы, вопросъ этотъ подвергался въ нѣмецкой литературѣ подробному обсужденію. Запасный капиталъ можетъ имѣть вообще значеніе только тогда, когда предприятие переживаетъ тяжелое время и нуждается въ экстраординарной поддержкѣ. Въ какія бы рубрики ни заносились запасные и резервные фонды акціонерныхъ обществъ, каково бы ни было ихъ спеціальное назначеніе,—существованіе ихъ имѣетъ смыслъ только тогда, когда ими дѣйствительно можно пользоваться въ случаѣ нужды. И что же оказывается? Именно тогда, когда они нужны, выясняется, что капиталы эти, фигурирующіе въ качествѣ самостоятельныхъ статей пассива, получили уже назначеніе и употреблены на другія нужды,

что они не могутъ быть въ скоромъ времени освобождены, и что поэтому предпріятіе въ критическіе моменты не можетъ прибѣгнуть къ собственнымъ резервамъ.

Поэтому-то послѣ банкротства Лейпцигскаго и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе значительныхъ, банковъ и обществъ начали все болѣе и болѣе настойчиво раздаваться голоса въ пользу ограниченій въ распоряженіи запасными капиталами. Предложенія сводились къ тому, чтобы эти капиталы не затрачивались на нужды предпріятія, на его активныя операціи, а помѣщались въ солидныхъ, неподвергающихся большимъ колебаніямъ бумагахъ, какъ-то въ государственнхъ, коммунальныхъ или ипотечныхъ облигаціяхъ. Если-бъ резервы и запасы получали такое помѣщеніе, они носили бы характеръ „железнаго резервнаго фонда“. Совсѣмъ не то получается въ настоящее время. Общество въ балансахъ своихъ показываетъ многомилліонныя резервы, но резервы эти въ дѣйствительности не существуютъ, а часто являются результатомъ переоцѣнки актива. Пока резервы представляютъ извѣстную статью пассива, которой въ активѣ соответствуетъ только принадлежащее обществу имущество, а не солидныя, легко реализуемыя бумаги, они во многихъ случаяхъ носятъ совершенно фиктивный характеръ. Съ другой стороны, противники ограниченій въ способѣ употребленія запаснаго капитала указывали на то, что предпріятія часто вынуждены воздерживаться отъ производительныхъ затратъ или искать кредита на сторонѣ, платить за него очень дорого, въ то самое время, когда собственные капиталы его помѣщены въ бумагахъ, приносящихъ 3 или 3¹/₂%.

Въ *земельныхъ банкахъ* запасный капиталъ занимаетъ совершенно особенное положеніе: онъ служитъ обезпеченіемъ выпускаемыхъ банками закладныхъ листовъ и входитъ въ расчетъ краткаго отношенія листовъ наравнѣ съ основнымъ капиталомъ. По ст. 52 устава Харьковскаго земельного банка „сумма выпущенныхъ въ обращеніе закладныхъ не должна превышать суммы произведенныхъ банкомъ долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимой собственности и не должна превосходить болѣе, чѣмъ въ десять разъ, сумму складочнаго и *запаснаго* капиталовъ банка“. Такое же значеніе имѣеть запасный капиталъ и въ ипотечныхъ банкахъ въ Германіи. По ст. 7 закона 13 іюля 1899 г., „сумма выпущенныхъ закладныхъ листовъ не должна превышать болѣе, чѣмъ въ 15 разъ, сумму оплаченнаго складочнаго капитала и *резервнаго фонда, предназначеннаго исключительно для покрытія убытка или же обезпеченія владѣльцевъ закладныхъ листовъ*“. Изъ этого видно, что земельные банки должны тщательно охранять свой запасный капиталъ, такъ какъ по отношенію къ владѣльцамъ закладныхъ листовъ онъ поставленъ въ такое же положеніе, въ какомъ находится основной капиталъ. Можетъ быть, съ точки зрѣнія защиты интересовъ облигаціонеровъ, такое отождествленіе и неправильно, но разъ оно существуетъ, съ нимъ надо считаться какъ съ фактомъ. Мало того, по ст. 98 устава, Харьк. зем. банка, „запасный капиталъ банка въ части, равной одной трети складочнаго капитала, долженъ храниться въ государственномъ банкѣ или въ государственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ процентныхъ

бумагахъ“. Въ этомъ отношеніи у насъ предъявляются, такимъ образомъ еще болѣе строгія требованія, чѣмъ въ Германіи. По ст. 5 закона объ ипотечныхъ банкахъ въ Германіи „банки могутъ помѣщать свободныя деньги,—а въ этомъ отношеніи запасный капиталъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ капиталовъ—въ банкирскихъ домахъ, покупать собственные закладные листы и облигаціи, векселя и цѣнныя бумаги, разрѣшенные для покупки имперскому банку, равно какъ выдавать ссуды подъ процентныя бумаги по выработанной банкомъ табели“.

Мирится-ли съ такимъ назначеніемъ запаснаго капитала нашихъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ залогъ бумагъ, въ которыхъ онъ помѣщенъ? По ст. 97 устава, запасный капиталъ предназначается, между прочимъ, „на покрытие, въ видѣ аванса, срочныхъ платежей по закладнымъ листамъ и купонамъ, въ случаѣ неисправности поступления годичныхъ взносовъ отъ заемщиковъ“. Слѣдовательно, если за заемщиками накопилось много недоимокъ, возможны случаи, по крайней мѣрѣ, уставъ предусматриваетъ такіе случаи, когда можно дѣлать заимствованія изъ запаснаго капитала, слѣдовательно, допускается продажа бумагъ, въ которыхъ онъ помѣщенъ. Если же допускается продажа, то допускается, можетъ быть, и залогъ. Однако, для этого необходимо, чтобы банкъ дѣйствительно остался безъ средствъ для оплаты купоновъ и вышедшихъ въ тиражъ листовъ, чтобы его свободныя средства были недостаточны для выполненія обязательствъ.

Возможны-ли такіе случаи? По ст. 35 платежи вносятся за каждое полугодіе впередъ, а проценты по купонамъ и тиражные листы

оплачиваются по истеченіи полугодія, слѣдовательно, при исправномъ поступленіи платежей банки должны располагать большими суммами свободныхъ денегъ. Такъ какъ, однако, по ст. 19 заемщикамъ дается для взноса платежей шестимѣсячный льготный срокъ, то срокъ ихъ взноса можетъ совпадать съ срокомъ оплаты купоновъ. Принимая же во вниманіе, что заемщики вносятъ нерѣдко платежи и послѣ льготнаго срока, для банка можетъ явиться необходимость раньше оплатить купоны, чѣмъ онъ получить платежи отъ заемщиковъ. Такимъ образомъ, все сводится къ тому, какъ велика сумма просроченныхъ платежей, а съ другой стороны, какими ресурсами располагаетъ банкъ, помимо запаснаго капитала. Такихъ ресурсовъ въ земельныхъ банкахъ очень много. Во первыхъ, въ его распоряженіи имѣется значительная часть основнаго капитала, такъ какъ по прим. къ ст. 12 въ государственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ удобно реализуемыхъ процентныхъ бумагахъ долженъ храниться не весь складочный капиталъ, а только часть его, составляющая одну двадцатую суммы находящихся въ обращеніи закладныхъ листовъ, слѣдовательно, въ свободной части основнаго капитала банки имѣютъ всегда источникъ для оплаты купоновъ. Во вторыхъ, далеко не всѣ купоны предъявляются къ оплатѣ немедленно по наступленіи сроковъ; то-же относится и къ вышедшимъ въ тиражъ листамъ. слѣдовательно, и здѣсь въ распоряженіи банковъ имѣются суммы, которыя даютъ имъ возможность безпрепятственно выполнять обязательства предъ кредиторами. Наконецъ, надо принять во вни-

маніе, что на переходныхъ суммахъ банковъ имѣются суммы, принадлежащія третьимъ лицамъ, но временно остающіяся въ ихъ распоряженіи. Благодаря этому въ дѣйствительности банкамъ не приходится прибѣгать къ запасному капиталу для покрытія въ видѣ авансовъ платежей по купонамъ и тиражнымъ листамъ.

Напротивъ, за покрытіемъ этихъ платежей въ ихъ распоряженіи, какъ это видно изъ своднаго баланса, остаются еще большіе капиталы. На 1 іюля прошлаго года (Статистика долгоср. кр. въ Россіи 1902 г., вып. II, изданіе комитета съѣздовъ) изъ 106,5 милл., принадлежавшихъ всемъ акціонернымъ банкамъ, только 79,4 милл. было помѣщено въ государственныхъ бумагахъ; слѣдовательно, свыше 26 милл. находилось въ ихъ распоряженіи. Къ этому же сроку за заемщиками числились льготныя недоимки на 29,5 милл. и просроченныя вмѣстѣ съ розсроченными на 17,3 милл. Напротивъ, банки должны были по вышедшимъ въ тиражъ листамъ, непредъявленнымъ къ оплатѣ, 4,9 милл., по купонамъ, подлежащимъ оплатѣ, 23 милл. при процентномъ фондѣ въ 21,5 милл. и погасительномъ въ 7,8 милл. Едва-ли при такомъ состояніи счетовъ кто рѣшится утверждать, что банки вынуждены прибѣгать къ залoгу своихъ бумагъ. Напротивъ, они нашли возможнымъ помѣстить въ краткосрочныхъ ссудахъ около 13 милліоновъ и на текущихъ счетахъ и вкладахъ въ коммерческихъ банкахъ 16 милл.

Иначе поставлено дѣло въ Германіи. Тамъ ссуды выдаются наличными деньгами, причемъ реализація листовъ нерѣдко откладывается до возвышенія курса и производится не одновре-

менно съ нею, а послѣ нея. Въ виду этого земельнымъ банкамъ въ Германіи приходится обыкновенно авансировать крупныя суммы на ссудную операцію. Такъ, на 1 января 1903 г. при складочномъ капиталѣ въ 557,8 милл. и резервныхъ въ 179,3 милл. 33 ипотечныхъ банка при 6,883 милл. ссудъ выпустили въ обращеніе листовъ только на 6,563 милл., слѣдовательно, помѣстили въ ссуды изъ своихъ средствъ 320 милліоновъ. И несмотря на это, такой осторожный и свѣдущій специалистъ по земельному кредиту, какъ Феликсъ Гехтъ, не поколебался въ качествѣ эксперта заявить на судѣ въ Шпильгагеновскомъ процессѣ, что *нельзя считать нормальнымъ состояніемъ, когда ипотечный банкъ прибѣгаетъ къ залогу своихъ бумагъ, чтобы получить оборотный капиталъ.* Это пріемъ необычный, такъ какъ банки должны устраиваться такъ, чтобы не нуждаться въ залогѣ своихъ бумагъ. Одинъ изъ обвиняемыхъ, директоръ Прусскаго банка, пытался возразить, что каждый банкъ имѣетъ своего банкира, которому долженъ передавать деньги, и что съ развитіемъ дѣла иногда является необходимость прибѣгать на время къ залогу, что къ этому прибѣгалъ и Прусскій банкъ, закладывая свои бумаги на короткіе сроки въ Имперскомъ банкѣ. Возраженіе это, сильно напоминающее то, которое приводила защита въ Харьковскомъ процессѣ, не произвело никакого впечатлѣнія. Экспертъ Гехтъ продолжалъ настаивать, что для земельныхъ банковъ залогъ представляется совершенно исключительнымъ явленіемъ; при этомъ онъ сослался на то, что къ 1 января 1902 г. ни одинъ изъ нихъ не закладывалъ своихъ бумагъ,

напротивъ, очень многіе сами принимали въ залогъ бумаги.

Если такъ смотрятъ на залогъ бумагъ въ Германіи, то что же сказать о залогѣ бумагъ нашими земельными банками? Допустить, что для выполненія своихъ обязательствъ предъ кредиторами они должны прибѣгать къ залoгу своихъ бумагъ, значитъ совершенно не знать взаимныхъ отношеній между земельными банками и коммерческими и игнорировать безспорный фактъ, что капиталы первыхъ всегда были приманкою для послѣднихъ, что именно на этой почвѣ создавалась нерѣдко тѣсная связь, благодаря которой свободные ресурсы земельныхъ банковъ поступали въ распоряженіе коммерческихъ банковъ. Защита ссылалась на то, что ст. 97 допускаетъ заимствованіе изъ запаснаго капитала, но она упустила изъ виду, что необходимо доказать совершенно точно въ цифрахъ, каковы были свободные ресурсы банка и какъ велики были его обязательства. Если Харьковскій земельный банкъ дѣйствительно не имѣлъ средствъ для оплаты купоновъ, то не потому, что сумма недоимокъ значительно превышала сумму, необходимую для оплаты купоновъ и тиражныхъ листовъ, а потому, что всѣ его свободные ресурсы переносились въ родственнй торговый банкъ, откуда уже поступали въ распоряженіе Алчевскаго и его предприятий. Злоупотребленіе поэтому началось гораздо раньше, чѣмъ это думаютъ; оно началось съ того момента, когда правленіе, вопреки ст. 72, предписывающей ему „заботиться о пользахъ банка и о точномъ выполненіи его обязательствъ“, отдало чрезъ посредство торговаго банка всѣ необходимыя

для оплаты купоновъ и тиражныхъ листовъ суммы во власть лица, распоряжавшагося капиталами обоихъ банковъ, какъ своею собственностью. Заявленіе защиты, что залогъ запаснаго капитала вызванъ нуждами банка, есть поэтому не больше, какъ игра словами. Банкъ дѣйствительно испытывалъ нужду, но чѣмъ же она была вызвана?

Ясно, что залогъ запаснаго капитала не находится ни въ какой связи съ пользами и нуждами земельного банка и вызванъ былъ совершенно посторонними мотивами. А что такія финансовыя операціи далеко не безразличны, показываетъ фактъ, что земельный банкъ потерялъ на несостоятельности торговаго банка 2.700.000 руб. и рискуетъ потерять такую же сумму въ случаѣ проигрыша процесса съ ликвидационною комиссіею торговаго банка. Мало того, такъ какъ запасный капиталъ служилъ обезпеченіемъ закладныхъ листовъ, то съ его потерей часть листовъ оказалась уже необезпеченною. Операціи банка были поэтому приостановлены до взноса акціонерами суммы, необходимой для установленія десятикратнаго отношенія между капиталами банка и находящимися въ обращеніи закладными листами.

Если къ этому прибавить, что торговый банкъ, какъ это показано въ отчетѣ по ревизіи Харьковскаго земельного банка и установлено на судѣ, платилъ за помещенныя въ немъ суммы меньше процентовъ, чѣмъ земельному банку приходилось платить по залогу бумагъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что руководящимъ мотивомъ для залога бумагъ запаснаго капитала были интересы Ал-

чевскаго, а не интересы и нужды земельного банка. То обстоятельство, что полученные от залога бумагъ суммы проведены по книгамъ, что залогъ производился отъ имени банка, а не отъ имени Алчевскаго, не мѣняетъ существа дѣла, потому что все эти суммы окольнымъ путемъ поступали все-таки въ распоряженіе Алчевскаго, а не земельного банка. Мы видимъ въ Харьковѣ то-же, что констатировано экспертомъ Гехтомъ въ Шпильгагеновскомъ процессѣ. Капиталами Прусскаго банка, добытыми, какъ и въ Харьковѣ, частью незаконнымъ путемъ, пользовалась банкирская контора Ангальтъ и Вагенеръ, владѣлецъ которой Шмидтъ былъ председателемъ совѣта главнѣйшихъ учрежденій группы. Контора эта считалась банкиромъ Прусскаго банка и пользовалась въ немъ огромнымъ кредитомъ съ недостаточнымъ обезпеченіемъ, состоявшимъ къ тому же изъ бумагъ сомнительныхъ предпріятій (водопроводъ въ Скутари, вторыя закладныя на лѣсныя и промышленныя имѣнія и т. д.).

Единственная операція, на которой въ Германіи могутъ быть основаны денежные счета между земельными банками и учрежденіями краткосрочнаго кредита, по мнѣнію эксперта,— это продажа закладныхъ листовъ. Обыкновенно земельный банкъ сдаетъ своему банкиру партію листовъ на продажу и по мѣрѣ реализаціи получаетъ отъ него деньги частями по корреспондентскому или другому счету. Изъ этого, однако, никоимъ образомъ не вытекаетъ, чтобы капиталы земельного банка миллионами находились у банкира. Все это вполне примѣнимо и къ нашимъ банкамъ

На судѣ установлено, что Харьковскій торговый банкъ не выполнялъ для земельного банка ровно никакихъ функцій. При такой постановкѣ дѣла, въ пользу передачи ему всѣхъ свободныхъ средствъ земельного банка нельзя привести ни одного аргумента.

V.

Обратимся теперь къ вопросу о *залогахъ и продажахъ закладныхъ листовъ, представленныхъ въ сверхсрочное погашеніе ссудъ*. Не довольствуясь тѣмъ, что въ торговый банкъ переданы были суммы, полученные отъ залога запаснаго капитала, дѣятели земельного банка пошли дальше въ томъ же направленіи. Для полученія средствъ, въ которыхъ такъ сильно нуждались предиріятія Алчевскаго, они прибѣгли къ залoгу закладныхъ листовъ, представленныхъ заемщиками въ сверхсрочное погашеніе ссудъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта операція ни при какихъ условіяхъ, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допущена, такъ какъ она подрываетъ основаніе, на которомъ построенъ кредитъ въ земельныхъ банкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, закладные листы выпускаются исключительно подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и въ суммѣ, не превышающей выданныхъ банкомъ долгосрочныхъ ссудъ. Безъ ипотечнаго обезпеченія выпускъ закладныхъ листовъ немислимъ, это основное требованіе организаціи долгосрочнаго земельного кредита. Въ обращеніи имѣются, конечно, и другія бумаги на предъявителя, приносящія опредѣленный доходъ; не всѣ онѣ,

конечно, обеспечены недвижимымъ имуществомъ, но для каждаго вида бумагъ имѣется совершенно опредѣленное, указанное закономъ и условіями выпуска, обезпеченіе. Такъ, государственныя бумаги обезпечены бюджетными средствами и всѣмъ государственнымъ достояніемъ; бумаги, выпускаемыя дворянскимъ и крестьянскимъ банками, обезпечены заложенными въ этихъ банкахъ имѣніями и, сверхъ того, пользуются правительственною гарантіею; послѣднюю пользуются часто и облигаціи желѣзныхъ дорогъ помимо принадлежащаго имъ имущества. Далѣе, займы городовъ обезпечены принадлежащими городамъ имуществами и бюджетными средствами. Точно также закладные листы земельныхъ банковъ и облигаціи городскихъ кредитныхъ обществъ имѣютъ совершенно опредѣленное обезпеченіе: они обезпечены прежде всего и главнымъ образомъ заложенными въ нихъ землями и домами. Именно это обезпеченіе придаетъ имъ характеръ первоклассной бумаги; только при наличности такого обезпеченія, имѣющаго болѣе важное значеніе, чѣмъ основныя и запасныя капиталы, могъ упрочиться ипотечный кредитъ, могло развиваться довѣріе къ закладнымъ листамъ. Отнимите это обезпеченіе — и закладные листы перестанутъ носить характеръ сберегательной кассы. Подорвать довѣріе къ этимъ бумагамъ, значитъ поселить тревогу среди владѣльцевъ закладныхъ листовъ и облигацій, сумма которыхъ въ настоящее время у насъ достигаетъ уже 2,8 милліардовъ рублей и больше, чѣмъ втрое, превышаетъ сумму вкладовъ всѣхъ сберегательныхъ кассъ. Именно этотъ безспорный характеръ обезпече-

ніа отличаєть закладные листы отъ промышленныхъ облигацій. Уставъ земельныхъ банковъ и городскихъ кредитныхъ обществъ въ точности предусматриваєть условія выпуска и погашенія закладныхъ листовъ, и только строгое соблюденіе его требованій можетъ поддерживать довѣріе къ ихъ бумагамъ. Приобрѣтающіе закладные листы должны всегда быть увѣрены въ томъ, что обезпеченіемъ для нихъ служатъ не фабрики и заводы, стоимость и доходность которыхъ подвергается большимъ колебаніямъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, а земельныя и городскія имущества, приносящія постоянный доходъ, опредѣленный на основаніи инструкцій. Въ этомъ-то и разница между промышленными облигаціями и закладными листами.

Но чѣмъ же обезпечиваєтся закладной листъ, если имущество, подъ залогъ котораго онъ выпущенъ, выкуплено изъ залога? Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, одновременно съ выкупомъ изъ залога имуществовъ, должны быть уничтожены и выпущенные подъ его залогъ закладные листы, что только при строгомъ соблюденіи этого требованія эмиссіонная операція земельныхъ банковъ не будетъ наносить ущерба публичному кредиту и что только подъ этимъ условіемъ земельнымъ банкамъ можетъ быть предоставлено право выпускать закладные листы.

Въ Харьковскомъ банкѣ на это смотрѣли иначе: когда Алчевскому понадобились новые капиталы для поддержанія его промышленныхъ предпріятій, банкъ пересталъ уничтожать листы, представленныя въ сверхсрочное погашеніе ссудъ, но отдавалъ ихъ въ за-

логъ, частью продавалъ, а полученные отъ этого деньги переводилъ въ торговый банкъ. Въ маѣ 1901 года банкомъ было заложено такихъ листовъ на 5.230.000 р. и продано на 847.7000 руб. Эти листы на 6.077.700 руб. подлежали уничтоженію по той простой причинѣ, что имущества, ихъ обезпечивавшія, были выкуплены изъ залога, переведены въ другіе банки, гдѣ подъ ихъ залогъ выпущены также закладные листы. Можно-ли допустить, чтобы подъ залогъ одного и того же имущества одновременно выпускались закладные листы въ двойномъ количествѣ? Если же имущества выкупались изъ залога, безъ перевода въ другіе банки, то могутъ-ли свободныя отъ залога имущества служить обезпеченіемъ для закладныхъ листовъ даже въ томъ случаѣ, когда залоговое свидѣтельство еще не уничтожено и запрещеніе еще не снято?

Защита пыталась оправдать эти злоупотребленія и доказывала, во первыхъ, что деньги, вырученныя отъ залога, были проведены по книгамъ, поступили въ торговый банкъ и, слѣдовательно, были обезпечены активомъ торговаго банка; во вторыхъ, она доказывала, что между выкупомъ имѣнія и погашеніемъ закладныхъ листовъ можетъ существовать извѣстный промежутокъ времени, когда подъ залогъ того же имущества имѣется двойное количество закладныхъ листовъ. Аргументація эта нисколько не убѣдительна; она показываетъ, что защита не сумѣла еще разобраться въ операціяхъ земельныхъ банковъ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если кредитная канцелярія, призванная контролировать дѣйствія банковъ, удовлетворилась какими то объясне-

ніями, представленными банкомъ на запросъ о залогѣ закладныхъ листовъ, если, наконецъ, и столичные банки, петербургскіе и московскіе, не нашли ничего ненормального въ фактѣ залога закладныхъ листовъ земельнымъ банкомъ.

Разберемъ эти аргументы. Что касается обезпеченія, которое, будто бы, имѣли заложенные закладные листы, то каково бы ни было довѣріе дѣятелей земельного банка къ торговому банку и къ предпріятіямъ Алчевскаго, уставъ такого обезпеченія для закладныхъ листовъ не предусматриваетъ. Еслибъ металлургическія общества Алчевскаго были очень прочными предпріятіями, а торговый банкъ перво-класснымъ кредитнымъ учрежденіемъ, то все же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для закладныхъ листовъ допускается только одинъ видъ обезпеченія, не тотъ, который избрали дѣятели Харьковскаго банка. Что касается второго аргумента, то, дѣйствительно, бывають случаи, когда банкъ еще не успѣлъ выкупить закладныхъ листовъ и погасить ихъ, а между тѣмъ имѣніе уже освобождено отъ залога. Но это бываетъ, во-первыхъ, только тогда, когда ссуды погашаются наличными деньгами, а не закладными листами, какъ это имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ. Во-вторыхъ, если погашеніе вносится наличными деньгами, что имѣетъ мѣсто только тогда, когда курсъ закладныхъ листовъ выше нарицательной цѣны, то банкъ обязанъ усилить ближайшій тиражъ на сумму сверхсрочнаго погашенія и такимъ образомъ изъять изъ обращенія соотвѣтственную сумму закладныхъ листовъ.

Спрашивается, можно-ли привести сколько-нибудь правдоподобное оправданіе для залога

такихъ закладныхъ листовъ? Землевладѣлецъ приносить банку закладные листы для погашенія своего долга, выкупаетъ свои обязательства,—выпущенные подъ залогъ его имѣнія закладные листы. Что же остается банку сдѣлать, какъ не уничтожить эти листы, какъ уничтожаютъ вексель по уплатѣ долга? А между тѣмъ, находятся защитники, которые такъ увѣровали въ двойную бухгалтерію, что считаютъ въ порядкѣ вещей, когда листы эти закладываются, особенно если вырученныя отъ залога деньги употреблены на подъемъ отечественной промышленности.

Можно себѣ представить, какіе размѣры приняла бы эта операція, еслибы не наступилъ крахъ, какъ легко она могла бы поглотить весь акціонерный капиталъ и нанести ущербъ не только акціонерамъ, но и владѣльцамъ закладныхъ листовъ. Нужно-ли еще останавливаться на дальнѣйшихъ доказательствахъ, что такіе закладные листы не имѣютъ реального обезпеченія, хотя въ глазахъ держателей листовъ они ничѣмъ не отличаются отъ листовъ, обезпеченныхъ залогомъ имѣній?

И здѣсь мы имѣемъ то же, что практиковалось въ Прусскомъ банкѣ, гдѣ вслѣдствіе продажи и залога части ипотекъ, по которымъ не была уплачена валюта, или уже произведено погашеніе, часть закладныхъ листовъ потеряла ипотечное обезпеченіе. Нечего и прибавлять, что въ Германіи это признано было однимъ изъ наиболѣе опасныхъ злоупотребленій.

Перехожу теперъ къ злоупотребленіямъ, которыя сами по себѣ не могли бы привести къ краху; это злоупотребленія въ составленіи годовыхъ отчетовъ. Банкъ переносилъ изъ года

въ годъ безнадежные долги, на возвратъ которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было рассчитывать. Дѣлалось это вполнѣ сознательно, тутъ не было иллюзіи, никто не заблуждался относительно значенія такихъ долговъ, но списывать ихъ на убытокъ значило бы уменьшить дивидендъ, а уменьшить дивидендъ значило бы понизить цѣну акцій, уменьшить танъемы, вызвать сомнѣніе въ прочности банка и т. д. Наконецъ, что еще важнѣе, это значило бы уменьшить сумму, которая можетъ быть выдана подъ залогъ акцій. Тутъ - то на выручку являются фиктивные счета, дутые балансы, фальшивые отчеты. Уставъ предписываетъ выдавать дивидендъ изъ чистой годовой прибыли, „выведенной за исключеніемъ всѣхъ расходовъ и убытковъ“, слѣдовательно, требованіе это распространяется и на расходы по изготовленію закладныхъ листовъ и по оплатѣ ихъ гербовымъ сборомъ. Это требованіе тѣмъ болѣе правильно, что заемщики при полученіи ссудъ вносятъ спеціально для этой цѣли особый сборъ, съ избыткомъ покрывающій всѣ расходы по выпуску листовъ. Харьковскій банкъ поступалъ иначе: платежи заемщиковъ при залогѣ зачислялись полностью въ прибыли, а расходы оставались непокрытыми, переносились изъ года въ годъ, ставились на счетъ дебиторовъ, хотя никто никогда ихъ больше не могъ возмѣстить банку. Такихъ сумъ набралось на 284.627 руб.

Особенно запутаннымъ представлялся счетъ закладныхъ листовъ, принятыхъ на комиссію. Уставъ (ст. 33) разрѣшаетъ банку, „по обоюдному условію съ заемщикомъ, принять на себя продажу выданныхъ листовъ, по вольной

цѣнѣ, взимая за это комиссіонную плату въ размѣрѣ, опредѣляемомъ правленіемъ, не выше, однако, $\frac{1}{4}\%$. Операція эта доставляетъ банкамъ нерѣдко большія прибыли, прибыли эти получалъ и Харьковскій банкъ, но такъ какъ у него были и крупныя убытки, которые онъ находилъ неудобнымъ показывать въ отчетахъ, какъ то убытки по имуществамъ, оставшимся за банкомъ, проценты по займамъ, убытки отъ оплаты купоновъ отъ закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія и т. д., то все прибыли отъ продажи листовъ употреблялись на покрытіе убытковъ. Такъ какъ убытки превышали прибыли, то часть ихъ на сумму около полумилліона, во избѣжаніе необходимости сократить дивидендъ, показывалась въ числѣ суммъ, которыя еще имѣютъ поступить въ пользу банка.

Такимъ образомъ, по различнымъ статьямъ разнесенъ былъ убытокъ въ 932,968 рублей, скрытый отъ акціонеровъ. Можетъ быть, случаи такіе практикуются и въ другихъ обществахъ, но отъ этого они не перестаютъ быть злоупотребленіями и не избавляютъ отъ отвѣтственности предъ закономъ.

VI.

Обвиненіе по земельному банку останавливалось еще на одномъ пунктѣ,—на ложныхъ свѣдѣніяхъ о непроданныхъ акціяхъ. При IX и X выпускахъ оказалось неразобранными акціонерами 419 акцій, а между тѣмъ, правленіе показывало ихъ въ своихъ балансахъ какъ проданныя и разносило соответствующія сум-

мы въ основной и запасный капиталы и въ резервный фондъ. На этомъ основаніи гражданскіе истцы предъявили искъ объ убыткахъ на соотвѣтствующую сумму. Почему неразобранныя акціонерами акціи не были проданы на биржѣ, когда выпускной курсъ былъ ниже биржеваго, осталось невыясненнымъ на судѣ. Это было приписано простой небрежности. Едва ли такое объясненіе правильно, такъ какъ прямой интересъ правленія, всегда нуждавшагося въ деньгахъ, заключался въ томъ, чтобы въ кассу дѣйствительно постушили деньги, показанныя въ балансѣ. Можно думать, что здѣсь повторилось то же, что имѣетъ мѣсто при многихъ выпускахъ какъ государственныхъ, такъ и частныхъ бумагъ. Вопреки заявленіямъ объ удачной подпискѣ, въ дѣйствительности нерѣдки случаи, когда часть подлежащихъ выпуску бумагъ не находитъ покупателей и только впоследствии, иногда чрезъ годъ, два или еще позже ее удастся размѣстить. Мы не будемъ останавливаться на этомъ пунктѣ, во первыхъ, потому, что въ сравненіи съ другими пунктами обвиненія, онъ не имѣетъ большого значенія, во вторыхъ, потому, что еще очень спорно, нанесенъ ли этимъ ущербъ банку не только въ абсолютной суммѣ выпускной цѣны акцій, какъ принято въ обвинительномъ актѣ, но и въ той суммѣ, которая превышаетъ ихъ нарицательную цѣну. Акціи эти не были проданы или отданы въ залогъ, онѣ оставались въ кассѣ и потому уничтоженіе ихъ могло быть произведено во всякое время. Въ аналогичныхъ случаяхъ по условіямъ выпуска требуется, чтобы банки либо продавали такія акціи на биржѣ, либо уничтожали ихъ и соот-

вѣтственно этому уменьшали сумму выпуска. Было бы совершенно правильно, если бы такъ поступилъ и Харьковскій банкъ съ 419 неразобранными акціями. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что правленіе отвѣтственно за помѣщеніе въ балансахъ ложныхъ свѣдѣній, но не доказано, чтобы этими дѣйствіями банку причинены убытки въ суммѣ биржевой цѣны акцій.

Таковы главные обвинительные пункты по земельному банку

Перейдемъ теперь къ *торговому* банку.

Главные пункты обвиненія заключаются въ слѣдующемъ: члены правленія открывали себѣ и Алчевскому кредитъ свыше 90% биржевой цѣны бумагъ, выдавали изъ кассы суммы въ видѣ временныхъ ссудъ безъ всякихъ документовъ, возвращали обратно Алчевскому бумаги, служившіе обезпеченіемъ открытаго ему кредита, разрѣшали ему ничѣмъ необезпеченный кредитъ по счету корреспондентовъ и переходящихъ суммъ и выдавали ему сумму по учету векселей до представленія самихъ векселей. Желая скрыть эти операціи, правленіе представляло акціонерамъ неполные, отчасти невѣрные отчеты. Судя по показаніямъ свидѣтелей и даннымъ обвинительнаго акта, торговый банкъ служилъ почти исключительно для того, чтобы поддерживать Алчевскаго и его предпріятія. По существу банкъ напоминалъ частную контору, принявшую акціонерную форму.

Въ отдѣльныхъ рубрикахъ баланса было все то, что имѣется въ другихъ банкахъ, но это были только рубрики безъ реального содержанія, необходимаго для общественныхъ

предпріятій. Такъ, учетная операція показана была въ 3,832.190 руб., но изъ нихъ свыше 2 милл. падало на векселя Алчевскаго, около полумилліона на принадлежавшее ему Алексѣевское общество и только 506.357 руб. падало на постороннихъ кліентовъ. Точно также изъ ссудъ подъ процентныя бумаги, показанныхъ въ суммѣ 7.584.356 руб., на Алчевскаго падало свыше 6 милл., на другихъ членовъ правленія свыше полумилліона. Кромѣ того, Алчевскому открытъ былъ кредитъ по счету корреспондентовъ въ суммѣ около трехсотъ тысячъ, по счету разныхъ, по комиссіи около двухсотъ тысячъ, по счету переходящихъ суммъ около шестисотъ тысячъ. Наконецъ, ему было выдано по роспискамъ изъ кассы 65.000 руб. При основномъ капиталѣ торговаго банка въ 1 милл. Алчевскій и члены правленія воспользовались въ немъ кредитомъ въ 10.239.668 руб., изъ которыхъ львиная доля падала на самого Алчевскаго. Мало того, проценты по этому огромному долгу далеко не всегда выплачивались, а приписывались къ капиталу, на нихъ выдавались векселя, точно такъ, какъ это дѣлалось и въ Германіи въ Шнильгагеновскихъ банкахъ. Всѣми этими дѣйствіями торговому банку причиненъ убытокъ почти въ 5 милліоновъ.

Тонъ всему банку задавалъ Алчевскій, не смотря на то, что въ 1895 г. онъ вышелъ изъ состава правленія. Онъ продолжалъ принимать близкое участіе въ управленіи, пользовался большимъ вліяніемъ на членовъ правленія, часто принималъ участіе въ совѣщаніяхъ, давалъ указанія и совѣты, носившіе характеръ приказаній. Кредитъ его опредѣлялся средствами,

которыми располагалъ банкъ; правленіе никогда ему не отказывало въ ссудахъ, а иногда выдавало ссуды въ размѣрѣ, превышавшемъ биржевую цѣну бумагъ. Когда средства банка были исчерпаны, а Алчевскій нуждался въ дальнѣйшемъ кредитѣ, ему возвращались заложенные имъ въ банкъ бумаги безъ погашенія ссуды, для того, чтобы онъ могъ ихъ представить въ залогъ въ какой нибудь другой банкъ. Обвинительный актъ приводитъ къ совершенно правильному заключенію, что несостоятельность торговаго банка должна быть поставлена въ тѣсную связь съ убытками, понесенными банкомъ вслѣдствіе неправильнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго кредита, открытаго преимущественно Алчевскому. Члены правленія банка признали, что Алчевскій до самаго послѣдняго времени пользовался огромнымъ вліяніемъ, никто не рѣшался ему противорѣчить, такъ какъ онъ не терпѣлъ возраженій и отличался деспотическимъ характеромъ. Широкій кредитъ основанъ былъ на полномъ убѣжденіи правленія въ его состоятельности.

Члены правленія, стоявшіе ближе къ Алчевскому, разрѣшали крупныя ссуды и считались какъ бы „старшими“. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находились остальные члены правленія: по приказанію „старшихъ“, они подписывали всѣ постановленія, не они распоряжались въ банкѣ, а ими распоряжались. По показанію одного изъ свидѣтелей, они никогда никакого вліянія не имѣли. Они выходила изъ засѣданій правленія, когда Алчевскій говорилъ со „старшими“ членами правленія о дѣлахъ. Тому же свидѣтелю на его вопросъ, какъ они могли сами учесть вексель, они отвѣтили, что до

300 р. имъ довѣряють. То-же показалъ и кассиръ банка. Когда Алчевскій приходилъ въ банкъ, они выходили изъ комнаты правленія. „Насъ на совѣщаніе не принимаютъ“, объясняли они кассиру. Присяжный попечитель по дѣламъ несостоятельнаго торговаго банка показалъ на судѣ, что всѣ надежныя бумаги были перезаложены, что вмѣсто акцій, внесенныхъ въ обезпеченіе части ссудъ, выданныхъ Алчевскому, ничего не оказалось, что векселя носили семейный характеръ и т. д.

Служащіе видѣли, какъ ведутся дѣла, и переживали немало тревогъ. Такъ, одинъ изъ старыхъ служащихъ показалъ, что кассиръ ему жаловался на тяжелое положеніе, въ которое ставятъ служащихъ. „Правленіе, говорилъ онъ, поступаетъ нехорошо — хотятъ посадить на скамью подсудимыхъ, требуютъ невозможнаго“.

Я не буду останавливаться на отдѣльных пунктахъ обвиненія по торговому банку. Думаю, что вышеприведеннаго вполне достаточно для того, чтобы видѣть, какая атмосфера царилъ въ предпріятіяхъ Алчевскаго. Приведу только нѣкоторыя изъ наиболѣе характерныхъ показаній. Какъ это вполне установлено свидѣтельскими показаніями, Алчевскій дѣйствовалъ въ земельномъ банкѣ самовластно, распоряжался единолично, не справляясь съ мнѣніемъ другихъ членовъ правленія. Его слово было закономъ, безъ его разрѣшенія не назначали въ продажу ни одного имѣнія, онъ диктовалъ рѣшенія общихъ собраній акціонеровъ, онъ назначилъ бухгалтеромъ человека, мало свѣдущаго въ бухгалтеріи, начисленіе пени и ея уменьшеніе зависѣло только отъ него и т. д. Словомъ, получается

хорошо знакомая картина, когда сильный человек захватывает в свои руки власть и подчиняет своей воле других. Бухгалтерь банка показалъ, что „правленіе вовсе не соразмѣряло дивиденда съ дѣйствительно получаемую прибылью, а напротивъ, къ размѣру напередъ указаннаго дивиденда поручало бухгалтеріи подгонять и комбинировать все отчетныя данныя по книгамъ банка“. Другой свидѣтель показалъ, что отчеты составлялись Алчевскимъ безъ участія главнаго бухгалтера, при содѣйствіи его помощника, что совѣщанія по отчету носили секретный характеръ, что никто изъ членовъ правленія не входилъ въ комнату, въ которой составлялся отчетъ, что ревизіонная коммиссія получала отчетъ уже подписанный и отпечатанный. Хотя члены правленія и заявляли, что они только впоследствии узнали о залогѣ запаснаго капитала и листовъ досрочнаго погашенія, но изъ другихъ показаній видно, что они боялись, не попадутъ ли они подъ судъ, что нѣкоторые изъ нихъ бесѣдовали объ этомъ съ Алчевскимъ и сильно волновались объ исходѣ его хлопотъ въ Петербургѣ.

Что переживали несчастные труженики, вынужденные исполнять приказанія правленія, видно также изъ заявленія служащихъ земельного банка. Бухгалтерь банка заявилъ, что, присутствуя въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ, когда докладывались отчеты правленія, въ которыхъ сообщались завѣдомо ложныя свѣдѣнія о состояніи дѣлъ банка, а также доклады ревизіонной коммиссіи, поддерживавшіе эти ложныя отчеты, онъ, конечно, сознавалъ, что такими отчетами и докладами акціонеры

вводятся въ заблужденіе, но „не ему же, бухгалтеру и зависимому человѣку, было поднимать противъ этого свой голосъ“. Помощникъ секретаря земельного банка привелъ и такой случай, когда одному изъ бухгалтеровъ, отказавшемуся подписать одно письмо, предложено было оставить службу, на что онъ отвѣтилъ Алчевскому: „но только вмѣстѣ съ вами“. Одинъ изъ свидѣтелей въ письменномъ показаніи своемъ категорически настаивалъ, что о главнѣйшихъ злоупотребленіяхъ по земельному банку знали служащіе, что онъ, свидѣтель, и главный бухгалтеръ банка говорили объ этомъ Алчевскому, который успокаивалъ ихъ, что выкупить заложенные бумаги, что объ этихъ операціяхъ знали всѣ члены правленія, съ ними объ этихъ операціяхъ говорили тѣ-же служащіе. По показанію одного изъ членовъ правленія торговаго банка, широкой кредитъ Алчевскому открывался „съ вѣдома всѣхъ членовъ правленія“; имъ было извѣстно, что въ банкѣ все опредѣлялось интересами Алчевскаго, но они поддавались его вліянію.

VII.

Здѣсь до мельчайшихъ подробностей повторилось то, что имѣло мѣсто въ процессѣ ипотечныхъ банковъ въ Германіи. Совпаденіе это не случайное, оно только потому и представляетъ интересъ, что даетъ возможность уловить нѣкоторыя черты акціонернаго строя и отмѣтить характерныя особенности организаціи управленія акціонерныхъ компаній. Оно про-

является прежде всего въ организациі управленія: во главѣ стоитъ одинъ вліятельный хозяинъ предпріятія, которому безпрекословно подчиняются всѣ остальные, по уставу и закону пользующіеся равными ему правами, несущіе по закону равныя съ нимъ обязанности. Это мы видимъ въ процессѣ Прусскаго и Германскаго ипотечныхъ банковъ, въ процессѣ Поммеранскаго банка, Кассельскаго общества, Лейпцигскаго банка, Гейльбронскаго ремесленнаго банка и до нѣкоторой степени даже въ процессѣ лондонскаго биржевика Гули и берлинскаго банкира Штернберга. Вездѣ обвиняемые ссылаются на то, что они мало свѣдуши въ бухгалтеріи, что они не просматривали книгъ, что довѣряли главному распорядителю, что не подозрѣвали затруднительнаго положенія, въ которомъ находилось ввѣренное имъ общество, и т. д.

Въ „Erfahrungen aus dem Prozess „Sanden und Genossen“ Zur persönlicher Rechtfertigung und zur Beleuchtung unserer Strafrechtspflege von Heinrich Schmidt (Berlin, 1903, 237p.), книгѣ, написанной однимъ изъ обвиняемыхъ въ Шпильгагеновскомъ процессѣ, имѣются поразительныя аналогіи съ тѣмъ, что было въ процессѣ дѣятелей Харьковскихъ банковъ.

„Чѣмъ съ большимъ рвеніемъ и выдержкою“, говоритъ авторъ, „я работалъ надъ консолидаціею обоихъ банковъ и чѣмъ больше я считалъ себя вправѣ радоваться усціхамъ, гордиться ими, тѣмъ безсовѣстнѣе, какъ это выяснилось при крахѣ, работали въ ипотечномъ отдѣленіи за моею спиною, безъ моего вѣдома. *Отъ меня все такъ тщательно скрывалось, что я не имѣлъ представленія о злоупотребленіяхъ*

въ ипотечномъ отдѣленіи. Если-бы мнѣ пришлось давать показанія въ качествѣ свидѣтеля, я подъ присягою не могъ бы показать ничего такого, что служило бы къ обвиненію другихъ директоровъ. То, что я теперь знаю, я узналъ впервые изъ газетъ послѣ краха, изъ печатныхъ отчетовъ ревизіонной комиссіи и изъ допросовъ слѣдственнаго судьи. Балансы составлялись не бухгалтерами, а директорами Санденомъ и Пушмюллеромъ на основаніи сдѣланныхъ бухгалтерами выписокъ изъ книгъ. Такой способъ составленія балансовъ имѣлъ въ моихъ глазахъ двойную гарантію ихъ вѣрности и точности. Какъ могло кому-нибудь прійти въ голову, что у директоровъ хватить смѣлости составлять невѣрные балансы и такимъ образомъ ставить себя въ безусловную зависимость отъ персонала, среди котораго всегда могли найтись такіе, которые будутъ пользоваться этими свѣдѣніями для вымогательства, какъ это, въ концѣ концовъ, дѣйствительно и было“ (стр. 21—22).

„Когда Санденъ и Пушмюллеръ заканчивали баланс“, рассказываетъ Шмидтъ, „его переписывали на чисто и представляли мнѣ съ подписью Сандена вмѣстѣ съ приложеніями, состоявшими изъ бухгалтерскихъ выписокъ изъ книгъ; это я получалъ въ отдѣльныхъ листкахъ, несшитыхъ. Послѣ ревизіи ихъ сшивали ревизоры балансовъ, назначенные правленіемъ согласно ст. 50 торг. улож. Я не могу ни утверждать, ни отрицать, сшивались-ли именно тѣ приложенія, которыя предъявлялись мнѣ, потому что ихъ нетрудно было подмѣнить.

Я не могъ, само собою разумѣется, спрашивать о перетасовкахъ, фиктивныхъ счетахъ

въ балансахъ, потому что не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго представленія и годовые балансы я получалъ всегда къ концу дня, накануне ревизіи, такъ что у меня оставалось для просмотра балансовъ всего нѣсколько часовъ. У меня не было никакого личнаго интереса молчать, такъ какъ и безъ того я рѣшилъ къ концу года выйти изъ состава правленія. И если я, тѣмъ не менѣе, молчалъ, то потому, что ничего не зналъ, не имѣлъ ни о чемъ ни малѣйшаго понятія и не подозрѣвалъ, что меня самымъ тонкимъ образомъ обходили и надували“ (стр. 22—23). „Мнѣ нечего и доказывать, продолжаетъ Шмидтъ, „что главный директоръ Санденъ никогда не знакомилъ меня и не хотѣлъ знакомить съ дутыми, основанными на личныхъ и семейныхъ соображеніяхъ, связанными съ несомнѣннымъ рискомъ, дѣлами, которыя, въ концѣ концовъ, привели къ убыткамъ и краху. Все это, если онъ не хотѣлъ немедленно погубить себя, должно было оставаться для меня terra incognita. Онъ умѣлъ все такъ искусно скрывать и маскировать, что я не могу утверждать, зналъ ли обо всемъ директоръ Пушмюллеръ, работавшій съ нимъ въ одномъ отдѣленіи“ (стр. 27—28).

„Годовые отчеты составлялись однимъ Санденомъ, какъ это онъ самъ категорически призналъ при допросѣ. Написавъ нѣсколько страницъ, онъ приносилъ ихъ мнѣ. Я прочитывалъ и возвращалъ ему назадъ,—такъ дѣлалось до конца. Когда нужно было печатать отчетъ, онъ давалъ его въ переписку одному изъ чиновниковъ ипотечнаго отдѣленія; чиновникъ при этомъ помѣщалъ и имена директо-

ровъ. *Изъ директоровъ никто никогда не подписывалъ отчетовъ*“ (стр. 78).

Когда требованія конторы Ангальтъ и Вагенеръ, владѣлецъ которой игралъ такую же роль, какую въ Харьковѣ игралъ Алчевскій, стали уже чрезмѣрными, Шмидтъ отказалъ въ выдачѣ 60.000 м. и въ пылу спора заявилъ владѣльцу: „Если вы дальше будете такъ поступать, мы всѣ вмѣстѣ попадемъ еще въ Моабитъ“. Разказавъ другому директору о своемъ столкновеніи, онъ прибавилъ: „Если контора Ангальтъ и Вагенеръ такъ будетъ дальше вести свои дѣла, она должна будетъ прекратить платежи и потянетъ за собою банкъ“ (стр. 177).

Чтеніе отчетовъ въ засѣданіяхъ наблюдательнаго совѣта Санденъ предоставлялъ другимъ директорамъ. По этому поводу Генрихъ Шмидтъ говоритъ слѣдующее: „чтеніе годовыхъ отчетовъ и другія мелочи, въ которыхъ я не могъ стать ему на пути, Санденъ предоставлялъ мнѣ; это были мелкія уступки, которыми онъ думалъ пустить пыль въ глаза наблюдательному совѣту и мнѣ, и показать, что онъ мнѣ, какъ директору, тоже придаетъ нѣкоторое значеніе. Въ дѣйствительности же онъ смотрѣлъ на меня съ начала до конца, какъ на своего подчиненнаго, носящаго только титулъ директора, потому что уставъ предусматривалъ, чтобы правленіе состояло, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ членовъ. Равноправнаго директора онъ, какъ это вполнѣ теперь выяснилось, не могъ бы допустить рядомъ съ собою“ (стр. 183).

Если замѣнить имена директоровъ Шпильгагеновскихъ банковъ именами дѣятелей Харь-

ковскихъ банковъ, трудно будетъ, кажется, отдѣлить, что дѣлалось въ Берлинѣ, отъ того, что дѣлалось въ Харьковѣ.

Судъ иначе посмотрѣлъ на показанія Шмидта; онъ не согласился съ тѣмъ, что его объясненія свидѣтельствуя объ его невиновности. Какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній, онъ еще въ 1885 г. относился съ недовѣріемъ къ Сандену. Такія выраженія, какъ „этотъ путь приведетъ въ Моабитъ“, или аналогичныя, нельзя, конечно, понимать буквально въ томъ смыслѣ, что Шмидтъ уже тогда зналъ о наказуемыхъ дѣяніяхъ Сандена, но все же они не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Шмидтъ тогда уже не считалъ веденія дѣлъ въ банкѣ правильнымъ. Далѣе, банковое отдѣленіе находилось въ его вѣдѣніи, онъ читалъ и подписывалъ всѣ письма и зналъ обо всемъ, что дѣлалось, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отдѣленіи. Такъ какъ безъ его вѣдома никто не могъ пользоваться бумагами банка, то онъ зналъ о затрудненіяхъ, которыя съ давнихъ поръ переживалъ банкъ, такъ какъ эти затрудненія имѣли своимъ послѣдствіемъ залогъ бумагъ. Нѣкоторыя изъ инкриминируемыхъ подсудимымъ дѣйствій относились именно къ бумагамъ; они не могли не обращать на себя вниманія директора Шмидта. Судъ не повѣрилъ ему и въ томъ, что онъ позволилъ совершенно себя вытѣснить и что онъ слѣпо довѣрялъ Сандену. Кромѣ того, Шмидтъ замѣнялъ Сандена, когда тотъ находился въ отпуску. По всѣмъ этимъ соображеніямъ судъ пришелъ къ убѣжденію, что если подсудимый не зналъ всѣхъ деталей невѣрныхъ балансовъ, то онъ все же зналъ,

что въ нихъ часто были невѣрныя данныя и что ихъ конечный результатъ долженъ былъ приводить не къ прибылямъ, а къ убыткамъ (стр. 206). Такъ какъ онъ подписывалъ балансы, зная, что они невѣрны, онъ былъ присужденъ къ уплатѣ штрафа въ 2000 м. и къ тюремному заключенію на годъ.

Въ другомъ, болѣе громкомъ, процессѣ дѣятелей Кассельскаго акціонернаго общества¹⁾, имѣющемъ съ Харьковскимъ нѣкоторое сходство въ томъ смыслѣ, что и тамъ на судѣ не было главнаго виновника краха, повторилось то же, что мы видимъ въ Харьковѣ; по крайней мѣрѣ, обвиняемые въ многихъ случаяхъ говорили такимъ же языкомъ и приводили тѣ же оправданія, какія приводились въ Харьковѣ.

Общество это прибѣгло къ самымъ тонкимъ, усовершенствованнымъ приемамъ, какіе только могли придумать спекулянты крупныхъ биржевыхъ центровъ. Здѣсь все, начиная съ первыхъ же шаговъ, было дутю. На бумагахъ выводились прибыли, на основаніи прибылей выводился фиктивный дивидендъ, выдавались крупныя танъемы, каждый разъ учреждались новыя філіальныя общества, приносившія на бумагахъ большіе доходы, пока все это сразу не рухнуло. Начавъ съ капитала въ 350.000 м., общество въ нѣсколько лѣтъ довело его до 20 милл. нарицательной стоимости. Акціи въ послѣднее время выпускались по 200 и 225%,

¹⁾ Кассельскій крахъ—самый крупный за послѣдніе годы, конкурсное управленіе оцѣнило активъ общества въ 1²/₃ милл. при пассивѣ въ 177 милл., изъ которыхъ на одинъ Лейпцигскій банкъ падало около 90 милліоновъ марокъ.

цѣна ихъ на берлинской биржѣ возвысилась въ ноябрѣ 1896 года до 895⁰/₀. Дивидендъ выдавался въ колоссальныхъ размѣрахъ: за 1895—96 годъ выдано до 38⁰/₀, за 1896—97 г. 50⁰/₀, за 1897—98 г. 40⁰/₀, за 1898—99 г. 40⁰/₀ и за 1899—1900 г. 25⁰/₀. Число филиальныхъ обществъ, носившихъ характеръ самостоятельныхъ предприятий, въ дѣйствительности же неразрывно связанныхъ съ главнымъ предприятиемъ въ Касселѣ, было доведено до 32. Тутъ были предприятия не только въ Германіи, но и въ Россіи, Финляндіи, Галиціи, Венгріи, Босніи, Норвегіи, Италиі, Франціи, Бельгіи и другихъ странахъ. Каковы были балансы общества, видно изъ того, что свыше 50 милл. было искусственно помѣщено въ видѣ активовъ. На выдачу дивиденда и таньемъ израсходовано было 21,38 милл., не смотря на то, что общество въ дѣйствительности всегда терпѣло только убытки. При учрежденіи филиальныхъ обществъ изъ Лейпцигскаго банка дѣлались временныя заимствованія только для того, чтобы предъявлять ихъ нотаріусу, потомъ эти суммы возвращались обратно въ Лейпцигскій банкъ. Это служило доказательствомъ того, что подписка на акціи состоялась, что акціи проданы. Кассельское общество поставляло потомъ филиальнымъ обществамъ машины по дорогой цѣнѣ, получало обратно деньги и возвращало ихъ Лейпцигскому банку.

Заправки Кассельскаго общества вѣрили въ патентъ Бергмана, въ его чудодѣйственную силу такъ, какъ Харьковскіе дѣятели вѣрили въ металлургію Алчевскаго; въ него вѣрилъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ по-

рахъ Лейпцигскій банкъ такъ, какъ въ бумаги Алчевскаго вѣрили петербургскіе и московскіе банки. Предсѣдатель наблюдательнаго совѣта, Германъ Зумпфъ, человѣкъ съ хорошими средствами, состояніе котораго опредѣлялось въ нѣсколько милліоновъ, слѣдовательно совершенно не нуждавшійся въ службѣ въ Кассельскомъ обществѣ, какъ не нуждались въ службѣ и нѣкоторые подсудимые въ Харьковскомъ процессѣ, взаливалъ всю отвѣтственность на главнаго директора Шмидта, успѣвшаго заблаговременно выѣхать изъ Германіи. Шмидтъ ему говорилъ, что дѣла шли хорошо, что филиальнымъ обществамъ предстоитъ блестящее будущее,—и этого было достаточно. Когда у него возникали сомнѣнія относительно размѣра чистой прибыли или относительно производства, достаточно было успокоительнаго заявленія Шмидта, чтобы разсѣять сомнѣнія. Онъ не останавливался даже предъ тѣмъ, чтобы выдавать собственные векселя для учета, когда обществу нужны были деньги для выдачи дивиденда. Когда правленіе и совѣтъ были привлечены къ участию въ консорціумѣ, принявшемъ на себя финансированіе дѣлъ филиальныхъ обществъ, Шмидтъ представилъ ему заключеніе двухъ юристовъ, что такія операціи мирятся съ званіемъ предсѣдателя совѣта,—и этого было достаточно для его успокоенія. На судѣ онъ призналъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ не просматривалъ книгъ, что ему неизвѣстно, кто былъ учредителемъ филиальныхъ обществъ, между тѣмъ какъ половина основнаго капитала въ такихъ случаяхъ поступала въ Кассельское общество въ видѣ вознагражденія за патентъ. Однако, это не мѣшало ему

получать тантьему, доходившую до 100,000 марокъ. Другіе члены совѣта смотрѣли также легко на свои обязанности. Такъ, вице-предсѣдатель совѣта заявилъ, что онъ не былъ въ курсѣ дѣла; другой членъ совѣта призналъ, что не знаетъ, въ какихъ филиальныхъ обществахъ онъ числился членомъ совѣта, такъ какъ это устраивалъ Шмидтъ и ему незачѣмъ объ этомъ заботиться. Третій членъ совѣта, изъ дворянъ землевладѣльцевъ показалъ, что рѣшительно ничего не понимаетъ въ финансовыхъ вопросахъ и потому просилъ своего шурина, лейтенанта въ отставкѣ, ознакомиться съ дѣлами. Тотъ далъ себя такъ одурачить, что началъ продавать различныя солидныя бумаги, чтобы покупать акціи общества.

Все это были люди съ крупнымъ состояніемъ; они выдавали векселя, которые учитывались въ пользу общества, выдавали ихъ безпрекословно по запискамъ Шмидта. Членъ совѣта Отто такъ подчинялся Шмидту, что незадолго до составленія отчета Лейпцигскаго банка выдалъ, по его требованію, своихъ векселей на нѣсколько милліоновъ. На судѣ онъ показалъ, что питалъ къ Шмидту слѣпое довѣріе и подписалъ бы свой смертный приговоръ, если бы ему предложилъ его къ подписи Шмидтъ. Онъ былъ членомъ совѣта и въ филиальныхъ обществахъ, но въ какихъ именно, онъ не помнилъ; его назначали, самъ онъ тамъ никогда не былъ. Другой членъ совѣта, на вопросъ предсѣдателя, провѣрялъ ли онъ когда нибудь книги, отвѣтилъ: „Bewahre, wie sollte ich das können“

Членовъ совѣта это нисколько не смущало. Одинъ изъ нихъ показалъ, что будто бы толь-

ко изъ бесѣды съ своимъ защитникомъ онъ получилъ представленіе объ обязанностяхъ члена совѣта. Не разъ на судѣ приходилось слышать отъ обвиняемыхъ, что они ничего не знаютъ, что все это дѣлалось по распоряженію директора Шмидта, сдѣлки заносились въ книги по его записочкамъ. Такъ какъ Шмидта не было на судѣ, то объясненія эти могли бы показаться правдоподобными, если бы этому не противорѣчили письма, адресованныя членами совѣта къ Шмидту. „Мы играемъ въ опасную игру, съ тѣхъ поръ какъ имѣемъ на шеѣ Лейпцигскій банкъ, писалъ одинъ изъ нихъ Шмидту. Мы должны продавать. Когда наступитъ крахъ, въ глазахъ публики виновниками будемъ мы. Банкротство общества будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ такой Kladderdatsch, какого еще никогда не было“.

Не напоминаетъ ли все это то, что было въ Харьковскихъ банкахъ? Лица, десятки лѣтъ работавшія вмѣстѣ съ Алчевскимъ свидѣтели всѣхъ его успѣховъ, участники многихъ его дѣлъ, заявляютъ, что они не подозрѣвали, предъ какою пропастью они находились, и преспокойно взваливаютъ всю вину на Алчевскаго.

Думаю, что прокуроръ поступалъ совершенно правильно, когда настаивалъ на обвиненіи дѣятелей Кассельскаго общества. „Я далеко отъ того, чтобы вмѣнить подсудимымъ въ вину все, что дѣлалось въ обществѣ, заявилъ онъ въ своей рѣчи, но я не могу согласиться съ тѣмъ, что они не подозрѣвали обмана и дѣйствовали добросовѣстно. Они объясняютъ, что Шмидтъ съ самаго начала не давалъ имъ ознакомиться съ ходомъ дѣла и съ книгами.

На этомъ они успокоились. Если это вѣрно, то положеніе ихъ должно считаться совершенно исключительнымъ. Законъ категорически указываетъ, какія обязанности падаютъ на членовъ наблюдательнаго совѣта; объ этомъ достаточно говоритъ одно названіе. Нельзя себѣ представить большаго игнорированія обязанностей. Что эти господа дѣлали? Они получали дивиденды и тантѣмы и слѣпою довѣрчивостью втянули общество въ безконечные долги“.

Не дѣлается-ли то-же самое и во многихъ другихъ акціонерныхъ обществахъ? Вспомнимъ, что творилось въ послѣдніе три года на общихъ собраніяхъ крупныхъ коммерческихъ банковъ. Развѣ среди должностныхъ лицъ, получающихъ министерскіе оклады, мало имѣется такихъ, которыя безпрекословно исполняютъ всѣ приказанія, безъ малѣйшаго колебанія подписываютъ чеки, векселя, выдаютъ отъ имени общества обязательства, забывая, что за эту невинную подпись они нерѣдко рискуютъ очутиться на скамьѣ подсудимыхъ?

Защита въ такихъ случаяхъ ставитъ вопросъ элементарно просто: она доказываетъ, что соломенные директора не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, что дѣлалось ихъ именемъ, что они вѣрили въ геніальность главнаго распорядителя, что для тайныхъ совѣтниковъ все дѣло составляло всегда тайну и т. д. Однако, при всей правдоподобности такого объясненія оно всетаки грѣшитъ внутреннею неправдою. За что, спрашивается, челоуѣку, всю жизнь получавшему скромный чиновничій окладъ, сразу назначаютъ десятки тысячъ, притомъ въ учрежденіи, о которомъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія?

Зачѣмъ человѣка, неспособнаго къ работѣ, привлекаютъ къ дѣлу, требующему знаній практическаго опыта? Въ банкѣ, напримѣръ, такой тайный совѣтникъ отъ начала до конца остается манекеномъ, а между тѣмъ ему выплачиваютъ за его труды баснословныя суммы. Неужели же все это дается даромъ и никому изъ этихъ счастливецъ, до конца дней не умѣющихъ отличить акцій отъ облигаціи, актива отъ пассива, не впадаетъ въ голову, что они продаютъ свое имя, часто свою совѣсть, что они не больше, какъ орудіе въ рукахъ директора-распорядителя и нерѣдко прикрываютъ своими подписями его темныя дѣла? Неужели же они никогда не задумываются надъ вопросами, почему это акціонеры, обыкновенно такъ скупы вознаграждающіе персоналъ, вдругъ становятся такъ щедры, когда предъ ними генераль или тайный совѣтникъ? Можетъ быть они не отдаютъ себѣ отчета въ организациі всего дѣла, не понимаютъ акціонернаго механизма, не знаютъ и бухгалтеріи, но они все таки прекрасно знаютъ, за что имъ платятъ. Отъ кого же, какъ не отъ людей, занимающихъ высокое общественное положеніе, можно требовать сознательнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ? Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, ссылаются на авторитетъ директора-распорядителя. Дѣйствительно, если этотъ авторитетъ основанъ на знаніи дѣла, можетъ быть, и на большей талантливости, сотрудники могутъ совершенно добросовѣстно подчиняться его волѣ, уступать ему, какъ болѣе опытному дѣятелю, но мирится ли это съ составленіемъ фальшивыхъ отчетовъ, съ дутыми балансами, съ явными злоупотребленіями?

Вправѣ-ли членъ правленія, подписывающій отчетъ, ссылаться на то, что ему было неизвѣстно, для чего производились тѣ или другія финансовыя операціи, и довольствоваться тѣмъ, что явно незаконное распоряженіе исходило отъ директора—распорядителя или предсѣдателя? Властныя натуры попадаются вездѣ, во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ, болѣе талантливый, умный или ловкій человекъ подчиняетъ себѣ другихъ, но развѣ это снимаетъ отвѣтственность съ тѣхъ, которые ему подчиняются?

Въ дѣйствіяхъ, результатомъ которыхъ было крушеніе Харьковскаго торговаго банка, не было, говорятъ, умысла, и лица, стоявшія во главѣ управленія, не вели его сознательно по ложному пути, преслѣдуя свои собственные интересы. Допустимъ, что это вѣрно, но нельзя же съ другой стороны не признать, что они проявили поразительное легкомысліе и довѣрчивость и не отдавали себѣ отчета въ своихъ обязанностяхъ предъ акціонерами и кредиторами. Нерѣдки случаи, когда акціонерныя общества погибаютъ изъ за ложнаго самолюбія руководителей и нежеланія потерять въ общественномъ мнѣніи, хотя въ то же время имъ нельзя отказать въ томъ, что, дѣлая, можетъ быть, ложные шаги, они думали о пользѣ акціонеровъ. Именно такой характеръ носило банкротство Лейпцигскаго банка, при которомъ погибъ весь акціонерный капиталъ въ 48 милл. и резервъ въ 16 милл. Правда, главный директоръ банка Экснеръ получалъ, кромѣ жалованія въ 24.000 м., еще тантьему, достигавшую въ 1899 году 229. 357 м., и принималъ въ качествѣ члена совѣта участіе въ 25 акці-

онерныхъ обществахъ, въ которыхъ былъ заинтересованъ Лейпцигскій банкъ (гдѣ опять-таки получалъ тантьему), тѣмъ не менѣе, прокуроръ на судѣ (дѣло разсматривалось въ іюль 1902 г.) не могъ признать, чтобы мотивомъ для его безумныхъ дѣйствій было желаніе разбогатѣть на этихъ дѣлахъ. По его мнѣнію, гораздо большее значеніе имѣло честолюбіе. Экснеръ еще молодымъ человѣкомъ сдѣлался руководителемъ большого банка, онъ хотѣлъ показать всему міру, что онъ крупный финансовый геній. Мало того, и онъ, и его товарищи вѣрили въ Кассельское общество, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ добросовѣстно заблуждались и думали, что Лейпцигскій банкъ можетъ нажить на этомъ дѣлѣ крупную сумму.

Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ хранителей чужаго, ввѣреннаго имущества они не соблюдали осторожности, которая возлагается на нихъ закономъ. По мнѣнію прокурора, такія дѣйствія не могутъ быть оправданы, ибо необходимо укрѣпить въ представленіи руководителей банковъ сознаніе, что они не имѣютъ права легкомысленно относиться къ распоряженію чужими деньгами. Не могутъ быть оправданы и члены совѣта, такъ какъ они должны всегда помнить, что прибыли существуютъ не для того, чтобы ихъ раздавать въ видѣ тантьемъ въ ущербъ акціонерамъ; особенно это относится къ тѣмъ, которые находятъ возможнымъ занимать одновременно десятки мѣстъ. Судъ согласился съ такою постановкою дѣла и призналъ виновными не только директоровъ, но и всѣхъ членовъ совѣта, не смотря на то, что ни одинъ изъ нихъ не обогатился на счетъ банка, что

они сами настолько еще мало были подготовлены къ катастрофѣ, что хранили свои собственные средства въ банкѣ и въ его акціяхъ, а при объявленіи несостоятельности добровольно согласились предоставить въ пользу конкурсной массы, до предъявленія къ нимъ гражданскаго иска, около 5 милл. марокъ въ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ ихъ дѣйствіями.

Что же тогда сказать о Харьковскихъ банкахъ, гдѣ ни на минуту ни у кого не было даже иллюзіи, что операціи, имѣвшія такія тяжелыя послѣдствія для акціонеровъ и кредиторовъ, могутъ принести пользу самимъ банкамъ? Вѣдь, весь составъ управленія никогда не заблуждался относительно конечной цѣли залоговъ и перезалоговъ, всѣ знали, что они вызываются не нуждами банковъ, а нуждами Алчевскаго. Безспорно, у нихъ не было умысла нанести ущербъ банкамъ, но не подлежитъ въ то же время сомнѣнію, что они совершенно игнорировали интересы, охрана которыхъ была имъ ввѣрена акціонерами.

VIII.

Какъ я уже указалъ, Харьковскій процессъ не даетъ возможности обнять всѣ предпріятія Алчевскаго и установить взаимныя отношенія между ними и банками, а между тѣмъ это представляло бы огромный интересъ. По умѣнію распоряжаться массою учрежденій почти безъ всякихъ затратъ, не вкладывая, въ сущности, ничего своего, дѣятельность Алчевскаго напоминаетъ дѣятельность надѣлавшаго много шума банкира Штернберга, представшаго въ 1897

году предъ берлинскимъ судомъ по обвиненію въ различныхъ злоупотребленіяхъ на почвѣ учредительства. Въ процессѣ Штернберга, умудрившагося такъ тонко вести свои дѣла, что судъ вынужденъ былъ его оправдать, не смотря на полное убѣжденіе въ томъ, что онъ принималъ участіе въ мошенническихъ продѣлкахъ, поражаетъ умѣніе переводить деньги изъ одного учрежденія въ другое и вездѣ извлекать пользу для себя въ ущербъ акціонерамъ и публикѣ. Не видѣли ли мы того-же и въ Харьковѣ? Капиталы земельного банка переводились въ торговый банкъ, торговый банкъ кредитовалъ Алчевскаго и принадлежавшее ему Алексѣевское горнопр. общество, а Алексѣевское общество открыло Донецко-Юрьевскому обществу кредитъ свыше 3 милліоновъ. Если къ этому прибавить, что акція земельного банка были заложены въ коммерческихъ банкахъ, то окажется, что съ небольшою затратою, равной разницѣ между стоимостью акцій земельного банка и выданной подъ нихъ ссудою, Алчевскій сумѣлъ овладѣть капиталами, многократно превышавшими его собственные.

Къ сожалѣнію, на судѣ не выяснилось, какъ учреждались металлургическія общества Алчевскаго, на какихъ условіяхъ совершалась реализація акцій, какіе банки принимали въ этомъ участіе. Мы не знаемъ, какъ финансировались предпріятія Алчевскаго; но что вопросъ этотъ представляетъ вообще огромный интересъ, показываетъ хотя бы сенсаціонный процессъ знаменитаго учредителя массы акціонерныхъ обществъ Гули (Hooley), разоблаченія котораго въ свое время (1898 г.) показали, какому систематическому обману подвер-

гается публика. Задача учредителя—такъ показалъ на судѣ Гули, создавшій нѣсколько предпріятій съ капиталомъ въ 25 мил. фунтовъ стерл и содержавшій цѣлый штабъ служащихъ,—заключается въ томъ, чтобы украсить проспекты видными именами, преимущественно лордами, внушающими публикѣ большое довѣріе и являющимися приманкою при подпискѣ на акціи. Когда проспектъ готовъ, остается подготовить къ подпискѣ прессу. То и другое обходится очень дорого, но затраты эти окупаются. Какъ бы дорого ни приходилось платить лордамъ за согласіе принимать участіе въ обществѣ въ качествѣ членовъ совѣта, Гули предъ этимъ не останавливался. На каждого лорда съ громкимъ именемъ была своя цѣна. Сами же они предпочитали получать назначенныя имъ суммы наличными, такъ какъ отлично знали цѣну акціямъ обществъ, въ которыхъ принимали участіе. Не даромъ „Times“ утверждалъ, что если четвертая часть разоблаченій Гули вѣрна, этого болѣе чѣмъ достаточно для всякаго, кому дорога честь дворянства Англіи. Газета считала разоблаченія въ главныхъ чертахъ вѣрными. До сихъ поръ, писалъ „Times“ въ передовой статьѣ, имя пера или представителя громкой фамиліи на видномъ мѣстѣ проспекта имѣло значеніе, потому что публика смотрѣла на нихъ, какъ на людей съ развитымъ чувствомъ чести, и не считала ихъ способными продавать свои имена для скрытыхъ или темныхъ цѣлей. Все это теперь должно измѣниться. Стремится ли Сити покупать Вестэндъ, или Вестэндъ жаждетъ быть купленнымъ Сити, во всякомъ случаѣ, въ процессѣ Гули раскрылось отвратительное зрѣлище: процессъ этотъ показалъ,

что люди, занимающіе высокое общественное положеніе, не гнушаются участвовать, въ качествѣ директоровъ, въ сомнительныхъ или дутыхъ акціонерныхъ обществахъ. Теперь всему міру извѣстно, что люди эти продавали свои имена. Можетъ быть, Гули платилъ больше другихъ, но онъ не изобрѣлъ этой системы, онъ только развилъ ее. Такъ писалъ „Times“. Въ дѣйствительности дѣло обстояло еще хуже, потому что лорды оказывались менѣе добросовѣстными, чѣмъ Гули, и не передавали тѣхъ суммъ, которыя получали для распредѣленія; часть ихъ они удерживали для себя, сверхъ суммъ, для нихъ самихъ предназначенныхъ. Такъ, герцогъ Альбемарль, приглашенный Гули въ качествѣ директора Dunlop-Company, призналъ на судѣ, что онъ получилъ отъ Гули 9.000 фунтовъ, но пытался оправдаться тѣмъ, что считалъ ихъ выручкою отъ биржевыхъ операцій, которыя для него выполнялъ Гули; далѣе, онъ призналъ, что при учрежденіи другого общества онъ получилъ круглую сумму, но считалъ ее комиссіоннымъ вознагражденіемъ за подписку и долженъ былъ ею подѣлиться съ другимъ. Графъ де ла Уоррь призналъ, что получилъ отъ Гули 25.000 фунт., но пытался объяснить, что это не было взяточною за то, что онъ помѣстилъ свое имя среди директоровъ Number-Company, а было вознагражденіемъ за услуги, оказанныя предприятиямъ Гули. Во что это обращалось для акціонеровъ, видно изъ того, что первое учрежденное Гули общество съ капиталомъ въ 250.000 ф. обошлось ему чуть ли не втрое дешевле. „Я отдалъ графу де ла Уоррь 50.000 ф. при учрежденіи Dunlop Company (общество для произ-

водства резиновыхъ шинъ для велосипедовъ) наличными, изъ нихъ половину онъ долженъ былъ удержать для себя, другую передать“. „Не знаете ли вы, спросилъ его судья, какъ распредѣлена была эта сумма?“— „Знаю, что герцогъ Сомерсетъ ничего не получилъ“.— „Получилъ ли что-нибудь лордъ Альбемарль?“— „Онъ долженъ былъ получить половину, но я не знаю, было ли ему извѣстно, сколько было дано для раздачи“.— „Сколько получилъ лордъ Альбемарль?“— 12.500 ф. Два адвоката получили также по 20.000 ф. Въ виду этого, проспектъ Dunlop-Company блисталъ громкими именами. Обошлось это не дешево, около 100.000 ф., чуть ли не въ миллионъ рублей. Тотъ же графъ de la Warr получилъ при учрежденіи французскаго Dunlop-Company 11.300 ф. При учрежденіи Cycle-Tube Company въ качествѣ директора приглашенъ былъ графъ Уиншельсо за 10.000 ф., сэръ Эдуардъ Скулливанъ за 2.000 ф. Учредительскіе расходы этого общества обошлись въ 115.138 ф.; изъ нихъ на полученіе заказовъ израсходовано 43.800 ф., что немѣшало выпустить акцій на 250.000 ф. За Зингеровское общество велосипедовъ Грэвилль получилъ 2.000 ф., лордъ Ашбертонъ ничего не получилъ, но за его приглашеніе было выдано лорду Диргасть 2.000 ф., лордъ Норбэри получилъ 1.000 ф., получилъ и повѣренный лорда Уоррика 5.000 ф. За что была выдана послѣдняя сумма, Гули не знаетъ.

Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, практикуются ли и у насъ порядки, вызывавшіе столь справедливое негодование Times'a, неизвѣстно потому, что ни одно изъ такихъ дѣлъ не доведено до суда. Думаю, что Харьковскій про-

цессъ много выигралъ бы, если бы на судѣ выяснилось, какъ учреждались предпріятія Алчевскаго.

Въ процессѣ были легкіе намеки на неблагоприятную роль прессы въ Харьковскомъ дѣлѣ. На основаніи неясныхъ и неопредѣленныхъ заявленій очень трудно, конечно, формулировать обвиненія. Скорѣе можно упрекнуть прессу въ безразличномъ отношеніи къ биржѣ грюндерству. Если путемъ раздачи объявленій имѣется возможность предупредить появленіе нежелательныхъ статей и имѣются газеты, которыя въ своемъ биржевомъ отдѣлѣ не соблюдаютъ безпристрастія и на свѣдѣнія и освѣщеніе которыхъ очень рискованно положиться, то, все же, наша пресса не дошла до той продажности, которая такъ хорошо извѣстна во Франціи и Англіи. Что хорошо освѣдомленная, неподкупная пресса можетъ принести большукъ пользу, показываетъ „Frankfurter Zeitung“, биржевой отдѣлъ которой не разъ уже сослужилъ хорошую службу. Газета эта неоднократно разъясняла, какими маневрами втягиваютъ публику въ завѣдомо дутыя предпріятія.

До чего можетъ доходить продажность прессы, показываетъ тотъ же процессъ Гули. На судѣ Гули показалъ, что при учрежденіи Dunlop-Company былъ выданъ чекъ лицу, принявшему на себя предупредить появленіе въ вечернихъ газетахъ неодобрительныхъ отзывовъ. Въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе братъ лорда Уиншельсо, директора обществъ. Гули былъ представленъ списокъ газетъ, которыя нужно было подкупить. Это обошлось въ 4250 ф., кромѣ расходовъ на объ-

явленія и рекламы, достигшихъ 5277 ф. Въ этомъ списокѣ были, между прочимъ, „Pall Mall Gazette и „Financial Post“. Издатель „The Corporation of British Investors“ самъ явился къ Гули и потребовалъ денегъ: онъ получилъ 1123 ф., „Financial Post“ получилъ 1000 ф. Гули вынужденъ былъ это дѣлать, такъ какъ ему угрожали разоблаченіями. Суммы эти потомъ стали сильно возрастать. Когда онъ попытался отказать издателю „Financial Post“, на видномъ мѣстѣ газеты появилось объявленіе слѣдующаго содержанія: „прежде чѣмъ будете подписываться на акціи Dunlop Company, прочтите статью „Financial Post“, въ такомъ-то номерѣ. Послѣ этого издатели опять предложили Гули войти съ ними въ соглашеніе и показали ему статью, которую они хотѣли помѣстить; за 1000 ф. они отказались отъ своей статьи и помѣстили статью, представленную Гули, расхваливавшую, конечно, это общество. Отъ одного этого предпріятія газета получила 2.500 ф. Издатель „Financial News“ получилъ 10.000 ф., а редакторъ получилъ особый подарокъ въ 500 ф. за то, что писалъ „такія хорошія статьи“. Представители прессы получали акціи по половинной цѣнѣ, но это были уже не издатели, а агенты и сотрудники, писавшіе статьи въ пользу предпріятій Гули. При учрежденіи другаго общества издатель „Fin. News“ опять получилъ 10.000 ф., а издатель „Corporation of British Investors“ 2.000 ф. Не имѣли Гули права жаловаться, что былъ жертвою вымогательства со стороны прессы?

Алчевскій не доросъ еще до такихъ пріемовъ, онъ не сумѣлъ еще оцѣнить значенія прессы; онъ не зналъ также, для чего могутъ

понадобиться титулованныя особы въ акціонерныхъ обществахъ. Это объясняется, можетъ быть, отчасти тѣмъ, что онъ работалъ въ провинціи и всѣ его предпріятія были далеко отъ столицъ. Будь онъ въ Петербургѣ, его окружилъ бы цѣлый штабъ генераловъ, къ его услугамъ были бы и тайные совѣтники и многочисленныя любители легкой наживы, мечтающіе о синекурахъ, ютящіеся въ правленіяхъ и совѣтахъ столичныхъ акціонерныхъ обществъ.

ХІ.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы остановиться на нѣкоторыхъ взглядахъ, высказанныхъ защитниками. Когда защитники взываютъ къ милосердію, просятъ снисхожденія для своихъ кліентовъ, они поступаютъ совершенно правильно, особенно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ дѣйствительно никто изъ подсудимыхъ не похищаль и не наживаль. Стараясь проникнуть въ обстановку, въ которой дѣйствовалъ тотъ или другой обвиняемый, и разъяснить, подъ вліяніемъ какихъ мотивовъ и при какихъ условіяхъ совершались дѣянія, инкриминируемыя судомъ, они облегчаютъ правильное разрѣшеніе вопроса, предупреждаютъ слишкомъ суровое отношеніе къ подсудимымъ и выполняютъ совершенно правильно свою функцію. Но въ Харьковскомъ дѣлѣ они этимъ не довольствовались; они вторгались въ сферу экономическихъ вопросовъ, въ которыхъ, очевидно, мало освѣдомлены.

Такъ, одинъ ихъ нихъ, желая оправдать широкій кредитъ Алчевскому въ торговомъ

банкъ, сказалъ, что если Государственный банкъ могъ открыть Алчевскому кредитъ въ 21½ мил., то сколько же могли открыть ему частные банки? Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого сравненія. Государственный банкъ дѣйствительно соблюдаетъ большую осторожность, когда нужно учесть вексель незначительной фирмы, и даже большую скупость, когда рѣчь идетъ о кредитѣ какому-нибудь ссудосберегательному товариществу; онъ убиваетъ нерѣдко живое дѣло безконечною формалистикою и медлительностью, но за то, когда рѣчь идетъ о миллионномъ кредитѣ какому-нибудь акціонерному обществу, тотъ же Государственный банкъ становится поразительно щедрымъ, чтобы не сказать расточительнымъ. Онъ покупаетъ на миллионы промышленные облигаціонные займы, открываетъ отдѣльнымъ кліентамъ, преимущественно металлургическимъ обществамъ, кредитъ въ нѣсколько миллионъ, принимаетъ мѣры къ ослабленію кризиса, путемъ поддержки предпріятій, рискующихъ безъ усиленной помощи впасть въ несостоятельность, иногда даже заботится о томъ, чтобы иностранные акціонеры не терпѣли большихъ убытковъ, т. е. дѣлаетъ то, чего не рѣшается дѣлать въ настоящее время ни одинъ частный банкъ. Сошлюсь хотя бы на кредитъ обществу брянскихъ заводовъ, на акціяхъ котораго, какъ совершенно вѣрно было указано въ Харьковскомъ процессѣ, публика потеряла не одинъ десятокъ миллионъ. Государственный банкъ выдалъ одному этому обществу подъ залогъ его облигацій 10,8 мил. и открываетъ ему для уплаты французскимъ капиталистамъ по векселямъ дальнѣйшій кре-

дить въ $4\frac{1}{2}$ мил. Какъ бы спекулятивно ни велись дѣла частныхъ банковъ, ни одинъ изъ нихъ не рѣшится заходить такъ далеко, какъ заходить теперь Государственный банкъ. Поэтому участіе Государственнаго банка ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить критеріемъ кредитоспособности. Напротивъ, когда акціонерныя общества теряютъ всякую надежду на какой бы то ни было кредитъ въ частныхъ банкахъ, они обращаются въ Государственный банкъ и молятъ о спасеніи.

Не трудно было бы привести массу доказательствъ въ пользу того, что Государственный банкъ ведетъ свои операціи гораздо болѣе рискованно, чѣмъ частныя банки. Мало того, онъ погрѣшаетъ противъ основныхъ требованій правильной банковской политики, а именно, открываетъ отдѣльнымъ кліентамъ слишкомъ широкій кредитъ и фактически становится владѣльцемъ кредитуемаго предпріятія; кромѣ того, открываетъ кредитъ, который перестаетъ носить характеръ краткосрочнаго. Вообще ссылки на государственныя учрежденія должны быть сдѣланы съ большою осторожностью. Такъ, въ портфель нашихъ сберегательныхъ кассъ имѣлись, на примѣръ, облигаціи общества приморской Сестрорѣцкой желѣзной дороги и общества Мелекесскаго подъѣзднаго пути, но развѣ этого достаточно для того, чтобы признать ихъ солидными бумагами? Бываютъ, конечно, случаи, когда отдѣльныя предпріятія вызываютъ крупныя потери, отъ которыхъ страдаютъ и неспекулятивные банки. Если берлинское Disconto-Gesellschaft, по винѣ директора Ганземана, потерпѣло на Dortmunder Union колоссальныя убытки, то не слѣдуетъ

забывать, что Disconto Gesellschaft располагает капиталами въ 200 милл. марокъ, тогда какъ нашъ Харьковскій торговый банкъ располагалъ основнымъ капиталомъ только въ 1 милл. Между тѣмъ онъ рѣшился открыть Алчевскому и его предпріятіямъ кредитъ свыше 10 милл., изъ которыхъ половина должна считаться потерянною.

Защита неоднократно высказывала удивленіе, почему торговому банку не пришелъ на помощь Государственный банкъ; она утверждала, что при правительственномъ содѣйствіи, въ которомъ не отказывали столичнымъ банкамъ, крахъ былъ бы предотвращенъ.

Весьма вѣроятно, что среди банковъ и обществъ, воспользовавшихся кредитомъ Государственнаго банка, имѣются такіе, которые мало отличаются отъ Харьковскихъ предпріятій группы Алчевскаго, но если банкъ дѣйствуетъ неосмотрительно, то развѣ можно предъявлять къ нему требованіе, чтобы онъ вступилъ еще въ одно, завѣдомо сомнительное дѣло? Почему это за всѣ ошибки, злоупотребленія, легкомысліе, неосновательные расчеты должна расплачиваться казна? Впрочемъ, жалобы на Государственный банкъ раздаются не только у насъ. Въ процессѣ Гейльбронскаго ремесленнаго банка, обанкротившагося вслѣдствіе спекуляціи на акціи рудниковъ, директоръ банка Фуксъ, считавшій себя великимъ дѣльцомъ, мечтавшій о грандіозныхъ дѣлахъ, приписывалъ банкротство тому, что Имперскій банкъ отказался прійти ему на помощь. Однако, на судѣ выяснилось, что Имперскій банкъ имѣлъ полное основаніе сомнѣваться въ кредитоспособности Гейльбронскаго банка и поступилъ совершенно

правильно, предоставивъ его собственной участи.

Судъ не видѣлъ въ отказѣ Имперскаго банка смягчающихъ вину подсудимыхъ обстоятельствъ и присудилъ въ октябрѣ прошлаго года Фукса къ восьмилѣтнему тюремному заключенію. Такое тяжкое наказаніе мотивировано тѣмъ, что Фуксъ, стоя во главѣ дѣла, получивъ въ свое распоряженіе небольшой, но вполне солидный банкъ, пользовался его капиталомъ для своихъ личныхъ спекуляцій и помѣстилъ въ нихъ до половины средствъ банка. То-же сдѣлалъ и второй директоръ, но въ меньшихъ размѣрахъ; онъ также присужденъ къ тюремному заключенію на 4¹/₂ года. Чтобы маскировать злоупотребленія, они фальсифицировали отчеты. Осужденъ и прокуристъ, несмотря на то, что онъ игралъ подчиненную роль, осужденъ за то, что онъ зналъ о злоупотребленіяхъ директоровъ и, хотя не игралъ активной роли, но все же принималъ въ нихъ косвенное участіе.

Далѣе, защитники въ Харьковскомъ процессѣ доказывали, что огромные убытки были вызваны принудительною продажею заложенныхъ бумагъ по сильно понизившимся цѣнамъ, что цѣны въ будущемъ могли подняться, и нѣкоторыя бумаги дѣйствительно уже поднялись. Думаю, претензія эта также неосновательна, какъ жалобы на Государственный банкъ. Никто не вправѣ предъявлять требованіе, чтобы при установленіи баланса принимались во вниманіе вѣроятныя цѣны въ будущемъ, а не настоящія, хотя и ненормально пониженныя. Какъ бы это ни было разорительно для владѣльца бумагъ, другого критерія для опредѣленія его имущественнаго состоянія и сто кре-

дитоспособности нѣтъ. Предвидѣть будущее невозможно, особенно во время кризиса, когда всѣ цѣны понижаются. Если кризисъ усиливается, цѣны продолжаютъ падать. Кредиторы въ этомъ случаѣ вправѣ были бы претендовать на то, что бумаги не были реализованы своевременно. Съ теченіемъ времени предпріятія, переживающія кризисъ, могутъ, конечно, окрѣпнуть, а акціи ихъ подняться, но случается и обратное. При паденіи цѣнъ на бумаги между банками и ихъ кліентами по онкольнымъ счетамъ возникаютъ пререканія, явно доказывающія, что надежда на подъемъ цѣнъ не всегда оправдывается. Если банки, питая надежду на улучшение рынка, воздерживаются отъ продажи заложенныхъ бумагъ, не смотря на то, что залоговая сумма приближается уже къ биржевой цѣнѣ, владѣльцы бумагъ имѣютъ основаніе отказываться отъ возмѣщенія убытковъ. Такъ какъ банки обязаны были раньше продать бумаги, то они и должны нести послѣдствія.

Аналогичныя соображенія высказывались и въ Шпильгагеновскомъ процессѣ. Для опредѣленія суммы убытковъ въ высшей степени важно было въ точности установить стоимость строительныхъ участковъ и домовъ, оставшихся за банкомъ. Никто не сомнѣвался, что съ ростомъ городовъ цѣны могутъ подняться и даже съ избыткомъ покрыть падавшіе на имущества долги, но эксперты тамъ категорически настаивали, что при несостоятельности оцѣнка актива должна быть основана на цѣнахъ въ данный моментъ и что въ такихъ случаяхъ невозможно предвидѣть будущее ¹⁾. Разореніе

¹⁾ Подробности объ этомъ, какъ и о многихъ

однихъ иногда приводитъ къ обогащенію другихъ, и даже въ недалекомъ будущемъ, но оцѣнка, тѣмъ не менѣе, была бы еще болѣе произвольна, еслибы при установленіи баланса было предоставлено учитывать будущее.

Какъ обвиняемые, такъ и защитники ссылались неоднократно на то, что отчеты не встрѣчали возраженій со стороны кредитной канцеляріи, слѣдовательно, дѣйствія членовъ правленія признавались правильными. На эту же почву пыталась стать защита и въ Шпильгагеновскомъ процессѣ. Возражая на предъявленное дѣятелямъ банковъ обвиненіе, что они дважды получали свою тантьему съ той же суммы прибылей, они не отрицали этого факта, но приводили въ его оправданіе между прочимъ то, что высшій органъ надзора за берлинскими банками, президентъ полиціи санкціонировалъ его въ теченіе многихъ лѣтъ. Неправильное исчисленіе тантьемъ имѣетъ мѣсто и въ нашихъ земельныхъ банкахъ, когда убытки по имуществамъ, остающимся за банками, покрываются не изъ прибылей, а изъ особаго резервнаго фонда, внесеннаго акціонерами при выпускѣ акцій. Сумма прибылей, съ которыхъ исчисляется тантьема, въ такихъ случаяхъ превышаетъ дѣйствительно полученную чистую прибыль, такъ какъ часть убытковъ покрывается не изъ валовой прибыли, а изъ капитала; слѣдовательно, тантьемы выдаются въ преувеличенномъ размѣрѣ. Кредитная канцелярія не дѣлала возраженій противъ та-

другихъ, затронутыхъ въ настоящей брошюрѣ вопросахъ см. въ моей книгѣ „Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ въ Германіи“ Спб. 1902 г.

кого исчисленія тантьемъ, какъ не возражала противъ отчетовъ земельного и торговаго банковъ, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что санкція кредитной канцеляріи можетъ покрывать то, что идетъ въ разрѣзъ съ уставомъ и закономъ? Если при исчисленіи тантьемъ у насъ можно еще опереться на ст. 27 устава, то въ другихъ случаяхъ, гдѣ такой опоры нѣтъ, для суда утвержденіе отчета министерствомъ финансовъ не слагаетъ еще отвѣтственности съ органовъ управленія.

Именно такъ посмотрѣлъ на это въ процессѣ Прусскаго и Германскаго ипотечныхъ банковъ и экспертъ Гехтъ. Онъ заявилъ, что не придаетъ большого значенія тому, что президентъ полиціи не возражалъ противъ двойного полученія тантьемъ. Органъ надзора, по его мнѣнію, не имѣлъ основаній долго останавливаться на вопросѣ о порядкѣ исчисленія тантьемъ, и, вообще, правительственный надзоръ за ипотечными банками до 1900 года былъ очень ограниченъ.

Думаю, что такое заключеніе совершенно правильно и вполне примѣнимо къ нашимъ условіямъ. Санкція кредитной канцеляріи не должна имѣть никакого значенія для суда и не можетъ покрывать дѣйствій, противныхъ закону. По крайней мѣрѣ, было бы странно, еслибы эта точка зрѣнія не раздѣлялась юристами.

Одинъ изъ защитниковъ говорилъ въ своей рѣчи о роли кредита. Назначеніе кредитныхъ учрежденій—жить не для блага и пользы акціонеровъ, а свободными средствами содѣйствовать экономической жизни края и предпріятіямъ. Эти промышленныя предпріятія дали

одному банку нажить до 3¹/₂ милл., такъ что не только банки дали средства предпріятіямъ, но и предпріятія банкамъ. Если это такъ, заканчиваетъ свою тираду защитникъ, то что незаконнаго въ томъ, если банкъ, въ виду болѣзни предпріятія, окажетъ ему противоуставную помощь, незлонамѣренную, не корыстную, а живительную?

Назначеніе всякаго рода предпріятій, будутъ-ли это кредитныя или промышленныя, служить общественнымъ потребностямъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но при современной организаціи народнаго хозяйства, когда распоряженіе и управленіе исходятъ не отъ центральнаго органа, регулирующаго въ интересахъ цѣлаго всю экономическую дѣятельность страны, а отъ отдѣльныхъ капиталистовъ, т. е. при наличности частной собственности на землю и капиталъ, являющейся и основой для всего дѣйствующаго законодательства, одно существованіе какойнибудь потребности не приводитъ еще къ ея удовлетворенію. Последнее наступаетъ только тогда, когда это выгодно для капиталиста.

Поэтому кредитъ открывается нуждающимся въ немъ лицамъ и предпріятіямъ только тогда, когда это удовлетвореніе безспорно существующей потребности приноситъ и благо, и пользу акціонерамъ; по крайней мѣрѣ, акціонерные банки открываютъ его только при этихъ условіяхъ. Государство можетъ поступать иначе: оно можетъ выдавать даже безпроцентныя ссуды, принимать на себя гарантію, совершенно не преслѣдуя меркантильныхъ интересовъ. Если капиталисты учреждаютъ акціонерный банкъ, то имѣютъ при этомъ въ виду

только интересы акціонеровъ. Безъ увѣренности или, по крайней мѣрѣ, надежды на то, что предпріятіе принесетъ имъ пользу, они не расстаются со своими капиталами, и именно это накладываетъ отпечатокъ на всю современную экономическую жизнь. Можно возмущаться этимъ, находить это недостойнымъ челоуѣческой природы, но, какъ бы ни былъ краснорѣчивъ защитникъ, ему не удастся убѣдить акціонеровъ, что они должны поступиться своими интересами, когда необходимо содѣйствовать экономической жизни края. Защитникъ ужасается, какъ много уплачено было торговымъ банкомъ въ видѣ процентовъ, но онъ забываетъ, что и земельный банкъ, закладывавшій бумаги для полученія денегъ тоже долженъ былъ платить проценты и иногда платилъ дороже, чѣмъ получалъ за свои деньги отъ торговаго банка.

Защита особенно долго останавливалась на заслугахъ Алчевскаго, какъ учредителя и руководителя земельного банка; заслуги эти такъ велики, что ему можно простить нарушеніе устава. Можно было бы думать, что Харьковскій земельный банкъ образцовое учрежденіе, что во внутренней его организаціи все было продумано и рассчитано. Ничуть не бывало. Свидѣтели, большею частію служащіе въ банкѣ, показали, что книги велись очень плохо, что счета заемщиковъ были запутаны, что бумаги подписывались очень небрежно, что балансы счетовъ съ заемщиками не сводились, что пеня насчитывалась огульно, безъ всякаго отношенія къ тому, на что банкъ имѣлъ право, что по балансамъ за заемщиками показано было больше, чѣмъ они должны были, что оста-

вавшіяся за банкомъ имущества не выдѣлялись въ особый счетъ и т. д. Все это констатировано и въ отчетѣ по ревизіи д. ст. сов. Голубева. Можно поэтому присоединиться къ заключенію эксперта, приглашеннаго новымъ правленіемъ банка для обслѣдованія его дѣлъ, что независимо отъ несостоятельности торговаго банка, т. е. независимо отъ убытковъ, вызванныхъ залогомъ запаснаго капитала и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія, Харьковскій земельный банкъ долженъ былъ потерпѣть убытокъ свыше 2 милл. Результаты этой плодотворной дѣятельности — сотни домовъ оставшихся за банкомъ.

Особенную заслугу Алчевскаго защита усматривала даже въ томъ, что онъ создавалъ предприятия, производившія не предметы роскоши, а такой необходимый предметъ, какъ желѣзо. Развѣ, восклицаетъ одинъ изъ защитниковъ, желѣзо не нужно? Развѣ вся Русь, сѣверная и средняя, за исключеніемъ нашего благодатнаго юга, не деревянная, не соломенная? Еслибы Алчевскій могъ знать, что на Манчжурскую дорогу истраченъ уже миллиардъ рублей, онъ понялъ бы, что пока желѣза еще не нужно, а въ свое время онъ былъ правъ и всякій долженъ былъ признать, что выработка желѣза — это настоящее дѣло.

Можно было бы думать, что Алчевскаго и его сотрудниковъ обвиняли въ томъ, что они производили желѣзо, а не какіе нибудь другіе товары. Въ этомъ ихъ никто не обвинялъ. Алчевскій, и не онъ одинъ, производилъ желѣзо, совершенно не задумываясь надъ тѣмъ, кто будетъ его покупать, какъ будто бы для успѣха предприятия достаточно выбрасывать

на рынокъ товаръ, безъ всякаго соображенія съ покупною силою населенія. Въ чемъ вообще заслуга піонеровъ промышленности, за что они могутъ претендовать на почетъ, на общественное признаніе, на быстрое обогащеніе? Создавать предпріятія, производящія продукты, не соотвѣтствующіе покупной силѣ населенія—въ этомъ нѣтъ никакой заслуги. Защитникъ заблуждается, если думаетъ, что въ нашей финансовой политикѣ произошла какая нибудь перемѣна; напротивъ, если финансовому вѣдомству можетъ быть сдѣланъ упрекъ то развѣ въ томъ, что оно слишкомъ долго и усердно поощряло металлургическую промышленность, что оно недостаточно щадило платежныя силы крестьянскаго населенія и одно-стороннимъ покровительствомъ желѣзнодорожнаго строительства содѣйствовало возникновенію массы заводовъ, могущихъ существовать не вслѣдствіе потребности населенія въ ихъ издѣліяхъ, а исключительно вслѣдствіе правительственныхъ заказовъ. Поэтому при первой заминкѣ на денежномъ рынкѣ, при первомъ сокращеніи построекъ заводы начали лопаться, какъ мыльные пузыри, и для предотвращенія дальнѣйшихъ несостоятельности правительство должно опять нести новыя жертвы, заключать новыя займы для постройки новыхъ дорогъ. Сибирская дорога строилась и при Алчевскомъ, а коренныя нужды населенія также игнорировались при Алчевскомъ, какъ и послѣ него. Когда создаются заводы, не имѣющіе шансовъ на существованіе, тогда вложенныя въ нихъ капиталы погибаютъ и погибаютъ безвозвратно. Это не потери, падающія на того или другого капиталиста, могущія но-

сить временный и случайный характеръ, заключающіяся въ разницѣ въ биржевой цѣнѣ, а потери для всего народнаго хозяйства.

На судѣ не мало говорилось о ростѣ промышленности и правительственномъ содѣйствіи, о томъ, что въ этихъ банкахъ не было хищенія, а былъ только широкій кредитъ, что для банковъ важно не обезпеченіе, а предприимчивость, что основою кредита не должно быть обязательно имущество, а важна личность кредитующагося.

При полной своей бездоказанности и при явномъ противорѣчіи съ основными требованіями кредитной политики эти разсужденія были бы, быть можетъ, умѣстны на общихъ собраніяхъ акціонеровъ. Акціонерамъ учрежденныхъ Алчевскихъ заводовъ, потерявшимъ на нихъ большія суммы, можно было бы говорить и о кризисѣ, и объ обманутыхъ надеждахъ на правительственное содѣйствіе, и о всеобщемъ увлеченіи металлургіею. Но дѣятелей Харьковскихъ банковъ судили не за это, а за то, что они, получивъ ввѣренныя имъ капиталы, дали имъ назначеніе, не предусмотрѣнное уставомъ, употребили ихъ на постороннія нужды, на предпріятія, въ которыхъ были заинтересованы другія лица, а не акціонеры, за то, что они вводили въ заблужденіе акціонеровъ, представляя имъ невѣрные отчеты.

Я разсмотрѣлъ главные вопросы, выдвинутые Харьковскимъ крахомъ. Онъ не прошелъ безслѣдно и для нашего законодательства. Всѣ новѣйшія узаконенія, касающіяся банковъ, долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита и акціонерныхъ компаній, какъ-то — ограниченія въ пользованіи капиталами земельныхъ банковъ,

назначеніе правительственныхъ уполномоченныхъ въ акціонерные земельные банки, воспрещеніе кредита для директоровъ и членовъ правленія въ коммерческихъ банкахъ, ограниченіе совмѣстительства, измѣненіе порядка созыва общихъ собраній акціонеровъ, расширеніе функцій ревизіонныхъ комиссій, расширеніе правъ меньшинства на общихъ собраніяхъ—могутъ быть приведены въ связь съ тѣмъ, что было обнаружено при правительственной ревизіи Харьковскихъ банковъ. Этого вполне достаточно для того, чтобы понять, почему общество съ такимъ интересомъ относилось къ тому, что дѣлалось въ Харьковѣ.

21-го января въ харьковской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей началось слушаніе дѣла о злоупотребленіяхъ въ харьковскихъ земельномъ и торговомъ банкахъ. Предсѣдательствуетъ предсѣдатель уголовного департамента палаты Н. Н. Крестьяновъ. Обвиняютъ прокуроръ судебной палаты С. С. Хрулевъ и испр. об. товарища прокурора палаты В. П. Сокальскій; члены палаты—В. О. Губертъ, В. Г. Юрьевъ и А. В. Ананьевскій, сосл. предст.—ахтырскій предв. двор. Золотницкій, харьк. гор. голова Погорѣлко и волостной старшина Ярмакъ. Гражданскіе истцы представлены въ лицѣ Ѳ. Н. Плевако и А. С. Шереметьевского. Обвиняются членъ правленія земельного и торговаго банковъ д. ст. с. Е. П. Любарскій-Письменный, 58 лѣтъ, членъ правленія земельного и депутатъ торговаго банка ком.-сов. 1-й гильдіи купецъ Н. В. Орловъ, 59-ти лѣтъ, члены правленія зем. банка кандидатъ правъ М. Д. Журавлевъ, 57 лѣтъ, и 1 гильдіи купецъ С. Н. Голевъ, 54 лѣтъ, бухгалтеръ зем. банка дворянинъ О. Ф. Юркевичъ, 58 лѣтъ, члены рев. ком. зем. банка колл. асс. А. И. Темницкій, 40 лѣтъ, колл. сов. И. Н. Дракинъ, 44 лѣтъ, и 1 гильдіи купецъ И. С. Лысогоренко, 52 лѣтъ, члены правленія торговаго банка: мѣщанинъ Д. А. Абрамовъ,

67 лѣтъ, прапорщикъ запаса В. Н. Алчевскій, 35 лѣтъ, мѣщанинъ А. П. Куксинъ, 67 лѣтъ, и 2 гильдіи купецъ А. В. Авилонъ, 54 лѣтъ, депутатъ торговаго банка мѣщанинъ К. К. Шафранекъ, 55 лѣтъ, и завѣдывавшій вексельной операціей банка 2-й гильдіи купецъ В. Г. Сухановъ, 54 лѣтъ. Защищаютъ: г. Любарскаго—присяжные повѣренные А. М. Бѣлый, г. Гольдштейнъ и А. А. Денисовъ, г. Орлова—Е. Г. Левченко, г. Журавлева—А. Я. Немеровскій, Голева—А. Я. Немеровскій и В. А. Маклаковъ, г. Юркевича—Н. И. Михновскій, г. Темницкаго и Дракина—В. Я. Вальць, г. Лысогоренка—В. П. Куликовъ и В. В. Троицкій, г. Абрамова—Л. Я. Тауберъ и П. Г. Миронъ, В. Н. Алчевскаго—Л. А. Куперникъ, г. Куксина—А. Ф. Даниловъ, г. Авилова—К. П. Приходьковъ, г. Шафранека—Н. И. Моревъ и г. Суханова—Г. Г. Гонтаревъ.

Сущность обвинительнаго акта заключается въ слѣдующемъ. 7 мая 1901 года въ С.-Петербургѣ окончилъ жизнь самоубійствомъ предсѣдатель правленія харьк. зем. банка ком. сов. Алексѣй Кирилловичъ Алчевскій, одинъ изъ самыхъ крупныхъ промышленниковъ южнаго района.

Смерть его вызвала большую тревогу въ финансовыхъ кругахъ и мѣстномъ харьковскомъ обществѣ и предположеніе, что въ кредитныхъ учрежденіяхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, существуютъ безпорядки и злоупотребленія. Вскорѣ послѣ этого назначены были по Высочайшимъ повелѣніямъ правительственныя ревизіи харьковскихъ земельного и торговаго банковъ. Ревизія зем. банка была произведена 22—31 мая 1901 года д. ст. сов. Голубевымъ, а ревизія харьковскаго торговаго банка была произведена 3—13 іюня 1901 года н. сов. Менжинскимъ. Еще до окончанія этой ревизіи, въ торговый банкъ поступило отъ правленія зем. банка требованіе объ уплатѣ 5.403,550 руб. 14 к., въ разное время переведенныхъ изъ земельного въ торговый банкъ. Такъ какъ это требованіе не могло быть удовлетворено, то торговый банкъ признанъ былъ несостоятельнымъ должникомъ. Тогда обнаруженъ былъ рядъ злоупотребленій, допущенныхъ бывшими членами правленія торговаго банка.

Такимъ образомъ, слѣдствія о злоупотребленіяхъ

въ обоихъ банкахъ были объединены въ одно производство.

Злоупотребленія, которыя въ харьковскомъ земельномъ банкѣ вызвали временное разстройство дѣль, а харьковскій торговый банкъ довели до банкротства, въ общихъ чертахъ, заключаются въ слѣдующемъ: члены бывшаго правленія земельного банка, съ покойнымъ А. К. Алчевскимъ во главѣ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, преслѣдуя исключительно личныя цѣли, въ ущербъ интересамъ банка, закладывали въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ процентныя бумаги, составившія запасной капиталъ банка, а также закладные листы сего банка, принятые на комиссію для продажи и представленныя въ досрочное погашеніе ссудъ, долги по этимъ операціямъ и другіе, понесенныя банкомъ убытки скрывались отъ акціонеровъ банка и отъ правительства посредствомъ отчетовъ и балансовъ, заключавшихъ въ себѣ ложныя свѣдѣнія; затѣмъ, значительныя суммы переводились изъ земельного въ торговый банкъ и переходили въ руки лицъ, заправлявшихъ дѣлами банковъ и пользовавшихся въ торговомъ банкѣ широкимъ, большею частью ничѣмъ не обезпеченнымъ, кредитомъ, который они впоследствии далеко не оправдали, чѣмъ причинили большіе убытки торговому банку, а въ зависимости отъ него и земельному банку.

Съ самаго основанія земельного банка до 1901 г. включительно предсѣдателемъ правленія его состоялъ безсмѣнно А. К. Алчевскій.

Многихъ должностныхъ лицъ банка соединяла долговременная совмѣстная служба въ банкѣ, нѣкоторыхъ семейныя и личныя связи. Такъ, предсѣдатель правленія А. К. Алчевскій женатъ на родной сестрѣ члена правленія Журавлева. Членъ правленія Орловъ и членъ ревизіонной комиссіи Лысогоренко женаты на родныхъ сестрахъ. На двоюродной сестрѣ того же Лысогоренко женатъ бухгалтеръ Юркевичъ. Членъ ревизіонной комиссіи А. И. Темницкій — сынъ депутата И. С. Темницкаго.

Размѣръ вознагражденія, которое въ дѣйствительности получали члены правленія харьковского земельного банка, по уставу опредѣляется въ зави-

симости отъ прибылей и выражался въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1896 году каждый изъ нихъ получилъ 15.218 р. 60 к., въ 1897 г.—15.943 р. 20 к., въ 1898 г.—15.930 р. 16 к., въ 1899 г.—16.022 руб. 85 к., въ 1900 г.—15.434 р. 49 к.

Для выясненія тѣхъ злоупотребленій, которыя допускались бывшимъ правленіемъ банка, были подробно осмотрѣны книги его съ 1896 года по 1901 годъ.

Осмотръ былъ произведенъ чрезъ контролера двор. банка П. А. Гласкова, бухгалтера харьк. отд. того же банка А. Р. Зенкевича и младшаго ревизора контрольной палаты В. И. Потапова.

Осмотромъ этимъ раскрыты были неправильныя и убыточныя для банка операціи залога процентныхъ бумагъ, составлявшихъ его запасной капиталъ, а также его же собственныхъ закладныхъ листовъ, какъ принятыхъ на комиссію для продажи, такъ и представленныхъ въ досрочное погашеніе ссудъ.

Процентныя бумаги запаснаго капитала начали закладываться съ 1897 года. Операція эта продолжалась въ 1899 году и 1900 году, причемъ бумаги закладывались по частямъ, иногда выкупались, затѣмъ вновь закладывались. Въ харьк. отд. волжско-камскаго коммерческаго банка было заложено бумагъ на 1.019.000 р. ном.; въ моск. куп. обществѣ вз. кр. на 504.000 р. Гораздо больше было заложено въ товариществѣ мануфактуръ „П. М. Рябушинскій съ сыновьями“.

Въ распоряженіи земельного банка имѣлись его собственные закладные листы двухъ категорій: а) принятые отъ заемщиковъ банка на комиссію для продажи и б) представленные заемщиками въ досрочное погашеніе ссудъ. Правленіе закладывало въ тѣхъ же банкахъ и въ русскомъ для внѣшней торговлѣ банкѣ не только листы, принятые на комиссію для продажи, но листы, представленные въ досрочное погашеніе ссудъ.

Въ общемъ результатѣ по балансу на 1 іюля 1901 года оказалось въ залогъ закл. листовъ досрочнаго погашенія всего на сумму 5.230.000 руб. (ном.), и кромѣ того подъ видомъ листовъ, принятыхъ на комиссію для продажи, въ дѣйствительности оказались проданными листы доср. погашенія

на 847.700 руб. (ном.). По всѣмъ этимъ займамъ уплачено процентовъ всего 618.864 р. 64 к.

Операціи эти были несогласны съ уставомъ банка, не вызывались нуждами банка и были для него убыточны. На основаніи устава запасной капиталъ его долженъ храниться въ гос. банкѣ или гос. проц. бумагахъ и можетъ быть расходуеть лишь на покрытіе въ видѣ аванса срочныхъ платежей по закл. листамъ и купонамъ, на выдачу акціонерамъ добавочнаго дивиденда, если таковой окажется менѣе 8 проц. Собственные листы земельный банкъ могъ принимать на комиссію только для продажи, а не для залога. Что же касается листовъ, представленныхъ въ доср. погашенію ссудъ, то таковые ни въ какомъ случаѣ не могли быть вновь пускаемы въ обращеніе, такъ какъ они представляли изъ себя погашенныя обязательства банка, залогомъ недвижимости уже необеспеченныя, а потому утратившія реальную стоимость. Они подлежали уничтоженію. Возможность пускать вновь въ обращеніе листы досрочнаго погашенія обуславливалась тѣмъ, что при поступленіи ихъ въ банкъ на нихъ не накладывалось никакихъ предварительныхъ знаковъ уничтоженія (въ видѣ, напр., штампа).

Залогъ процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и закладныхъ листовъ не вызывался нуждами банка. Когда производились эти операціи, земельный банкъ располагалъ свободными суммами въ значительныхъ размѣрахъ, помѣщая эти свободныя суммы въ другія кредитныя учрежденія и главнымъ образомъ въ харьковскій торговый банкъ. Къ 29 іюня 1901 года земельный банкъ имѣлъ на текущемъ счету въ торговомъ банкѣ 4.603.550 руб. 14 коп.

Эти залоговые операціи были убыточными для земельного банка. Получая ссуды подъ залогъ своихъ бумагъ, банкъ платилъ по этимъ ссудамъ проценты въ размѣрѣ отъ 5 съ пол. до 7 проц. и въ то же время помѣщалъ свои свободныя средства въ торговомъ банкѣ, получая отъ 5 до 4⁰/₀, иногда даже менѣе 4.

Ссуды эти брались исключительно для увеличенія средствъ харьковскаго торговаго банка, въ которомъ бывший предс. правленія земельного банка

А. К. Алчевскій и члены того же банка Любарскій и Орловъ пользовались въ то время широкимъ личнымъ кредитомъ, въ значительной мѣрѣ ничѣмъ не обезпеченнымъ.

Въ отчетахъ операціи по залогу процентныхъ бумагъ не были вовсе показаны, какъ таковыя.

Практиковавшійся въ банкѣ пріемъ счетоводства и отчетности, по заключенію свѣдущихъ людей, не согласенъ съ общими правилами счетоводства, предписывающими для каждаго рода операцій открывать по книгамъ особый счетъ и показывать таковыя особо и по годовымъ счетамъ и является прямымъ нарушеніемъ устава банка. Вопреки уставу, операціи залога процентныхъ бумагъ не только не проводились по особымъ счетамъ, но даже смѣшивались со счетами разныхъ лицъ и учрежденій—дебиторовъ и кредиторовъ, за которыми и въ пользу которыхъ числились разныя случайныя суммы, и затѣмъ долги по залогу процентныхъ бумагъ въ общей суммѣ разностей остатковъ (сальдо) по всѣмъ этимъ счетамъ.

Въ „лицевыхъ счетахъ“ дебиторовъ и кредиторовъ правленіе банка скрывало также и убытки, понесенные банкомъ и по другимъ операціямъ, причемъ суммы несомнѣнныхъ убытковъ показывались по счетамъ должниковъ банка, какъ будто эти суммы даже причитались отъ кого то въ пользу банка. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы были скрыты несомнѣнные убытки въ конечномъ итогѣ на сумму 932.968 руб. 44 к.

На тотъ же счетъ, между прочимъ, перешли расходы по изготовленію закладныхъ листовъ и оплатѣ ихъ гербовымъ сборомъ. Ежегодно съ этой суммы списывалось 10 проц. въ убытки, и за такими списаніями сумма эта къ 1 января 1901 года составляла 284.627 руб. 46 коп. Между тѣмъ, согласно устава банка, расходы эти должны быть ежегодно списываемы въ убытки и покрываемы прибылями.

Кромѣ того, сюда были отнесены проценты по займамъ и комиссіонные, убытки отъ оплаты купоновъ отъ закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія. Къ концу 1900 г. такихъ постороннихъ убытковъ, оставшихся непокрытыми прибылями, числилось на „счетѣ закладныхъ листовъ на комиссію“ всего на 497.186 руб. 50 коп. Этотъ неправильный

бухгалтерскій оборотъ, заключаая въ себѣ ложныя свѣдѣнія о состояніи счетовъ банка, служилъ одновременно къ показанію по балансу на 1 января 1901 года прибыли банка въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ.

Далѣе, обнаружено, что, начиная съ 1897 г., къ концу или къ началу каждаго послѣдующаго года существовала перепродажа закладныхъ листовъ, т. е. продано ихъ было больше, чѣмъ состояло по этому счету на лицо. Очевидно, что кромѣ „закладныхъ листовъ“, принятыхъ на комиссію, правленіе банка продавало другіе, имѣвшіеся въ его распоряженіи закладные листы, представленные въ досрочное погашеніе ссудъ, которые въ послѣдніе три года поступали въ количествѣ, значительно превышавшемъ поступленіе закладныхъ листовъ первой категории.

Въ 1895 году разрѣшенъ былъ земельному банку IX, а въ 1899 г. X выпускъ акцій. Къ 1 января 1900 г. часть выпущенныхъ акцій обонхъ выпусковъ не была разобрана. Стоимость ихъ была записана по счету переходящихъ суммъ за самимъ земельнымъ банкомъ, далѣе этотъ долгъ банка самому себѣ былъ перенесенъ въ книгу „лицевые счета“ на счетъ дебиторовъ банка, а затѣмъ вошелъ въ общую сумму, показанную въ отчетахъ и балансахъ банка за его дебиторами, хотя никто въ дѣйствительности такой суммы банку не былъ долженъ.

Дѣйствія эти слѣдуетъ признать убыточными для банка. Выпускъ акцій производится съ единственной цѣлью увеличить капиталы банка путемъ продажи акцій. Оставляя акція непроданными, правленіе банка этой цѣли не достигало. Между тѣмъ, продажа акцій по биржевой цѣнѣ представлялась наиболѣе выгодной въ виду того, что по имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ биржевая цѣна акцій превышала все время ихъ подписную цѣну.

Въ отчетахъ и балансахъ банка за 1896—1900 гг. относительно акцій IX и X выпусковъ помѣщены невѣрные свѣдѣнія. Въ нихъ удостовѣряется, что всѣ акція разобраны, что по реализаціи ихъ поступила сполна стоимость всѣхъ выпущенныхъ акцій, и что изъ поступившей общей суммы сдѣ-

ланы надлежащія отчисленія въ складочный и запасной капиталъ и резервный фондъ, тогда какъ эти суммы въ дѣйствительности вовсе не поступали. Слѣдовательно, по отчетамъ и балансамъ банка фиктивно были увеличены его складочный капиталъ,—на 83.800 руб., запасной на 27.283 р. и резервный фондъ—на 59.886 р. (а всего 170.969 р.).

Такимъ образомъ, установлены слѣдующія злоупотребленія со стороны прежняго правленія банка.

1) За счетъ банка дѣлались займы подъ залогъ процентныхъ бумагъ зап. капитала, а также листовъ доср. погашенія и принятыхъ на комиссію для продажи. Долги эти вызывались нуждами банка и были для него убыточны. По этимъ операціямъ къ 1 января 1901 года банкъ былъ связанъ обязательствами на сумму до 4.500.000 р., по коимъ уплатилъ въ видѣ процентовъ до 600.000 руб.

2) Долги эти и происшедшіе отъ этихъ операцій убытки правленіе банка скрыло отъ акціонеровъ и правительства.

3) Правленіе банка скрыло отъ акціонеровъ и правительства убытки, происшедшіе отъ разныхъ другихъ операцій, всего на сумму 932.968 р., и

4) Въ своихъ годовыхъ отчетахъ правленіе банка ложно удостовѣряло полную реализацію акцій IX и X выпусковъ и фиктивно увеличило капиталы банка.

Въ общемъ результатѣ, скрывая, съ одной стороны, долги, сдѣланные за счетъ банка, и разные понесенные имъ убытки, съ другой стороны, ложно преувеличая капиталы банка и счетъ его должниковъ, правленіе банка въ своихъ отчетахъ показывало, конечно, и прибыль, полученную банкомъ въ размѣрахъ, не соотвѣтствовавшихъ дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, по отчету за 1900 годъ распредѣлено было прибыли 1.442.329 руб. 33 коп. Между тѣмъ, помимо лежавшихъ на банкѣ обязательствъ по займамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ на 4.500.000 р., по отчету за этотъ годъ не были показаны несомнѣнные убытки, понесенные къ этому времени банкомъ на сумму 1.138 335 р. 04 коп., и на эту сумму фиктивно увеличено активное имущество банка.

Для выясненія вопроса о томъ, какое участіе въ этихъ злоупотребленіяхъ принимали лица, завѣды-

вавшія дѣлами банка, были опрошены въ качествѣ свидѣтелей бывшіе служащіе банка—секретарь правленія Масловъ, помощникъ секретаря Киселевскій, помощники бухгалтера Ивановъ, Мамонтовъ и Козловъ.

Лица эти показали, что покойный А. К. Алчевскій, стоявшій во главѣ правленія, въ глазахъ акціонеровъ и всѣхъ служащихъ пользовался большимъ авторитетомъ. На общихъ собраніяхъ всѣ вопросы по дѣламъ банка и избраніе должностныхъ лицъ разрѣшались такъ, какъ предлагалъ А. К. Алчевскій, и притомъ большею частью единогласно. Въ извѣстной мѣрѣ и члены правленія подчинялись его вліянію. Голосъ его при обсужденіи дѣлъ банка имѣлъ рѣшающее значеніе. Изъ членовъ правленія только Любарскій и Орловъ высказывали нѣкоторую самостоятельность и позволяли себѣ дѣлать возраженія А. К. Алчевскому. Однако, всѣ члены правленія, повидимому, одинаково понимали дѣла банка. Непонимающихъ этихъ дѣлъ между ними не было и не могло быть, если принять во вниманіе, что Любарскій и Журавлевъ въ продолженіе 26 лѣтъ безсмѣнно состояли членами правленія, Голевъ до избранія въ члены правленія 24 года служилъ кассиромъ въ томъ же банкѣ, а Орловъ, бухгалтеръ по профессіи, до избранія въ члены правленія въ теченіе 16 лѣтъ непрерывно состоялъ членомъ ревизіонной комиссіи.

Что касается залога принадлежавшихъ банку бумагъ и перевода суммъ въ торговый банкъ и другія кредитныя учрежденія, то никакихъ постановленій правленія, облеченныхъ въ письменную форму, относительно этихъ операцій не имѣется. Распоряженія дѣлались обыкновенно А. К. Алчевскимъ словесно или письменно, посредствомъ телеграммъ или писемъ. Члены правленія безпрекословно исполняли такія распоряженія и подписывали, кому придется, письма и телеграммы о залогахъ, чеки и ордера о выдачѣ и вносѣ денегъ. На письмахъ и телеграммахъ изъ зем. банка, адресованныхъ въ другіе банки, встрѣчаются попеременно подписи всѣхъ членовъ правленія и бухгалтера банка.

По словамъ свидѣтеля Иванова, бывшаго помощника бухгалтера, изъ членовъ правленія только

Любарскій и Орловъ относились ко всѣмъ операціямъ банка съ полнымъ сознаниемъ и интересомъ, вникая въ дѣла банка, разсматривали его отчеты и балансы. Однако же о томъ, что закладывались процентныя бумаги, извѣстно было всѣмъ членамъ правленія. Операціи эти приводили въ смущеніе и безпокойство многихъ служащихъ банка. Свидѣтель Ивановъ и бухгалтеръ Юркевичъ не разъ высказывали свои опасенія по поводу этихъ операцій въ разговорѣ съ членами правленія Любарскимъ и Орловымъ. Тѣ же опасенія высказывали они А. К. Алчевскому, когда онъ въ послѣдній разъ передъ смертью отправлялся въ Петербургъ. Тогда А. К. Алчевскій успокоилъ ихъ тѣмъ, что вскорѣ получить правительственную ссуду и заложенныя бумаги будутъ выкуплены.

Что касается годовыхъ отчетовъ, то составлялись они обыкновенно помощникомъ бухгалтера Даниловымъ подъ руководствомъ А. К. Алчевскаго.

Составленіе отчета за 1900 годъ поручено было Иванову. При этомъ А. К. Алчевскій указалъ ему на то, что необходимо держаться въ рамкахъ предыдущаго отчета и что прибыль должна быть выведена въ размѣрѣ, допускающемъ возможность назначить не менѣе 28 руб. на акцію. Ивановъ постоянно совѣтовался съ бухгалтеромъ Юркевичемъ, и ни одна цифра не появилась въ отчетѣ безъ его вѣдома и согласія. Составивъ черновикъ отчета, Ивановъ представилъ его на просмотръ члену правленія Орлову, еще раньше знавшему о размѣрѣ дивиденда, который согласно распоряженію А. К. Алчевскаго надлежало вывести по отчету.

Всѣ отчеты и балансы подписывались всѣми членами правленія и бухгалтеромъ и представлялись на разсмотрѣніе общихъ собраній акціонеровъ вмѣстѣ съ докладами ревизіонной комиссіи. Въ своихъ докладахъ ревизіонная комиссія неизмѣнно удостовѣряла предъ общимъ собраніемъ акціонеровъ правильность составленныхъ правленіемъ отчетовъ и балансовъ, причемъ указывала, что они вполне соотвѣтствуютъ книгамъ банка, даютъ ясное и опредѣленное понятіе о положеніи всѣхъ счетовъ и заключаютъ въ себѣ всѣ требуемыя уставомъ свѣдѣнія. Въ докладѣ рев. ком. къ отчету за 1897 г., между прочимъ, помѣщено, что „счетоводство и

дѣлопроизводство банка находятся въ совершенномъ порядкѣ“ и что „книги и документы даютъ точныя данныя“. Въ докладѣ къ отчету за 1898 г. ревизіонная комиссія заявляетъ, что въ теченіе дѣлаго года она наблюдала общій ходъ операцій банка, присутствовала при тиражахъ и уничтоженіяхъ закладныхъ листовъ, сосчитала всѣ оплаченные закладные листы, просмотрѣла страховой, секретарскій и бухгалтерскій отдѣлы, всѣ сношенія съ корреспондентами и проч. и все оказалось въ полномъ порядкѣ. Въ докладѣ къ отчету за 1899 годъ, упомянувъ о громадныхъ оборотахъ банка, ревизком. считаетъ вужнымъ обратить вниманіе акціонеровъ банка на „усиленную энергію“, проявленную въ дѣлахъ банка какъ членами правленія, такъ и всѣми служащими банка.

Общія собранія акціонеровъ, довѣряя докладамъ ревизіонной комиссії, неизмѣнно утверждали отчеты правленія и разрѣшали выдачу дивиденда въ томъ размѣрѣ, который указывался правленіемъ, а именно: въ 1896—99 годы въ размѣрѣ 29 руб. и за 1900 г. въ размѣрѣ 28 р. на акцію.

Такъ какъ прибыль показывалась въ размѣрѣ, не соотвѣтствовавшемъ дѣйствительности, то и дивидендъ за всѣ эти годы былъ явно преувеличенъ. Скрывая долги банка и понесенные имъ убытки, показывая преувеличенную прибыль и назначая чрезмѣрный дивидендъ, члены правленія стремились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы упрочить свое положеніе во главѣ управленія дѣлами банка. Положеніе это представляло имъ также возможность получать за счетъ мнимыхъ прибылей банка преувеличенное вознагражденіе, отъ 15,000 до 16,000 р. въ годъ каждому.

Кромѣ того, изъ преувеличенной прибыли чрезмѣрныя отчисленія дѣлались ежегодно по учредительскимъ свидѣтельствамъ въ пользу А. К. Алчевскаго (до 22.000 р.), жены его и Орлова (до 2.400 р.). Наконецъ, пользуясь своимъ положеніемъ члена правленія, Любарскій, въ ущербъ интересамъ банка, получалъ значительныя и притомъ недозволенные уставомъ банка льготы въ качествѣ заемщика банка. Такъ, въ 1899 году со счета его списано было 24.818 р. 41 к. пени, вполне правильно на него насчитанной, и въ томъ же году со счета

жены его, М. А. Любарской, списано было пени 18.958 руб. 25 коп., а всего съ обоихъ списано было пени 43.775 р. 69 к. Членъ правленія Орловъ и жена его, въ качествѣ заемщиковъ банка, также пользовались подобною льготою, но въ меньшихъ размѣрахъ.

Согласно изложеннымъ выводамъ предварительнаго слѣдствія, предъявлены соответствующія обвиненія бывшимъ членамъ правленія банка: Любарскому-Письменному, Орлову, Журавлеву, Голеву, бухгалтеру Юркевичу и членамъ ревизіонной комиссіи Темницкому, Дракину и Лысогоренко. При допросѣ на слѣдствіи, кромѣ Юркевича, не отрицавшаго своей вины, въ части предъявленнаго ему обвиненія, никто изъ названныхъ лицъ не признавалъ себя виновнымъ.

Обвиняемый Любарскій-Письменный, не отрицая при первомъ допросѣ того, что ему было извѣстно о залогахъ процентныхъ бумагъ запасн. капитала, утверждалъ только, что операціи эти производились въ интересахъ банка, чтобы усилить его средства и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить неисправныхъ заемщиковъ, не принимая въ отношеніи ихъ разорительныхъ мѣръ, по взысканію срочныхъ платежей. При вторичномъ допросѣ, впадая въ явное противорѣчіе со своимъ первымъ объясненіемъ, онъ заявилъ, что ему не было извѣстно о залогахъ процентныхъ бумагъ зап. капитала и узналъ объ этихъ операціяхъ лишь не задолго до правительственной ревизіи банка, когда впервые услышалъ также и о залогахъ листовъ досрочнаго погашенія. Сущность его дальнѣйшихъ объясненій сводится къ слѣдующему: покойный А. К. Алчевскій самостоятельно руководилъ всѣми операціями банка; самъ дѣлалъ распоряженія о записи этихъ операцій на тотъ или другой счетъ, также самъ слѣдилъ и за составленіемъ годовыхъ отчетовъ. Хотя Любарскій-Письменный и считался заступающимъ мѣсто предсѣдателя правленія во время отсутствія А. К. Алчевскаго изъ Харькова (въ послѣдніе годы очень частыхъ), но такое званіе не давало ему, Любарскому, никакихъ преимуществъ передъ другими членами правленія. Какъ онъ, такъ и другіе, подписывая письма и телеграммы, относившіяся къ залогамъ процентныхъ бумагъ, исполняли въ этомъ случаѣ только распо-

ряженіе А. К. Алчевскаго. Вообще Любарскій (по его словамъ) не зналъ содержанія отчетовъ, потому что не былъ свѣдущъ въ бухгалтеріи. Передъ составленіемъ годовыхъ отчетовъ, между членами правленія никогда не происходило совѣщаній о томъ, въ какомъ размѣрѣ назначить дивидендъ за истекшій годъ; этотъ вопросъ рѣшался самостоятельно самимъ А. К. Алчевскимъ.

Объясненія обвиняемаго Орлова сводятся къ слѣдующему. Въ банкѣ всѣмъ распорядился А. К. Алчевскій. Его авторитетъ и вліяніе были настолько сильны, что никто ни въ чемъ ему не смѣлъ противорѣчить. Въ виду этого онъ вынужденъ былъ отстраниться отъ наблюденія за бухгалтерскимъ отдѣломъ. Залоги процентныхъ бумагъ зап. капитала и листовъ досрочнаго погашенія дѣлались по распоряженію А. К. Алчевскаго, но съ вѣдома всѣхъ членовъ правленія. Къ этимъ операціямъ прибѣгали отчасти для усиленія средствъ банка въ виду громадныхъ недоимокъ (до 7.000,000 р.), накопившихся за его заемщиками, отчасти въ интересахъ А. К. Алчевскаго, получившаго изъ земельного банка значительную ссуду (въ 1.800,000 р.) подъ свои имѣнія и рудники Алексѣевскаго горнопромышленнаго общества. Не была тайной для членовъ правленія и то обстоятельство, что большія суммы переводились изъ земельного въ торговый банкъ, что дѣлалось не только для поддержанія торговаго банка, но также и въ интересахъ А. К. Алчевскаго, который пользовался въ торговомъ банкѣ широкимъ кредитомъ. По объясненію Орлова, члены правленія земельного банка допускали упомянутыя операціи потому, что поддавались вліянію А. К. Алчевскаго, увѣрявшаго, что вскорѣ онъ добьется правительственной ссуды и покроетъ всѣ свои обязательства.

Отчеты предлагались къ подписи членовъ правленія предъ самыми общими собраніями акціонеровъ въ отпечатанномъ уже видѣ и отказаться отъ ихъ подписи члену правленія—значило произвести панику, грозившую большими потерями банка.

Сущность объясненій, данныхъ обвиняемыми Журавлевымъ и Голевымъ, сводится къ тому, что, завѣдуя каждый особыми порученными ихъ наблюденію отдѣлами, они мало вникали въ общій

ходъ дѣлъ банка, о залогахъ бумагъ вовсе не знали, если же подписывали иногда письма и телеграммы, касавшіяся этихъ залоговъ, то, не вникая въ сущность дѣла, всецѣло полагались въ этомъ случаѣ на другихъ членовъ правленія и бухгалтера Юркевича. Такимъ образомъ подписывались и годовые отчеты. Знали они о томъ, что большія суммы переводятся изъ земельного банка въ торговый, но никакихъ сомнѣній у нихъ по этому поводу не возникало, хотя оба они также знали, что А. К. Алчевскій, Любарскій и Орловъ пользовались въ торговомъ банкѣ личнымъ кредитомъ.

Журавлевъ (по его словамъ) всегда высказывался за уменьшеніе дивиденда, но мнѣніе его никогда въ расчетъ не принималось, такъ какъ остальные члены правленія, за одно съ А. К. Алчевскимъ, всегда настаивали на выдачѣ возможно большаго дивиденда. Далѣе, въ опроверженіе приведеннаго выше объясненія обвиняемаго Орлова, обвиняемый Журавлевъ высказался, что отъ наблюденія за бухгалтерскимъ отдѣломъ Орловъ не отстранился и личные отношенія его къ А. К. Алчевскому до конца остались наилучшими. На всѣхъ торжествахъ и парадныхъ обѣдахъ Орловъ говорилъ хвалебныя рѣчи по адресу А. К. Алчевскаго, величая его „гениемъ“.

Данныя обвиняемымъ Юркевичемъ объясненія сводятся къ слѣдующему: ему, Юркевичу, конечно, было извѣстно, что закладывались процентныя бумаги зап. капитала и листы досрочнаго погашенія; что большія суммы, вырученныя посредствомъ такихъ залоговъ, переводились въ торговый банкъ, гдѣ кредитовался А. К. Алчевскій. Но, принимая, какъ бухгалтеръ, участіе въ осуществленіи этихъ операцій, подписывая касавшуюся ихъ корреспонденцію, ордера и проч., онъ только исполнялъ приказанія членовъ правленія. Операціи эти проводились по книгамъ по принятому и усвоенному раньше обыкновенію.

Что касается порядка составленія годовыхъ счетовъ, то, по объясненію Юркевича, дѣло происходило такимъ образомъ: обыкновенно въ февралѣ мѣсяцѣ каждаго года члены правленія собирались на предварительное совѣщаніе, выслушивали сообщеніе бухгалтера о состояніи счетовъ, въ общихъ

чертахъ соображали цифры будущаго отчета и рѣшали, сколько надо выдать на истекшій годъ дивиденда на акцію. Правленіе при этомъ вовсе не соразмѣряло дивиденда съ дѣйствительно полученною прибылью, а, напротивъ, къ размѣру напередъ указаннаго дивиденда поручалось бухгалтеріи готовить и комбинировать соотвѣтствующимъ образомъ всѣ отчетныя данныя по книгамъ банка. На предварительныхъ совѣщаніяхъ по поводу годовыхъ отчетовъ, кромѣ А. К. Алчевскаго, всегда присутствовали и рѣшающій голосъ имѣли также Любарскій-Письменный и Орловъ, которые были посвящены въ состояніе всѣхъ отчетовъ банка и непосредственно за А. К. Алчевскимъ руководили бухгалтеріей въ составленіи отчетовъ. Вопросы о томъ, какія суммы списывать въ убытки, изъ какихъ суммъ составить прибыль банка и въ какомъ размѣрѣ, словомъ всѣ вопросы по составленію отчетовъ рѣшались членами правленія А. К. Алчевскимъ, Любарскимъ и Орловымъ; они давали по этимъ вопросамъ соотвѣтствующія указанія бухгалтеру Юркевичу, а тотъ передавалъ ихъ Данилову и Иванову. Правленіе банка (по словамъ Юркевича) хорошо было освѣдомлено о дѣйствительныхъ убыткахъ банка, но не рѣшалось сразу списать ихъ со счетовъ, потому что въ данномъ случаѣ не представлялось бы возможности выдать дивидендъ, и акціи банка неминуемо упали бы въ цѣнѣ. Присутствуя въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ при томъ, какъ докладывались отчеты правленія, онъ, конечно, сознавалъ, что такими отчетами акціонеры вводятся въ заблужденіе, но, какъ выразился Юркевичъ, „не ему же, бухгалтеру и зависимому человѣку, было поднимать противъ этого свой голосъ“.

Обвиняемые. Темницкій и Дракинъ показали, что, подписывая доклады ревизіонной комиссіи, они вовсе не знали ни о залогѣ процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія, ни объ убыткахъ, не знали, что долги и убытки банка скрыты по отчетамъ въ счетахъ дебиторовъ и кредиторовъ. Съ истиннымъ положеніемъ дѣла банка они не могли ознакомиться, такъ какъ правленіе никогда не приглашало ихъ на свои совѣщанія о текущихъ дѣлахъ и вообще

игнорировало ихъ. Не имѣя никакого понятія о бухгалтеріи (Темницкій по образованію юристъ, Дракинъ по профессіи докторъ), они не касались вовсе бухгалтерскаго отдѣла, не считая себя способными и даже „нравственно обязанными“ исполнять это дѣло. Ревизію бухгалтерскаго отдѣла предоставляли всецѣло третьему члену ревизіонной комиссіи—Лысогоренко, по профессіи бухгалтеру. На ихъ вопросы Лысогоренко всегда отзывался, что по бухгалтерской части все обстоитъ благополучно. Отчеты банка обыкновенно передавались имъ не ранѣе, какъ за недѣлю до общаго собранія акціонеровъ, а повѣрка кассы происходила всегда вечеромъ наканунѣ собранія акціонеровъ.

Обвиняемый Лысогоренко добавилъ, что редакція докладовъ всегда подвергалась совмѣстному обсужденію съ другими членами ревизіонной комиссіи. По поводу залога бумагъ онъ указывалъ своевременно А. К. Алчевскому на необходимость показывать это въ отчетахъ, указывалъ ему и на другіе недостатки въ отчетности. На всѣ его заявленія, А. К. Алчевскій отвѣчалъ, что не считаетъ нужнымъ и не желаетъ измѣнить формы отчетности и порядковъ бухгалтеріи, которые заведены уже издавна и практикуются съ успѣхомъ.

На основаніи свѣдѣній, извлеченныхъ изъ книгъ, усматривается, что земельнымъ банкомъ передавались суммы на текущій счетъ торговаго банка для подкрѣпленія средствъ торговаго банка. То обстоятельство, что извѣстныя суммы передавались именно около 15 числа и въ концѣ cadaго мѣсяца, по мнѣнію свѣдущихъ людей, объясняется тѣмъ, что торговый банкъ долженъ былъ представлять въ правительственныя учрежденія свои балансы на 1 и 15 числа cadaго мѣсяца, а въ этихъ балансахъ необходимо было показывать наличность средствъ банка въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ его обстоятельствами.

Постоянное возрастаніе суммъ, которыя приливали изъ земельного банка въ торговый, находится въ прямой связи съ возраставшими въ то же самое время операціями земельного банка по залогу его процентныхъ бумагъ, изъ чего видно, что операціи по залогу бумагъ, не вызываясь нуждами земель-

наго банка, служили только источникомъ для подкрѣпленія средствъ торговаго банка.

Для какой именно цѣли производились эти подкрѣпленія, показываетъ организація торговаго банка, составъ его администраціи и раскрытыя предварительнымъ слѣдствіемъ злоупотребленія по выдачѣ ссудъ.

Согласно уставу *харьковскаго торговаго банка*, управленіе дѣлами банка находилось въ рукахъ правленія, состоявшаго изъ 5 членовъ, которые избирались ежегодно общими собраніями акціонеровъ банка.

При правленіи состояло два депутата, избравшихся также общимъ собраніемъ акціонеровъ банка срокомъ на два года. Депутаты обязаны были присутствовать въ засѣданіяхъ правленія съ совѣщательнымъ голосомъ; они обязаны были также имѣть надзоръ за точнымъ соблюденіемъ устава банка, разсматривать книги, счета и годовые отчеты банка и представлять о нихъ свои замѣчанія общему собранію акціонеровъ банка.

За свой трудъ члены правленія по уставу получали „вмѣсто жалованья“ 15 проц. изъ годовой прибыли для раздѣла между собою. Вознагражденіе депутатамъ назначалось общими собраніями акціонеровъ. Дивидендъ на акціи харьковскаго торговаго банка (въ 100 р.) составлялъ за 1900 г. — 15 р. 19 к., а прибыль исчислена въ размѣрѣ 117,213 р. 13 к. Слѣдовательно, на долю каждого члена правленія приходилось около 3,516 рублей.

Покойный А. К. Алчевскій, бывшій однимъ изъ учредителей харьковскаго торговаго банка, неизмѣнно избирался въ члены правленія до 1895 г., когда онъ самъ отказался отъ этой должности.

Съ 1896 г. членами его правленія неизмѣнно состояли одни и тѣ же лица: Е. П. Любарскій—Письменный, Д. А. Абрамовъ, В. Н. Алчевскій, А. П. Куксинъ и А. В. Авиловъ. Депутатами состояли Н. В. Орловъ и К. К. Шафранекъ. Учетною операцией банка завѣдывалъ В. Г. Сухановъ.

Такимъ образомъ, Любарскій-Письменный состоялъ одновременно членомъ правленія обоихъ банковъ; членъ правленія земельного банка Орловъ состоялъ въ то же время депутатомъ торговаго банка. Кромѣ того, нѣкоторыхъ лицъ обоихъ бан-

ковъ соединяли извѣстные личныя и служебныя связи. Такъ, изъ членовъ правленія торговаго банка В. Н. Алчевскій родной племянникъ бывшаго предсѣдателя правленія земельного банка, А. К. Алчевскаго. Члены правленія торговаго банка Абрамовъ и Куксинъ одновременно состояли въ земельномъ банкѣ депутатами для присутствованія при тиражахъ. Депутатъ торговаго банка Шафранекъ служилъ въ земельномъ банкѣ по назначенію правленія сего банка, завѣдуя тамъ облигаціоннымъ отдѣломъ.

Изъ показаній свидѣтелей, бывшихъ служащихъ банка кассира Чалкина, помощника кассира Карталова, бухгалтера Васильева и помощника бухгалтера Гана выяснилось, что А. К. Алчевскій связи съ администраціей банка не порвалъ и не только постоянно бывалъ въ банкѣ, въ качествѣ клиента, но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ живое участіе въ веденіи его дѣлъ. Пользуясь по прежнему большимъ вліяніемъ на членовъ правленія, онъ, не будучи уже членомъ правленія, нерѣдко участвовалъ въ ихъ совѣщаніяхъ, давалъ совѣты и указанія, имѣвшія порою видъ простыхъ приказаній.

Изъ состава правленія торговаго банка наиболѣе вліятельными и авторитетными членами были: Абрамовъ, Любарскій и В. Н. Алчевскій. Они, главнымъ образомъ, руководили дѣлами банка, рѣшая наиболѣе важные вопросы. Куксинъ и Авилловъ большею частью являлись только исполнителями рѣшеній и распоряженій другихъ членовъ правленія. Когда въ помѣщеніи правленія А. К. Алчевскій совѣщался о чемъ либо съ Абрамовымъ, Любарскимъ или В. Н. Алчевскимъ, то Куксинъ и Авилловъ обыкновенно не принимали участія въ этихъ совѣщаніяхъ, иногда даже совсѣмъ выходили изъ комнаты правленія. Однако, ни Куксинъ, ни Авилловъ не производили впечатлѣнія лицъ, вполнѣ подчиненныхъ и зависимыхъ отъ другихъ членовъ правленія. Для рѣшенія текущихъ дѣлъ ежедневно бывали въ банкѣ Абрамовъ, Куксинъ и Авилловъ. Рѣже ихъ бывали въ банкѣ Любарскій и В. Н. Алчевскій, для рѣшенія болѣе важныхъ вопросовъ обыкновенно сходились всѣ члены правленія. Не только А. К. Алчевскій, но и члены правленія нисколько не стѣсняясь, и даже вопреки закону, пользовались средства-

ми банка для личныхъ своихъ дѣлъ и разнаго рода предпріятій, въ которыхъ они принимали участіе. А. К. Алчевскій имѣлъ въ банкѣ неограниченный кредитъ, большею частью ничѣмъ не обезпеченный. Члены правленія никогда не отказывали ему ни въ какихъ ссудахъ. При учетѣ векселей деньги, по распоряженію членовъ правленія, выдавались ему изъ кассы за день, за два ранѣе дѣйствительнаго учета. Иногда А. К. Алчевскому, по его просьбѣ, возвращали процентныя бумаги, обезпечивавшія его кредитъ, безъ погашенія самой ссуды.

А. К. Алчевскій пользовался также деньгами въ видѣ временныхъ позаимствованій изъ кассы банка, подъ простыя росписки. Такія позаимствованія въ его отсутствіе дѣлались за его счетъ или за счетъ Алексѣевского горнопромышленнаго общества, сыномъ его, Д. А. Алчевскимъ. Кас. Чалкинъ ежедневно составлялъ и клалъ въ помѣщеніи правленія вѣдомости о состояніи кассы, причемъ подъ итогомъ наличности кассы каждый день отмѣчалъ, какія именно суммы позаимствованы изъ кассы А. К. Алчевскимъ подъ частныя росписки его и его сына Д. А. Алчевскаго. Въ среднемъ онъ непрерывно состоялъ въ долгу кассѣ торговаго банка по простымъ роспискамъ до 40,000 руб.

Не стѣснялись въ пользованіи средствами торговаго банка для личныхъ цѣлей не только самъ А. К. Алчевскій, но и близкіе ему люди. Такъ, въ январѣ 1899 г. кто то изъ сыновей А. К. Алчевскаго сдѣлалъ черезъ торговый банкъ, не внося денегъ въ его кассу, распоряженіе о переводѣ въ Москву 10,000 р. за счетъ своей матери Х. Д. Алчевской. Вслѣдъ за тѣмъ, сумма эта, по распоряженію правленія, списана была на лицевой счетъ А. К. Алчевскаго. Въ январѣ 1900 г. были взяты изъ кассы торговаго банка 167,000 р. для выкупа изъ азовско-донскаго банка 25 паевъ товарищества харьковскаго сахаро-раф. завода, принадлежавшихъ В. Н. Алчевскому. Разрѣшая широкій личный кредитъ А. К. Алчевскому, члены правленія торговаго банка также и сами, не стѣняясь, пользовались для личныхъ цѣлей деньгами банка, то подъ видомъ учета векселей, причемъ векселя однихъ членовъ правленія принимались къ учету ихъ

товарищами, другими членами правленія, то въ видѣ ссудъ, разрѣшаемыхъ такимъ же образомъ, при чемъ ссуды эти иногда были обезпечиваемы бумагами, иногда же и вовсе ничѣмъ не обезпечены. За счетъ членовъ правленія на средства банка покупались и продавались процентныя бумаги, причѣмъ убытки и барыши отъ такихъ операцій записывались на счетъ членовъ правленія.

Осмотромъ книгъ банка съ 1896 г. выяснены злоупотребленія, касавшіяся выдачи ссудъ подѣ учетъ векселей, подѣ залогъ процентныхъ бумагъ, по текущему счету съ корреспондентами и по разнымъ другимъ счетамъ. А. К. Алчевскій, члены правленія—Любарскій, В. Н. Алчевскій, Авилловъ и Куксинъ, депутатъ Орловъ и членъ рев. ком. земельного банка Лысогоренко пользовались въ торговомъ банкѣ кредитомъ по предъявительству чужихъ векселей (съ двумя подписями) и къ 15 іюня 1901 г. по учету векселей оставались должны банку: А. К. Алчевскій—2.005,058 р. 95 к., Орловъ—12,975 р., Любарскій—118,600 р., Авилловъ—64,400 р., Куксинъ—34,300 руб., Лысогоренко—6,820 р., В. Н. Алчевскій—4,600 р., а всѣ вмѣстѣ—2.546,753 руб. 95 коп.

Такъ какъ, на основаніи закона, члены правленія и служащіе каждаго коммерческаго банка не могутъ пользоваться вексельнымъ кредитомъ въ томъ же банкѣ, то кредитъ, которымъ пользовались члены правленія и депутаты, представляется противнымъ закону. Весь вексельный портфель банка составляетъ 3.832,190 р. 71 к. Если изъ этой суммы вычесть задолженность вышеназванныхъ 7 лицъ,—2.546,753 р. 95 к., долгъ по векселямъ Алексѣевскаго горнопром. о—ва—474,501 р. 93 к., долгъ по векселямъ Д. А. Алчевскаго—100,000 р., товарищества сах.-раф. завода—92098 р. 85 к., и товарищества „П. К. Карпушкинъ и А. В. Авилловъ“—112,478 р. 45 к., то окажется, что вексельный кредитъ внѣ сферы указанныхъ 7 лицъ и связанныхъ съ ихъ интересами предприятий, ограничился суммою въ 506,357 р. 55 к.

Уставъ банка разрѣшаетъ выдачу ссудъ подѣ процентныя бумаги. Къ 15 іюня 1901 г. выдано было ссудъ подѣ гарант. прав. бумаги на 67,035 р., а подѣ негарант.—на 7.584,306 р.; послѣднія, вопреки

требованію устава, выдавались свыше 90% ихъ биржевой стоимости. Не ограничиваясь этимъ, правленіе разрѣшало иногда ссуды подъ бумаги въ размѣрѣ, превышавшемъ даже всю биржевую стоимость. Такъ, А. К. Алчевскій получилъ 1.217,620 р. подъ залогъ акцій харьк. зем. банка по 460 р. за штуку, между тѣмъ какъ биржевая ихъ цѣна равнялась тогда лишь 445 р., и того же числа онъ получилъ 27,300 р. подъ акціи донецко юрьевского мет. о—ва по 360 р. за штуку, при биржевой цѣнѣ ихъ въ 190 р. Ссудами подъ бумаги кромѣ того пользовались также всѣ члены правленія банка и депутатъ банка Орловъ.

Къ 15 іюня 1901 г. по этимъ ссудамъ оставались должны банку А. К. Алчевскій—6.038,182 р., Абрамовъ—249,500 р., В. Н. Алчевскій—186,100 р., Любарскій—53,700 р., Куксинъ—23,350 р., итого 6.550.832 р. Вслѣдствіе недостаточнаго обезпеченія ссудъ и уплаты ихъ, банкъ потерпѣлъ убытокъ на бумагахъ, заложенныхъ А. К. Алчевскимъ—2.430,703 р., В. Н. Алчевскимъ—51,299 р., Любарскимъ—21,735 р., Абрамовымъ—17,370 р., Куксинымъ—5,971 р., всего—2.527,178 р.

Личное довѣріе членовъ правленія къ А. К. Алчевскому простиралось до того, что ему возвращались иногда бумаги, обезпечивавшія его долги, безъ погашенія самыхъ долговъ. А. К. Алчевскій пользовался также бланковымъ кредитомъ корреспондента наравнѣ съ банками.

Члены правленія пользовались онкольнымъ кредитомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, онъ открывался имъ безъ взноса предварительнаго обезпеченія и притомъ въ полной стоимости бумагъ, покупаемыхъ за ихъ счетъ, но на средства банка. При паденіи биржевой стоимости купленныхъ такимъ образомъ бумагъ, они не вносили дополнительнаго обезпеченія, не уплачивали разницы, а долги по этимъ счетамъ переносились на ихъ счета по переходящимъ суммамъ. Долги ихъ превышали размѣры обезпеченія, вслѣдствіе чего банкъ понесъ убытокъ въ 73,578. р.

Свѣдующіе люди обратили особенное вниманіе еще на слѣдующую операцію. Въ 1900 г. 24—25 апрѣля и 17 мая, банкъ купилъ 100 акцій донецко-юрьевского мет. о-ва по курсу 326—371 р. за акцію, причемъ 65 акцій куплено было за счетъ Абрамова,

а 35 акцій за счетъ В. Н. Алчевскаго. Къ концу года цѣна этихъ акцій упала до 199 р., а когда онѣ были перенесены на счетъ банка, курсъ ихъ понизился до 113 р. Тогда 30 декабря 1900 г. покупная стоимость всѣхъ акцій, въ общей суммѣ 37,315 р. 11 к.—была отнесена на счетъ переходящихъ суммъ подъ заглавіемъ: „акц. донецко-юрьевскаго мет. о-ва“, а 31 мая 1901 года списана окончательно на счетъ торговаго банка. Согласно показанію свидѣтеля Васильева, эти акціи были куплены, повидимому, въ расчетѣ на повышеніе ихъ цѣны и, по распоряженію Абрамова, 65 акцій были записаны на его счетъ, а 35 акцій на счетъ В. Н. Алчевскаго; когда же акціи упали въ цѣнѣ, Абрамовъ распорядился записать ихъ на счетъ банка по той цѣнѣ, за которую онѣ были куплены, ссылаясь при этомъ на то, что акціи, будто бы, ошибочно были записаны на личные счета его, Абрамова и В. Н. Алчевскаго, такъ какъ были куплены по распоряженію А. К. Алчевскаго для поддержанія курса ихъ. На этой операціи банкъ понесъ убытка 26,115 р. 11 к.

Если подвести итогъ задолженности прикосновенныхъ къ настоящему дѣлу лицъ, и убытки, понесенные банкомъ отъ неправильно открытаго имъ кредита, то оказывается, что долги ихъ составляли къ 15 іюня 1901 г. по учету векселей—2.546.753 р. 93 к.; по ссудамъ подъ проц. бумаги—6.550,832 р.; по корреспонд. счету А. К. Алчевскаго—294,119 р. 35 к.; по счету—„разные по комиссіи“—199,525 р. 77 к.; по счету—„переход. суммъ“—583,537 р. 33 к.; по роспискамъ А. К. Алчевскаго—65,000, а всего—10.239,668 р. 40 к. Убытки, понесенные на этихъ операціяхъ банкомъ, выражаются къ 15 іюля 1901 г. въ суммѣ 4.775,692 р., изъ коихъ на счетъ А. К. Алчевскаго падаетъ 4.170,147 руб.

Харьковскій торговый банкъ долженъ былъ 14 іюня 1901 года объявить себя несостоятельнымъ вслѣдствіе того, что не могъ выполнить требованія зем. банка о возвращеніи ему 5.403,550 р. 14 к. Если сопоставить съ этою цифрой сумму въ 10.239,668 р. 40 к., которую къ тому же времени должны были торговому банку упомянутыя лица, стоявшія во главѣ обоихъ банковъ, а также сумму убытковъ въ 4.775,692 р. 85 к.; то нельзя не прийти къ заключенію, что несостоятельность торговаго банка должна

быть поставлена въ тѣсную связь съ убытками, понесенными вслѣдствіе неправильнаго, ничѣмъ не обеспеченнаго кредита, открытаго названнымъ лицамъ.

Изъ показаній свидѣтелей Чалкина и Васильева усматривается, что депутатамъ Орлову и Шафранеку злоупотребленія эти, несомнѣнно, были хорошо извѣстны. Однако, въ подписанныхъ ими докладахъ о ревизіи банка и провѣркѣ отчетности его, они неизмѣнно удостовѣряли, что все счетоводство банка находится въ порядкѣ, что годовые отчеты составлены правильно, и предлагали общимъ собраніямъ утверждать ихъ. Общія собранія, на коихъ постоянно предсѣдательствовалъ членъ правленія Любарскій-Письменный, дѣйствительно утверждали составленные правленіемъ банка отчеты.

При допросѣ обвиняемыхъ на слѣдствіи никто изъ нихъ виновнымъ себя не призналъ.

Обвиняемый Любарскій показалъ, что вообще рѣдко бывалъ въ банкѣ и во всѣ дѣла его не вникалъ. Ничѣмъ не обеспеченный кредитъ его А. К. Алчевскому допускался въ виду того, что послѣдній считался вѣрнымъ плательщикомъ и имѣлъ огромное состояніе, которое представлялось надежнымъ обеспеченіемъ открытаго ему кредита. О томъ, что онъ бралъ деньги изъ кассы подъ простыя росписки, и о томъ, что ему возвращались бумаги, обезпечившія ссуды, онъ Любарскій не зналъ, это дѣлалось безъ его вѣдома. Онъ самъ и другіе члены правленія кредитовались въ банкѣ по векселямъ потому, что не считали этого запрещеннымъ, а о томъ, что кредитъ по другимъ счетамъ не всегда былъ обеспеченъ, ему Любарскому, не было извѣстно.

Обвиняемые Абрамовъ и В. Н. Алчевскій показали, что А. К. Алчевскій до послѣдняго времени пользовался въ банкѣ такимъ огромнымъ вліяніемъ, что ему всѣ подчинялись безпрекословно. Никто не рѣшался ему противорѣчить, тѣмъ болѣе, что онъ отличался вообще деспотическимъ характеромъ и не терпѣлъ возраженій. Кредитъ ему основывался также на полномъ довѣріи къ его состоятельности. Случалось, что ему выдавали деньги изъ кассы подъ простыя росписки, но это бывало только въ тѣхъ случаяхъ, когда ожидался откуда-нибудь переводъ денегъ на его имя. Кредитъ своимъ товарищамъ

по правленію они допускали потому, что ничего противозаконнаго въ томъ не находили.

По объясненію обвиняемыхъ Куксина и Авилова, они находились въ банкѣ на положеніи какъ бы „младшихъ“, подчиненныхъ членовъ правленія, а самыми вліятельными, какъ бы „старшими“, членами правленія были Любарскій, Абрамовъ и В. Н. Алчевскій. Отъ послѣднихъ зависѣло разрѣшеніе болѣе крупныхъ ссудъ, они же разрѣшали ссуды А. К. Алчевскому. Куксинъ и Авилонъ (по ихъ словамъ) никому не разрѣшили кредита на сумму болѣе 10,000 р. но, по приказанію другихъ членовъ правленія, расписывались подъ распоряженіями о выдачѣ всякихъ ссудъ. По выраженію Авилова, „не онъ распоряжался, а имъ распоряжались въ торговомъ банкѣ“.

Обвиняемый Орловъ показалъ слѣдующее: изъ объясненій, которыя давали ему по поводу кредита Алчевскому члены правленія и завѣдывавшіе бухгалтеріей банка, онъ заключилъ, что такой кредитъ носилъ всегда исключительный, временный характеръ. Зналъ онъ и о томъ, что подобнымъ же кредитомъ, на незначительныя, сравнительно, суммы, временно и въ видѣ исключенія, пользовались и члены правленія банка, но о томъ, что они за счетъ банка играли на биржѣ, ему не было извѣстно. Вмѣстѣ съ Шафранкомъ онъ повѣрялъ кассу, въ заранѣе опредѣленные сроки, такъ что въ случаѣ недостачи денегъ въ кассѣ, таковую всегда можно было пополнить хотя бы на время.

Обвиняемый Шафранекъ объяснилъ, что протоколы засѣданій присылались ему для подписи и онъ ихъ подписывалъ. Ему было извѣстно, по слухамъ, что А. К. Алчевскій прибѣгалъ къ временнымъ позаймствованіямъ изъ кассы торговаго банка и что счета Алчевскихъ въ торговомъ банкѣ не были вполнѣ обезпечены, однако, дѣлать какія либо заявленія по этому поводу въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ банка онъ не могъ, иначе ему самому „не сдобровать бы“.

Кромѣ злоупотребленій по выдачѣ ссудъ, обнаружены были другія злоупотребленія, касавшіяся операцій по учету векселей. 20 мая 1901 года, правленіемъ банка и депутатами произведена была общая повѣрка вексельнаго портфеля банка, и при

этомъ оказалось, что въ кассѣ нѣтъ векселей, которые должны были тамъ находиться, на 55.237 р. Завѣдывавшій вексельною операціею, Сухановъ сознался, что въ недостаткѣ векселей виноватъ онъ, Сухановъ, и что это вслѣдствіе того, что нѣкоторые кліенты, выкупая свои векселя, уплачивали деньги не въ кассу, а ему, Суханову, а онъ, возвративъ кліентамъ векселя, деньги въ кассу не вносилъ, а оставлялъ у себя. Сухановъ замѣтилъ при этомъ, что онъ предвидѣлъ угрожающій банку „конецъ“ и потому хотѣлъ доставить семьѣ возможность хорошенько пожить.

Далѣе, раскрыты были еще слѣдующія злоупотребленія по операціямъ учета векселей: операціи по учету векселей иногда вовсе не проводились по книгамъ банка; проценты за переписку учтенныхъ векселей по книгамъ банка иногда вовсе не отмѣчались, слѣдовательно, въ кассу банка вовсе не поступали. Изъ списка 35 векселей, по которымъ проценты не поступали, видно, что предъявителемъ 18 векселей является депутатъ банка Орловъ. Кроме того, операціи учета проводились иногда по книгамъ несвоевременно, не только позже дѣйствительно состоявшагося учета, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже по истеченіи срока векселей, изъ чего надо заключить, что и проценты по этимъ векселямъ поступали въ кассу банка не своевременно, иногда съ большими запозданіями.

Этимъ пользовался членъ правленія Куксинъ. Изъ числа 47 учтенныхъ имъ и проведенныхъ по книгамъ несвоевременно векселей, въ 18 случаяхъ учетъ проведенъ по книгамъ уже по наступленіи срока векселямъ, иногда болѣе двухъ мѣсяцевъ спустя.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Сухановъ, не отрицая факта присвоенія денегъ, однако же, не призналъ себя виновнымъ. Объясненіе его сводятся къ слѣдующему: Въ банкѣ онъ служилъ 29 лѣтъ. Завѣдуя вексельной операціею и пользуясь полнымъ довѣріемъ, онъ постоянно бралъ изъ кассы нужные ему векселя, не выдавая на нихъ ордеровъ. Многіе векселя только числились въ кассѣ, а находились въ дѣйствительности, постоянно у него, въ сундукѣ. Лѣтъ 15 тому назадъ, какой то кліентъ банка передалъ Суханову деньги

въ платежъ по векселю, который хранился тогда у Суханова; возвративъ вексель кліенту, Сухановъ удержалъ у себя переданныя ему деньги, рассчитывая, въ послѣдствіи, возвратить ихъ въ кассу; однако, ему не удалось исполнить это, такъ какъ онъ сильно нуждался въ деньгахъ. Послѣ этого перваго случая, Сухановъ сталъ иногда оставлять у себя деньги, которыя передавались ему кліентами въ платежъ по векселямъ, причемъ возвращалъ кліентамъ ихъ векселя. Въ продолженіе около 15 лѣтъ, Сухановъ, по его словамъ, не передалъ въ кассу банка и присвоилъ себѣ около 60.000 р.; были случаи, когда онъ присваивалъ себѣ и проценты, которые вносились при самомъ учетѣ векселей или въ послѣдствіи, бывали также случаи, что проценты уплачивались кліентами не сполна, или вовсе не уплачивались. Вообще, по словамъ Суханова, послабленія во времени взноса процентовъ дѣлались многимъ „своимъ людямъ“, но такіе случаи, чтобы проценты не поступали даже и послѣ срока векселямъ, бывали только по векселямъ членовъ правленія Куксина и Ф. Ф. Зимовскаго, на сестрѣ котораго былъ женатъ бухгалтеръ банка Васильевъ. Что касается А. К. Алчевскаго, то очень часто векселя его, уже просроченные, не предъявлялись къ протесту, и замѣнялись новыми, иногда спустя мѣсяцъ по истеченіи срока и дѣлалось это съ вѣдома всѣхъ членовъ правленія.

На основаніи вышеизложеннаго обвиняются:

1) Любарскій-Письменный, Орловъ, Журавлевъ и Голевъ—въ томъ, что, состоя въ должности членовъ правленія Харьковскаго земельного банка, по предварительному между собою уговору, злонамѣренно, съ цѣлью доставить личныя выгоды отчасти самимъ себѣ, отчасти взаимно другъ другу и А. К. Алчевскому, въ ущербъ интересамъ банка и вопреки его уставу, закладывали процентныя бумаги, составлявшія запасный капиталъ банка, его же закладные листы, полученные въ досрочное погашеніе ссудъ и принятые на комиссію для продажи, заложивъ такимъ образомъ къ 25 іюня 1901 г. процентныхъ бумагъ запаснаго капитала на сумму болѣе 2.000,000 руб. (ном.) и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія на сумму болѣе 5.000.000 р. (ном.) и полученные отъ этого денежныя

суммы обращали на увеличеніе оборотныхъ средствъ Харьковскаго торговаго банка, гдѣ А. К. Алчевскій, Любарскій-Письменный и Орловъ пользовались кредитомъ, въ значительной мѣрѣ ничѣмъ не опезпеченнымъ, каковыми дѣйствіями причинили Харьковскому земельному банку убытки, на сумму болѣе 300 руб.

II) Тѣ же Любарскій-Письменный, Орловъ, Журавлевъ и Голевъ, а также Юркевичъ обвиняются въ томъ, что, состоя, первые четверо въ должности членовъ правленія земельного банка, а послѣдній въ должности бухгалтера, по предварительному между собою уговору, изъ корыстныхъ и личныхъ видовъ, съ цѣлью утаить отъ акціонеровъ истинное положеніе дѣлъ сего банка, скрыли неправильныя и убыточныя для него операціи, показали прибыль отъ его операцій въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, и тѣмъ увеличили размѣръ подлежавшаго выдачѣ дивиденда.

III) Темницкій, Дракинъ и Лысогоренко обвиняются въ томъ, что, состоя въ должности членовъ ревком. зем. банка, по предварительному уговору между собою, членами правленія того же банка и бухгалтеромъ Юркевичемъ, изъ личныхъ видовъ, съ цѣлью утаить отъ акціонеровъ и правительства истинное положеніе дѣлъ банка, въ докладахъ о ревизіи счетоводства и отчетности банка за 1895—1900 г. включительно, скрыли то, что въ одобренныхъ ими и предложенныхъ ими на утвержденіе общихъ собраній акціонеровъ отчетахъ вовсе не показаны выше упомянутыя операціи по залогу процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія и принятыхъ на комиссію, что въ отчетахъ и балансахъ банка не только не показаны въ счетахъ убытковъ суммы, составлявшія несомнѣнно большія потери банка, но таковыя скрыты включеніемъ ихъ въ счета дебиторовъ, и что завѣдомо ложно удостовѣрили, что всѣ акціи зем. IX и X вып. собраны.

IV) Тотъ же Любарскій-Письменный, Абрамовъ, В. Н. Алчевскій, Куксинъ и Авилловъ обвиняются въ томъ, что, состоя въ должности членовъ правленія Харьковскаго торговаго банка, по предварительному между собою уговору, съ цѣлью доставить противозаконную выгоду отчасти себѣ, отчасти взаимно

другъ другу и А. К. Алчевскому, въ ущербъ интересамъ сего банка, въ періодъ времени съ 1896 по 1901 г. включительно:

1) вопреки закону и уставу неоднократно разрѣшали и допускали въ банкѣ какъ самимъ себѣ, такъ и взаимно другъ другу, кредитъ по учету векселей, ссуды подъ процентныя бумаги въ размѣрѣ свыше 90 процентовъ ихъ биржевой цѣны, ничѣмъ не обезпеченный кредитъ, а также временныя позаимствованія изъ кассы банка подъ простыя росписки, послѣдствіемъ чего было причиненіе банку убытковъ на сумму болѣе 300 руб.;

2) вопреки уставу неоднократно разрѣшали и допускали въ немъ А. А. Алчевскому ссуды подъ процентныя бумаги въ размѣрѣ свыше 90 проц. ихъ биржевой цѣны, причемъ изъ процентныхъ бумагъ, обезпечивавшихъ эти ссуды, возвратили ему обратно акціи Алексѣевского горн. общ. и паи товарищества Харьк. сахаро-раф. завода, оставивъ выданныя подъ эти бумаги ссуды на сумму 737,500 р. ничѣмъ не обезпеченными,—разрѣшали тому же А. К. Алчевскому ничѣмъ не обезпеченный кредитъ по счетамъ „корреспондентовъ“ и „переходящихъ суммъ“, а также временныя позаимствованія изъ кассы банка подъ простыя росписки, послѣдствіемъ чего было причиненіе банку убытковъ въ видѣ невозвращенія ссуженныхъ денегъ на сумму болѣе 300 руб.

У) Тотъ же Орловъ и Шафранекъ обвиняются въ томъ, что, состоя въ должности депутатовъ торговаго банка, по предварительному соглашенію между собою и членами правленія того же банка, изъ личныхъ видовъ, съ цѣлью утаить отъ акціонеровъ и правительства истинное положеніе дѣлъ сего банка и допускавшіяся въ немъ противозаконныя, неправильныя и убыточныя для банка операціи по выдачѣ ссудъ,—въ докладахъ о ревизіи, удостовѣряя, что все счетоводство и касса банка ими провѣрялись и все найдено въ порядкѣ,

1) скрыли то, что члены правленія разрѣшали и допускали какъ самимъ себѣ, такъ и другъ другу кредитъ по учету векселей, ссуды подъ бумаги въ размѣрѣ свыше 90 процент. ихъ биржевой цѣны, ничѣмъ не обезпеченный кредитъ, а также временныя позаимствованія изъ кассы банка подъ простыя

росписки, послѣдствіемъ чего было причиненіе банку убытковъ на сумму болѣе 300 руб.;

2) скрыли то, что вопреки уставу члены правленія разрѣшали А. К. Алчевскому ссуды подъ процентныя бумаги въ размѣрѣ свыше 90 проц. ихъ биржевой цѣны, причемъ изъ процентныхъ бумагъ, обезпечивавшихъ эти ссуды, возвратили ему обратно часть бумагъ, оставивъ выданныя подъ эти бумаги ссуды на сумму 737.500 р. ничѣмъ не обезпеченными, разрѣшали тому же А. К. Алчевскому ничѣмъ не обезпеченный кредитъ по счетамъ „корреспондентовъ“ и „переходящихъ суммъ“, а также временныя позаимствованія денегъ изъ кассы банка подъ простыя росписки, послѣдствіемъ чего было причиненіе Харьковскому торговому банку убытковъ въ виду невозвращенія ссуженныхъ денегъ на сумму свыше 300 рублей.

V) Сухановъ обвиняется въ томъ, что, состоя въ должности помощника бухгалтера торговаго банка и завѣдуя учетомъ векселей, съ цѣлью доставить себѣ противозаконную выгоду, въ ущербъ интересамъ названнаго банка, въ періодъ времени съ 1896 по 1901 годъ включительно, получая отъ нѣкоторыхъ кліентовъ банка платежи по учтеннымъ въ банкѣ векселямъ, деньги обращалъ въ свою пользу, расходовалъ ихъ на свои личныя надобности и обратилъ въ свою пользу изъ принадлежавшихъ банку денегъ болѣе 300 руб., не возвративъ таковыхъ и послѣ открытія сего злоупотребленія.

Описанныя преступленія предусмотрѣны: въ отношеніи Любарскаго-Письменнаго—13,1154, 1155 и 362 ст. ул. о нак., въ отношеніи Орлова, Журавлева и Голева—13,1154, 354 и 362 ст. ул. о нак., въ отношеніи Юркевича, Темницкаго, Дракина, Лысогоренко и Шафранека — 13,1154 и 362 ст. ул. о нак., въ отношеніи Абрамова, В. Н. Алчевскаго, Куксина и Авилова—13,1155 и 354 ст. ул. о нак. и въ отношеніи Суханова 1154 и 354 ст. ул. о нак.

Послѣ семидневнаго перерыва, посвященнаго изученію книгъ и документовъ, палата приступила къ допросу свидѣтелей. Первымъ былъ допрошенъ Масловъ, состоящій на службѣ въ банкѣ съ 1875 г., занимающій съ 1886 г. должность секретаря. По поводу операцій съ залогомъ закладныхъ листовъ, представленныхъ въ досрочное погашеніе, онъ по-

казаль, что вся переписка о займахъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и закладныхъ листовъ не проходила черезъ его руки, что обыкновенно уничтоженіе листовъ производилось въ присутствіи членовъ правленія, ревизіонной комиссіи и депутатовъ путемъ пробивки; при этомъ присутствовалъ всегда и свидѣтель, но въ 1900 и 1901 гг. закладные листы больше уже не подвергались уничтоженію, ихъ перестали пробивать. На вопросъ пр. пов. Плевако, кто игралъ наиболѣе видную роль въ банкѣ, Масловъ показаль, что безъ А. К. Алчевскаго не дѣлалось ни одного постановленія, касающагося продажи имѣнія, что онъ всюду цариль, не считался съ мнѣніями другихъ членовъ правленія и что послѣдніе безъ его санкціи не дѣлали никакихъ постановленій, хотя по уставу имѣли такія же права, какъ Алчевскій. Алчевскій положительно цариль въ банкѣ, его мнѣнія были для всего банка, не исключая и членовъ правленія, даже для общихъ собраній закономъ. Никто не вступаль съ нимъ въ споры, всѣ его предложенія принимались единогласно. Когда въ 1896 г. одинъ изъ акціонеровъ указаль въ собраніи на нѣкоторыя неясности въ отчетѣ, достаточно было, чтобы Алчевскій далъ кое-какія объясненія, чтобы всѣ удовлетворились. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ составленъ журналъ, по которому занятія были распределены между отдѣльными членами правленія, но въ апрѣлѣ 1892 г., придя на службу, свидѣтель нашель этотъ журналъ разорваннымъ. Объ отношеніяхъ торговаго банка къ земельному свидѣтелю ничего неизвѣстно; онъ только подтвердилъ, что существуетъ ходъ, соединяющій помещенія торговаго и земельного банковъ, и что ходъ этотъ сохранился и до настоящаго времени.

Вторымъ допрашивали помощника секретаря Киселевскаго. Онъ показаль, что не имѣеть свѣдѣній о томъ, что дѣлалось въ правленіи, такъ какъ на совѣщаніяхъ правленія не присутствовалъ. Интересны его показанія о роли, которую въ банкѣ игралъ главный бухгалтеръ Юркевичъ. Послѣдній попалъ на службу и заняль этотъ видный въ каждомъ банкѣ постъ совершенно случайно, для многихъ неожиданно. Онъ не былъ фактически бухгалтеромъ, за него все дѣлали его помощники, осо-

бенно Даниловъ, который хорошо зналъ всѣ приемы бухгалтеріи. Что касается роли, которую въ банкѣ игралъ А. К. Алчевскій, то его всѣ считали хозяиномъ. Между прочимъ, свидѣтель разсказалъ, что когда одинъ изъ помощниковъ бухгалтера, Герасимовъ однажды отказался подписать какое-то письмо, Алчевскій сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ ему придется оставить службу. На это Герасимовъ отвѣтилъ Алчевскому, что оставить службу только вмѣстѣ съ нимъ, Алчевскимъ. На дѣла банка вліялъ только Алчевскій, бухгалтеръ же Юркевичъ не имѣлъ никакого значенія. Именно потому онъ и былъ назначенъ на должность бухгалтера, такъ какъ Алчевскому нужны были люди, на которыхъ можно было оказывать давленіе, у которыхъ не было своего мнѣнія. Алчевскій боялся вводить чловѣка свѣдущаго, такъ какъ тотъ легко открылъ бы всѣ недочеты бухгалтеріи.

Служащій въ банкѣ Мамонтовъ показалъ, что членъ правленія Орловъ много разъ поднималъ вопросъ объ улучшеніи бухгалтерской части и на этой почвѣ выходили частыя столкновенія съ Алчевскимъ. Орловъ просилъ свидѣтеля помочь ему въ дѣлѣ устраненія недочетовъ бухгалтеріи; свидѣтель представилъ ему записку, потомъ съ цѣлью упорядоченія счетоводства было назначено совѣщаніе служащихъ безъ вѣдома Алчевскаго; вообще, Орловъ дѣлалъ попытки упорядочить этотъ отдѣлъ. Распоряженія по составленію отчетовъ давалъ исключительно онъ одинъ; онъ разрѣшалъ отдавать въ печать отчеты; вообще, въ составленіи отчетовъ бухгалтеръ не игралъ никакой роли. Алчевскому другого бухгалтера не нужно было, такъ какъ, если бы бухгалтеръ заявилъ протестъ противъ его распоряженія, онъ не удержался бы въ банкѣ ни минуты.

Далѣе, свидѣтель переходитъ къ вопросу объ измѣненіи системы начисленія пени. Съ 1893 года сталъ практиковаться такой безпорядокъ, что въ составъ общей суммы недоимокъ входила и вся пеня. Въ виду этого не было никакой возможности съ этого времени констатировать правильность начета пени. Убытки, какіе несъ банкъ, точно опредѣлить совершенно не могъ бы никто изъ служащихъ, включая и самаго бухгалтера, такъ какъ

счетоводство вообще велось очень небрежно, нѣкоторыя статьи совершенно не заносились въ отчетъ, притомъ не только статьи убытка, но иногда и прибыли. Подписываніе бумагъ членами правленія обыкновенно производилось довольно небрежно. Почти всегда члены правленія давали свои подписи, не вникая въ сущность дѣлъ. Особенно это относилось къ тѣмъ бумагамъ, гдѣ уже была подпись бухгалтера,—здѣсь безпечность подписыванія со стороны членовъ правленія была полная.

Въ Харьковскомъ банкѣ бухгалтеръ выполнялъ всѣ обязанности, сопряженныя съ офиціальнымъ званіемъ бухгалтера, но по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ въ дѣло вмѣшивались и Алчевскій, и порой то тотъ, то другой членъ правленія.

Такая постановка счетоводства приводила къ полной небрежности въ счетахъ заемщиковъ; съ самаго основанія банка до іюня 1901 г. балансы счетовъ съ заемщиками не сводились.

Завѣдующій платежнымъ отдѣломъ свидѣтель Козловъ показалъ, что вопросы о сложении или уменьшении пени вѣдались А. К. Алчевскимъ; безъ него остальные члены правленія никогда не рѣшались сложить пеню, если сумма ея была болѣе или менѣе крупной. Въ этихъ случаяхъ все зависѣло исключительно отъ его велѣнія. Свидѣтель не находилъ этого подозрительнымъ, такъ какъ уставъ банка разрѣшалъ слагать часть пени, исчисляя ее изъ 6% годовыхъ вмѣсто 12%.

Во всемъ управленіи и дѣлопроизводствѣ въ банкѣ царилъ полнѣйшая безсистемность. Бухгалтеръ банка былъ всегда очень занятъ массой мелочей и такихъ частностей бухгалтерскаго дѣла, которыя съ успѣхомъ и спокойно могли бы быть поручены имъ его помощникамъ, главнаго же своего дѣла онъ не зналъ хорошо и не имѣлъ даже времени достаточно вникнуть въ него.

Что касается пени, причитавшейся съ подсудимаго Любарскаго-Письменнаго и списанной ему со счета, то пеня эта не была цѣлкомъ сложена съ его счета, а только уменьшена на половину, — вмѣсто 12% ее исчисляли по 6%. Размѣръ пени, причитавшейся съ г. Любарскаго и г-жи Любарской, достигалъ до 80.000 р., изъ нея 40.000 р. бы-

ли сложены, остальные 40.000 р. были внесены наличными.

Списываніе пеней практиковалось нерѣдко въ банкѣ, такъ что сложеніе ея съ г. Любарскаго все не было какой-нибудь исключительной льготой. Свидѣтель припоминаетъ что у г. Иловайскаго сложенная сумма была гораздо внушительнѣе той, которую сложили съ г. Любарскаго. Аналогичный случай имѣлъ мѣсто и по отношенію г. де-Росси. Правильныхъ, систематическихъ засѣданій правленіе не вело. Даже не случалось, чтобы въ особой комнатѣ, отведенной для совѣщаній правленія, когда-нибудь для рѣшенія какого-нибудь вопроса собиралось болѣе двухъ—трехъ членовъ правленія.

По поводу отношеній между Алчевскимъ и Орловымъ свидѣтель разсказалъ о слѣдующемъ инцидентѣ. Изъ-за неизвѣстнаго свидѣтелю повода у Алчевскаго съ Орловымъ вышло столкновеніе. Свидѣтель слышалъ, какъ Алчевскій сказалъ Орлову: „Если вы не будете подчиняться моимъ требованіямъ, то я принужденъ буду искать себѣ другого сотрудника“. На вопросъ, какъ и къмъ составлялись годовые отчеты, г. Козловъ объяснилъ, что всѣ указанія въ интересахъ опредѣленной бухгалтерской политики давалъ А. К. Алчевскій. Иногда составителю отчета приходилось ждать по пяти—шести часовъ прихода Алчевскаго, отъ котораго нужно было получить какое-нибудь указаніе: порой само-то дѣло было такимъ незначительнымъ, что для его разрѣшенія потребовалось бы всего какихъ-нибудь полчаса, а ждать все-таки приходилось нѣсколько часовъ, такъ какъ безъ Алчевскаго нельзя было ничего предпринять, и онъ не терпѣлъ въ такихъ случаяхъ никакихъ возраженій.

Приглашенный въ качествѣ свидѣтеля, старшій сынъ покойнаго Алчевскаго, Д. А. Алчевскій, близко стоявшій ко всѣмъ дѣламъ его и принимавшій участіе въ ходатайствахъ его предъ министерствомъ финансовъ, показалъ, что покойный отецъ его былъ учредителемъ обоихъ банковъ, руководилъ ими и всегда былъ крупнымъ акціонеромъ, онъ владѣлъ 12.000 акцій одного земельного банка, много работалъ для него и распоряжался его дѣлами на правахъ полнаго хозяина. Ни одно сколько-нибудь серьезное дѣло не проходило безъ его участія, всѣ

члены правленія и другія выборныя лица, не говоря уже о служащихъ по найму, безпрекословно исполняли его приказанія. Промышленныя предприятия требовали большихъ затратъ, что и послужило главною причиною разстройства дѣла отца, вынужденнаго искать кредита. Незадолго до смерти всѣ его стремленія были направлены къ тому, чтобы получить разрѣшеніе на выпускъ облигаціоннаго займа, выручка отъ котораго предназначалась главнымъ образомъ на возвратъ ссудъ, полученныхъ изъ торговаго банка. Такимъ путемъ предполагалось привести въ порядокъ всѣ дѣла и выкупить изъ залога закладныя листы и бумаги запаснаго капитала. Предъ отъѣздомъ въ Петербургъ А. К. Алчевскій успокаивалъ главнаго бухгалтера и его помощника, что операціи съ заложенными бумагами будутъ урегулированы, что все обойдется хорошо, какъ только онъ получитъ ссуду. Помощникъ бухгалтера получилъ тогда предписаніе вывести сумму прибылей съ такимъ расчетомъ, чтобы можно было выдать дивидендъ въ 28 рублей (14%) на акцію. Относительно отношеній между Журавлевымъ и Алчевскимъ свидѣтель показалъ, что, несмотря на близость родственныхъ узъ, хорошихъ отношеній между ними не было. Журавлевъ спрашивалъ свидѣтеля о закладныхъ листахъ и тѣхъ средствахъ, которыя долженъ былъ получить его покойный отецъ, чтобы пополнить взятая изъ банка суммы. Другіе члены правленія также спрашивали въ это время свидѣтеля о томъ, какъ „идутъ дѣла въ Петербургѣ“. Тамъ въ это время находился покойный Алчевскій и хлопоталъ о разрѣшеніи ему выпустить облигаціонный заемъ подъ Алексѣевское общество и Донецко-юрьевское. О хлопотахъ покойнаго и успѣшности ихъ разспрашивали свидѣтеля заинтересованныя лица, и онъ всѣмъ отвѣчалъ успокоительно, такъ какъ былъ увѣренъ въ томъ, что просьбы его отца будутъ уважены, но, къ сожалѣнію, случилось иначе. Свидѣтель поѣхалъ въ Петербургъ тотчасъ же послѣ извѣстія о смерти отца и продолжалъ хлопоты въ прежнемъ направленіи. Министръ финансовъ высказалъ свидѣтелю принципиальное согласіе оказать поддержку всѣмъ предприятиямъ его отца. Изъ Петербурга свидѣтель выѣхалъ въ Харьковъ съ лицомъ, уполномочен-

нымъ министромъ финансовъ произвести разслѣдованіе всѣхъ дѣлъ покойнаго; свидѣтель долженъ былъ „посвятить его во всѣ нити предпріятій“. Но поддержка оказана была только нѣкоторымъ изъ нихъ. Алексѣевскому обществу была выдана промышленная ссуда въ 6 милл. рублей.

Приглашенные въ качествѣ свидѣтелей Прокофьевъ и Тольцманъ показали, что когда въ іюнѣ 1901 года имъ пришлось приступить къ выясненію положенія земельного банка (оба они пріѣхали изъ Москвы), они нашли финансовое положеніе банка очень непригляднымъ. Банкъ не располагалъ достаточными наличными средствами для оплаты іюльскаго купона отъ закладныхъ листовъ, предстояли огромные убытки, безъ правительственной ссуды банкъ не могъ бы продолжать своихъ операцій. Свидѣтели эти подробно разбирали всѣ статьи баланса и не соглашались съ мнѣніемъ, что безъ правительственной ссуды банкъ могъ бы оплатить іюльскій купонъ. Отсутствіе закладныхъ листовъ, представленныхъ въ сверхсрочное погашеніе, не могло быть скрыто; свидѣтели показали, что изъ книгъ выяснилось, что листы эти поступили въ залогъ. Тольцманъ, служившій раньше помощникомъ бухгалтера въ нижегородско-самарскомъ банкѣ въ Москвѣ, былъ пораженъ, увидѣвши, въ какомъ безпорядкѣ было все счетоводство: и главная книга, и вспомогательныя были запущены, нѣкоторыхъ необходимыхъ книгъ совсѣмъ не было, а записи, касавшіяся задолженности заемщиковъ, велись такъ небрежно, что возникало даже сомнѣніе въ ихъ правильности.

Свидѣтель Панченко показалъ, что во время составленія отчета пом. бухг. Даниловъ постоянно совѣтовался съ Алчевскимъ безъ участія постороннихъ; даже служащіе, привимавшіе участіе въ работѣ по отчету, не присутствовали при этихъ бесѣдахъ. Совѣщанія носили секретный характеръ, свидѣтеля удаляли изъ комнаты, когда Алчевскому нужно было давать инструкціи для составленія отчета; другіе члены правленія не принимали въ этомъ участія и не давали по отчету никакихъ указаній. Алчевскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ревизіонной комиссіи предъявлялись для просмотра только книги, которыя находились въ порядкѣ. На

вопросъ одного изъ защитниковъ, не припомнить ли свидѣтель случая, когда члена правленія Журавлева не пустили въ комнату, гдѣ помощникъ бухгалтера работалъ надъ составленіемъ отчета, свидѣтель отвѣтилъ, что каждый членъ правленія имѣлъ право войти въ эту комнату, но что члены правленія, вообще, этого не дѣлали. Ревизіонной комиссіи отчетъ давался уже подписаннымъ и отпечатаннымъ. Что касается неразобранныхъ акцій, то, по мнѣнію свидѣтеля, въ банкѣ все дѣло было поставлено такимъ образомъ, что члены правленія не только „могли не знать, но даже не могли знать“, что имѣются неразобранныя акціи, если имъ объ этомъ не было сообщено служащимъ, завѣдывавшимъ этою частью счетоводства.

По показанію Морозова, съ 1894 г. состоящаго кассиромъ, ревизіонная комиссія провѣряла кассу обыкновенно въ концѣ года. Цѣнности могли выдаваться изъ кассы и по тѣмъ ордерамъ, которые были подписаны однимъ бухгалтеромъ, безъ подписей кого-либо изъ членовъ правленія. Этотъ порядокъ былъ заведенъ по распоряженію А. К. Алчевскаго, который отдалъ распоряженіе свидѣтелю, когда тотъ принималъ должность кассира, чтобы „они не измѣняли заведеннаго въ банкѣ порядка“ и выдавали безпрепятственно цѣнности по ордерамъ, на которыхъ ни чьей другой подписи и не будетъ, если ордеръ будетъ подписанъ бухгалтеромъ. Величина суммы ордера, повидимому, не играла здѣсь роли.

Свидѣтель Криштафовичъ, занимающійся въ облигаціонномъ отдѣлѣ, показалъ, что злоупотребленія въ немъ практиковались съ давнихъ поръ и всѣ служащіе это знали; это всегда было злободневнымъ для нихъ вопросомъ. Помнитъ онъ, напримѣръ, какъ еще лѣтъ 12 тому назадъ нужно было оплатить купоны, а денегъ у банка не было. Владѣльца купоновъ просили подождать, оттягивали уплату. Когда въ кассѣ не хватало листовъ для досрочнаго погашенія, то посылали за заложенными въ другихъ учрежденіяхъ листами. Такъ какъ для погашенія передавались нѣкоторые листы уже безъ купоновъ, то для пополненія послѣднихъ брались изъ кассы купоны другихъ листовъ и пришивались къ погашеннымъ листамъ. Ревизіонная ко-

миссія на это не обращала вниманія. Вообще, ревизионная комиссія мало входила въ дѣла и не обращала вниманія на то, что ей представляли.

Съ большимъ вниманіемъ выслушано было показаніе Городецкаго, личнаго секретаря покойнаго Алчевскаго, выполнявшаго въ Петербургѣ порученія, касавшіяся земельного банка, лица, посвященнаго во всѣ дѣла Алчевскаго. Переписка съ кредитною канцеляріей по поводу заложенныхъ бумагъ вызвана была тѣмъ, что Алчевскій, вступившій въ переговоры по поводу залога бумагъ съ директоромъ московскаго учетнаго банка Найденовымъ, не заключилъ съ нимъ сдѣлки, а предпочелъ заложить бумаги у Рябушинскаго, предложившаго выдать ссуду изъ болѣе низкаго процента, чѣмъ учетный банкъ. Раздраженный тѣмъ, что банкъ не могъ совершить выгоднаго дѣла. Найденовъ донесъ объ этой сдѣлкѣ кредитной канцеляріи. На запросъ канцеляріи по поводу залога бумагъ Алчевскій объяснилъ, что сдѣлка эта вызвана необходимостью въ наличныхъ средствахъ. Свидѣтель не знаетъ и на судѣ не выяснилось, какъ отвеслась къ этому объясненію кредитная канцелярія, были ли на этотъ счетъ даны какія-нибудь указанія банку. Защита вторично ходатайствовала о томъ, чтобы была представлена переписка, вызванная этимъ инцидентомъ, чтобы узнать, какъ посмотрѣло на такую операцію министерство финансовъ, какъ рекомендовало оно поступать въ подобныхъ случаяхъ въ будущемъ, нашло ли оно правильными дѣйствія Алчевскаго и приведенное имъ объясненіе. По поводу хлопотъ Алчевскаго о ссудѣ подъ Алексѣевское и Донецко-юрьевское общества свидѣтель показалъ: отказъ въ ссудѣ вынудилъ Алчевскаго покончить жизнь самоубійствомъ. Въ это же время свидѣтель получилъ отъ члена правленія Журавлева очень тревожное письмо съ запросомъ, получена ли ссуда и какъ обстоитъ дѣло съ закладными листами, которые надо было выкупить. Близости у Алчевскаго съ членами правленія не было, на дому мало кто бывалъ у него.

Защита ходатайствовала о томъ, чтобы на судѣ была выяснена судьба жалобы проф. Кремянскаго въ кредитную канцелярію по поводу передачи торговому банку большихъ суммъ, принадлежавшихъ

земельному банку. Противъ такого помѣщенія капиталовъ Кремянскій протестовалъ на общемъ собраніи акціонеровъ, но безуспѣшно. Ходатайство это было отклонено.

По окончаніи допроса свидѣтелей по земельному банку палата перешла къ допросу свидѣтелей по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ харьковскомъ торговомъ банкѣ.

При показаніяхъ свидѣтелей по торговому банку свидѣтель Чалкинъ, вызванный обвиненіемъ, рассказалъ, что служилъ въ харьковскомъ торговомъ банкѣ сначала въ бухгалтеріи, а послѣдніе два года—кассиромъ. За время службы онъ убѣдился, что А. К. Алчевскій пользовался большимъ уваженіемъ членовъ правленія и служащихъ и имѣлъ большое вліяніе не только въ банкѣ, но и на общихъ собраніяхъ акціонеровъ, на которыхъ всегда предсѣдательствовалъ. Выйдя изъ состава правленія, онъ часто обращался въ банкъ, въ качествѣ кліента. При учетѣ векселей деньги выдавались ему почти всегда раньше, чѣмъ дѣлался учетъ. Когда его личныя дѣла пришли въ уладокъ, онъ часто бралъ деньги изъ кассы банка по распискамъ, и былъ моментъ, когда онъ задолжалъ такимъ образомъ до 130,000 р.; проценты по такимъ заборамъ платились. Въ 1900 г. долгъ этотъ остановился на 90,000 р. Выдавая изъ кассы деньги А. К. Алчевскому, свидѣтель руководился только расписками его на имя правленія и каждый день въ графѣ вѣдомости „долги разныхъ лицъ“ отмѣчалъ выдачу. Уполномочилъ его на эту операцію, кажется, членъ правленія Абрамовъ, но всѣ члены правленія знали объ этомъ. А. К. Алчевскій пользовался также въ банкѣ кредитомъ, какъ корреспондентъ. Бывая въ послѣднее время часто въ Петербургъ и въ Москвѣ, онъ производилъ тамъ операціи за счетъ банка, и послѣдній кредитовалъ его; были случаи, что ему переводили деньги въ Москву или Петербургъ. За ссудами онъ обращался непосредственно въ правленіе. Случалось, что эти ссуды передавались Д. А. Алчевскому; это было тогда, когда деньги предназначались для Алекс. горнопр. общества. Позаимствованія въ банкѣ дѣлали и родственники А. К. Алчевскаго. Руководящая роль въ банкѣ принадлежала члену правленія Абрамову; онъ служилъ съ основанія

банка и отличался большой опытностью. Любарскій посѣщалъ банкъ рѣдко, Куксинъ и Авилловъ бывали въ банкъ постоянно, а В. Н. Алчевскій — очень рѣдко; онъ замѣнялъ Абрамова. А. К. Алчевскій часто приходилъ въ правленіе банка и совѣщался съ Абрамовымъ; Куксинъ и Авилловъ на это время выходили, а если тогда же бывалъ В. Н. Алчевскій, онъ оставался. Непосредственно передъ ревизіей не оказалось разныхъ векселей на 147,000 рублей. Суханова въ это время въ банкъ не было, — онъ казался больнымъ. Толковаго объясненія Сухановъ по этому поводу не далъ и сказалъ: „Не ищите эту разницу, — все равно не найдете; попросите Абрамова, пусть онъ ее какъ-нибудь спишетъ“.

Всѣ члены правленія земельного банка, кромѣ Голева, были дебиторами торговаго банка. Фактическія сношенія этого банка съ земельнымъ въ прежнемъ помѣщеніи происходили посредствомъ внутренней двери, запиравшейся со стороны земельного банка. При перепискѣ А. К. Алчевскому просроченныхъ ссудъ не всѣ переписывались полностью, но зато или увеличивалась ссуда, или брался вексель, во всякомъ случаѣ проценты ему не прощались.

А. К. Алчевскій довѣрялъ свои тайны Абрамову и при совѣщаніяхъ съ нимъ устранялъ Куксина и Авилова. Когда Куксинъ поступилъ въ члены правленія, у него уже былъ долгъ банку; другіе члены правленія — также давнишніе дебиторы банка. Свидѣтель сомнѣвается, чтобы Авилловъ былъ знакомъ съ бухгалтеріей; въ банкъ онъ игралъ исполнительную роль, — „сидѣлъ, подписывалъ бумаги и накладывалъ штемпеля“, но ничѣмъ не распоряжался. Вообще, онъ человекъ добрый, довѣрчивый, податливый. Свидѣтель припоминаетъ случай, когда А. К. Алчевскій пришелъ въ помѣщеніе правленія, а онъ, Авилловъ и Куксинъ вышли изъ него. На предложенный по этому поводу вопросъ Куксинъ отвѣтилъ Чалкину: „Насъ на совѣщаніе не принимаютъ“.

Свидѣтель Г а н ь, вызванный обвиненіемъ, показалъ, что поступилъ въ торговый банкъ въ 1875 г. и прослужилъ въ немъ до апрѣля 1901 г. Когда онъ оставилъ службу, то вскорѣ послѣ смерти А. К. Алчевскаго узналъ отъ Абрамова и быв-

шихъ товарищей, что въ банкѣ произведена ревизія и обнаружено, что не достаесть около 100 тысячъ по вексельнымъ операціямъ. По просьбѣ Абрамова свидѣтель отправился къ Суханову, чтобы узнать, гдѣ находятся недостающіе векселя. Сухановъ признался въ своей винѣ, но не могъ опредѣлить суммы недостающихъ векселей и просилъ передать объ этомъ Абрамову и Любарскому. Директоромъ банка считался Абрамовъ; въ правленіи ему принадлежала главная роль. А. К. Алчевскій вышелъ изъ состава правленія, кажется, въ 1895 г. На ходъ дѣлъ банка онъ вліянія послѣ этого не потерялъ. Кредитъ его по векселямъ сильно возрасталъ. Любарскій въ банкѣ бывалъ рѣдко и врядъ ли могъ имѣть въ немъ вліяніе. В. Н. Алчевскій имѣлъ вліяніе не больше его; Куксинъ и Авиловъ, — „да извиняютъ мнѣ они теперь“, — сказалъ Ганъ, — никогда никакого вліянія не имѣли и не были освѣдомлены о дѣлахъ банка. Когда однажды А. К. Алчевскій и Абрамовъ бесѣдовали въ помѣщеніи правленія, а Куксинъ и Авиловъ вышли оттуда, кто-то изъ нихъ на вопросъ свидѣтеля: „А что же вы ушли изъ правленія?“ — отвѣтилъ: „Это—для насъ секретъ“.

Сухановъ въ концѣ-концовъ признался ему, что въ теченіе 13 лѣтъ оставлялъ у себя деньги, уплачиваемыя по векселямъ. Растрату онъ объяснилъ желаніемъ доставить своей семьѣ возможность хорошо пожить. „Все равно банку одинъ конецъ“, — сказалъ онъ. Куксинъ и Авиловъ никакимъ вліяніемъ не пользовались. Они всегда отказывались отъ какихъ-либо распоряженій и направляли къ Абрамову или къ В. Н. Алчевскому. Они врядъ ли были освѣдомлены въ дѣлахъ банка и часто говорили: „Это—отъ насъ секретъ“. Бумаги подписывали они, не читая. Насколько ничтожна была роль Авилова, характеризуетъ слѣдующій случай: когда онъ разрѣшилъ учеть одинъ вексель въ 300 р., свидѣтель спросилъ: „Какъ же вы учили безъ Абрамова?“ — „Намъ до 300 рублей довѣряютъ“, — отвѣтилъ Авиловъ.

Свидѣтель обвиненія Васильевъ разсказалъ, что прослужилъ въ банкѣ 23 года, изъ которыхъ послѣднія 5 лѣтъ былъ бухгалтеромъ. Въ 1895 г. А. К. Алчевскій выбылъ изъ состава правленія, но вліяніе его въ немъ не прекращалось: всѣ члены пра-

вленія исполняли только его волю; совѣты Алчевскаго даже въ это время имѣли иногда форму приказаній. Правленіе покупало процентныя бумаги, какъ по личнымъ распоряженіямъ А. К. Алчевскаго, такъ и по его письмамъ и телеграммамъ. Однажды, такимъ образомъ, для поддержанія курса было куплено 100 акцій Донецко-Юрьевскаго общества, и правленіе распорядилось 35 изъ нихъ записать на имя В. Н. Алчевскаго, а 65 на имя Д. А. Абрамова. На 1-е января 1901 г. эти бумаги, по желанію Абрамова, были отнесены на счетъ переходныхъ суммъ, а потомъ ихъ отнесли на счетъ банка. Отъ момента покупки упомянутыхъ ста акцій Донецко-Юрьевскаго общества и до времени списанія ихъ со счетовъ членовъ правленія,—онѣ сильно упали, а списаны онѣ были подѣ страхомъ ревизіи.

При курсовыхъ колебаніяхъ процентныхъ бумагъ члены правленія очень рѣдко уплачивали разницу. Корреспонденсткій счетъ А. К. Алчевскаго былъ сначала обезпеченъ. Постепенно возрастая, онъ увеличился до 600,000 руб. Порученій Алчевскій никакихъ не исполнялъ,—это былъ его личный долгъ.

Журавлевъ иногда заходилъ въ банкъ, какъ частное лицо, но не кредитовался въ немъ; въ концѣ года протестованныхъ векселей въ банкѣ не было, дивидендъ всегда соотвѣтствовалъ прибыли; передъ смертью А. К. Алчевскаго акціи торговаго банка стоили 220 руб., при ста номинальныхъ. На дѣлахъ торговаго банка Абрамовъ потерялъ довольно крупную сумму; А. К. Алчевскій ежегодно уплачивалъ торговому банку тысячь 300—400 руб. процентовъ. Къ концу года ему засчитывались срочныя купоны, которые частью и служили оплатой процентовъ, а недостающая часть вносилась на его корреспондентскій счетъ, по которому онъ, въ концѣ концовъ, остался долженъ около 600,000 руб.

Обвиняемый Абрамовъ заявилъ, что А. К. Алчевскій въ послѣдніе годы платилъ банку большіе проценты,—отъ 500 до 600 тысячь. Относительно покупки ста акцій Донецко-Юрьевскаго общества онъ разсказалъ слѣдующее: покупка эта не была спекулятивной, да и не могла въ то время быть такою, въ виду стѣсненнаго положенія общества. Ее вызвалъ настоятельными требованіями А. К.

Алчевскій, который говорилъ: „Торговому банку слѣдуетъ поддержать и себя, и меня“. Конечно, интересы торговаго банка тѣсно были связаны съ интересами предпріятій Алчевскаго. „Когда акціи были куплены,—продолжалъ Абрамовъ,—я сдѣлалъ глупость, записавъ ихъ на себя и В. Н. Алчевскаго. Но это было сдѣлано для того, чтобы нравственно обязать А. К. Алчевскаго скорѣе оплатить ихъ“. А. К. Алчевскій говорилъ обвиняемому, что когда получить правительственную ссуду въ 6 милл. руб., то оплатить покупку акцій. Когда онъ настаивалъ на продажѣ акцій, А. К. Алчевскій говорилъ: „Слѣшить нечего, я получу ссуду и выкуплю ихъ“.

Обвиняемый В. Н. Алчевскій разсказалъ, что 300 паевъ сахаро-рафинаднаго завода, заложенные А. К. Алчевскимъ въ торговомъ банкѣ, были имъ взяты для того, чтобы, по возможности, раньше другихъ использовать тотъ относительно небольшой кредитъ, который, по просьбѣ харьковскаго биржевого комитета, былъ разрѣшенъ министерствомъ финансовъ въ конторѣ государственнаго банка подъ нѣкоторыя бумаги. Въ банкѣ, конечно, ему не могли отказать въ выдачѣ паевъ, и объ этомъ знали Куксинъ и Авилловъ. А. К. Алчевскій общалъ чѣмъ-нибудь замѣнить эти бумаги, но этого не сдѣлалъ.

Свидѣтель К а р т а л о в ъ, служившій въ торговомъ банкѣ 16 лѣтъ, показалъ, что кассиръ Чалкинъ жаловался въ такихъ выраженіяхъ: „Правленіе поступаетъ нехорошо... Хотятъ посадить на скамью подсудимыхъ... Требуютъ невозможнаго.“—Это относилось къ неправильнымъ выдачамъ суммъ изъ кассы.

Свидѣтель, присяжный повѣренный Дубенскій (вызванъ обвиненіемъ), разсказалъ, что, послѣ объявленія торговаго банка несостоятельнымъ, онъ былъ назначенъ судомъ однимъ изъ присяжныхъ попечителей. Производя пріемъ имущества банка, Дубенскій усмотрѣлъ слѣдующее: 1) Вексельный портфель былъ на 1.914,252 руб., причемъ, судя по записямъ въ книгахъ, не хватало векселей на 154,149 р. 2) Въ наличности въ кассѣ находилась масса негар. бумагъ, или неутвердившихся еще предпріятій, или такихъ, которымъ грозило паденіе, какъ, напримеръ, Саблинскаго товарищества, пенъковскаго то-

варищества, бумаги же „твердыя“, какъ, на примѣръ, акціи земельныхъ банковъ, были перезаложены. 3) Въ счетахъ банка значился фондъ эмеритальной кассы служащихъ въ суммѣ 42,165 руб., но въ наличности его не было,—правленіе, вопреки уставу, пустило этотъ капиталъ въ оборотъ. Затѣмъ свидѣтель удивлялся „страннымъ семейнымъ формамъ въ операціяхъ банка“, значительной задолженности членовъ правленія и „фамильному характеру“ ихъ векселей. О цѣнѣ бумагъ свидѣтель судилъ по биржевымъ бюллетенямъ не того времени, когда эти бумаги были представлены въ банкъ, а того, въ которое присяжные попечители провѣряли имущество банка. Свидѣтель зналъ, что Абрамовъ, въ погашеніе убытковъ по его личнымъ операціямъ, добровольно предлагалъ ликвидационной комиссіи въ залогъ свой домъ, комиссія требовала закладную, но старшій нотаріусъ не утвердилъ ее.

Свидѣтель, прис. пов. П о з н а н с к і й (вызванъ обвиненіемъ), предсѣдатель конкурса надъ имуществомъ А. К. Алчевскаго, доложилъ составленный имъ балансъ, активъ котораго равенъ 143,907 р., а пассивъ 19.362,053 руб. Статьи пассива, кромѣ мелкихъ, слѣдующія: претензія ликв. ком. 6.384,427 руб.; Моск. куп. общ. 290,370 руб.; Харьк. и Пет. конторъ государственнаго банка 3.284,266 руб.; Волжско-Камскаго банка 2.485,077 руб.; Моск. торг. банка 49.901 р.; Пет. учетно-ссуднаго банка 1.358,097 р.; Парижско-Нидерландскаго банка 380,986 руб.; Второго Харьк. общ. вз. кр. 341,312 руб.; Харьк. зем. банка 4.457,341 руб.; Харьк. общ. вз. кр. приказчиковъ 71,367 руб.; Алексѣевского общества 219,483 р.

Свидѣтель С у м ц о в ъ, управляющій харьк. конторой госуд. банка, предсѣдатель ликв. ком. торговаго банка, привелъ точныя данныя о суммѣ долговъ, числящихся къ 1 февраля за обвиняемыми. За однимъ А. К. Алчевскимъ имѣется долгъ въ 6.190,821 р., за всѣми подсудимыми имѣется задолженности 7.007,975 р. 12 коп. Наличность кассы ликв. ком. торговаго банка равняется 1.447,000 рублей, векселей на 1.374,743 р., причемъ сюда входятъ векселя различныхъ учреждений и предпріятій, которымъ разрѣшено разсрочить платежи. Разсрочка предположена лѣтъ на пять. Процентныхъ бумагъ у ликвидационной комиссіи наберется на 4.268,990 р.,

но отъ реализаціи ихъ можно будетъ выручить не болѣе 700—800 тысячъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. На удовлетвореніе кредиторовъ можно будетъ рассчитывать въ размѣрѣ, ни въ коемъ случаѣ не превышающемъ 50 процентовъ ихъ дѣйствительныхъ требованій.

Лѣтъ 10—12тому назадъ торговый банкъ обращался въ харьк. контору государственнаго банка съ ходатайствомъ о томъ, чтобы ему былъ усиленъ кредитъ по переучету. Харьковская контора запросила у правленія торговаго банка свѣдѣнія объ имѣющихся въ его портфелѣ цѣнностяхъ. Но торговый банкъ потребованныхъ свѣдѣній государственному не выдалъ, предпочтя даже отказаться отъ внесеннаго ходатайства своего объ усиленіи кредита. Объ Алекс. обществѣ свидѣтель говоритъ, что это предпріятіе и въ настоящее время живетъ и работаетъ удовлетворительно. До угольнаго кризиса это предпріятіе было грандіознѣйшимъ дѣломъ. Ликв. комиссія торговаго банка различаетъ убытки по банковскимъ операціямъ вообще отъ убытковъ, происшедшихъ вслѣдствіе нарушенія устава, и предъявляетъ искъ въ уголовномъ порядкѣ только лишь за послѣдніе убытки.

Что касается долговъ, то Орловъ по своимъ обязательствамъ уплатилъ въ одинъ мѣсяць 224 т. р., что представляетъ далеко необычное явленіе, такъ какъ требованіе немедленной уплаты такой суммы могло поставить многихъ должниковъ въ затруднительное положеніе.

Свидѣтель Енишерловъ, служившій прежде въ земельномъ банкѣ, характеризовалъ Журавлева съ лучшей стороны—онъ былъ компетентнымъ въ дѣлахъ своего „судебнаго стола“ и часто, въ отсутствіе юрисконсультовъ, рѣшалъ самъ различные юридическіе вопросы. Вопросовъ финансовыхъ Журавлевъ не касался и уставъ зналъ нѣсколько поверхностно. Доступа въ комнату, гдѣ Даниловъ составлялъ отчетъ, не имѣлъ. О комнатѣ, гдѣ составлялись отчеты, свидѣтель держится такого мнѣнія — „это комната таинственная: никого туда не пускали; сторожа говорили, что тамъ водятся черти!“ О залогѣ запаснаго капитала Журавлевъ узналъ только во время ревизіи и сказалъ свидѣтелю, страшно волнуясь: „Оказывается и запасный капиталъ зало-

женъ“. Его тревожили слухи о плохомъ положеніи дѣлъ Алчевскаго, и онъ вмѣстѣ съ свидѣтелемъ отправился къ Голеву, чтобы спросить его, насколько основательны эти слухи. Голевъ, выслушавъ это, сказалъ: „много толковъ ходитъ, а пропадетъ А. К.—что мы безъ него?“ „При этомъ все существо Александра Николаевича“, говоритъ свидѣтель, „было проникнуто инстинктивнымъ страхомъ существа, идущаго ночью и боящагося упасть въ яму“. Черезъ нѣкоторое время Голевъ, очевидно поговоривъ съ Алчевскимъ, заявилъ свидѣтелю и Журавлеву: „Нѣтъ, мы еще попрыгаемъ съ А. К., какъ получить онъ 6 милліоновъ!“ Когда Голеву сказали: „на что намъ А. К.—развѣ безъ него бы не обошлись:—васъ бы выбрали въ председатели“, Голевъ отвѣчалъ: „нѣтъ, онъ наша голова, а мы его ноги!“

На вопросъ, что Голевъ дѣлалъ въ банкѣ, свидѣтель отвѣтилъ, что онъ приходилъ, садился на стулъ, сидѣлъ. Впрочемъ, подписывалъ даже бумаги. А какъ подписывалъ—свидѣтельствуютъ то, что надъ нимъ подшутили служащіе, давъ ему подписать росписку, по которой онъ обязался уплатить 15 тыс. руб. Онъ преспокойно подписалъ, и только впоследствии ему преподнесли эту росписку разорванной. Относительно интеллигентности Голева свидѣтель говоритъ, что, препровождая бумаги въ отдѣлы, Голевъ, напримѣръ, писалъ „юридическій“ (юридич. отдѣлъ), „буххак“ (бухгалтерія) и т. п.

Относительно Орлова, Алчевскій ему сказалъ: „пожалуйста, ни съ какими дѣлами не обращайтесь къ Н. В.—это младшій членъ правленія, которому никакого самостоятельнаго отдѣла нельзя поручить“. Любарскій-Письменный, по словамъ Енишерлова, также самостоятельности не имѣлъ. На вопросъ, былъ ли на своемъ мѣстѣ Юркевичъ, свидѣтель отвѣтилъ: „да, онъ всегда сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; онъ милый, добрый, хорошій сослуживецъ“.

Операціи по залогу закладныхъ листовъ Голевъ не понималъ. Если бы нашелся терпѣливый чловѣкъ, да разъяснилъ ему, то пожалуй, Голевъ и понялъ бы съ большимъ трудомъ.

Спрошенный вновь свидѣтель Д. А. Алчевскій, на вопросы предст. обв. С. С. Хрулева отвѣчалъ, что двѣ росписки его отца на 65,000 р.

были оплачены наличными деньгами через его, свидѣтеля, посредство Алексѣевскимъ обществомъ въ январѣ или февралѣ 1901 г. (до смерти А. К. Алчевскаго); росписки не были ему возвращены земельнымъ банкомъ потому, что онъ не требовалъ возвращенія ихъ. Послѣ смерти отца торговый банкъ ходатайствовалъ о поддержкѣ. Когда свидѣтель пріѣхалъ въ Петербургъ, то онъ, кажется, единственный, бывший въ курсѣ дѣлъ, обратился къ министру финансовъ, ибо ему не трудно было догадаться, что смерть отца вызоветъ большой переполохъ. Въ докладѣ министру, длившемся болѣе часа, онъ изложилъ положеніе дѣлъ и указалъ, въ чемъ, именно, затрудненія и отчего они произошли. Министръ финансовъ сказалъ ему, чтобы по всѣмъ дѣламъ и ходатайствамъ онъ обращался къ упр. госуд. банкомъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ. По порученію министра, въ Харьковѣ пріѣхалъ упр. пет. конторой гос. банка А. Р. Вернардеръ и знакомился съ общимъ положеніемъ дѣлъ. Къ получаемымъ имъ официальнымъ свѣдѣніямъ онъ, Д. А. Алчевскій, давалъ необходимыя справки. Въ общей сложности, у всѣхъ членовъ ихъ семьи было болѣе 12,000 акцій зем. банка, и ими, кромѣ 3,000 штукъ, заложенныхъ у Рябушинскихъ, распоряжался покойный отецъ. Акцій Алексѣевского общества семьѣ А. К. Алчевскаго принадлежало 16—17 тысячъ.

Иностранные капиталисты хотѣли пріобрѣсти предпріятія его отца. За одну только часть Алекс. предпріятія иностранцы предлагали 8 милліоновъ, причемъ покойному причиталось около 5 милліоновъ. Покупатели пріѣхали въ Москву, гдѣ Д. А. Алчевскій и выработалъ условія продажи, но на телеграммы по этому дѣлу отецъ не отвѣчалъ. Когда Д. А. Алчевскій пріѣхалъ въ Харьковъ и сообщилъ отцу о веденныхъ имъ переговорахъ, послѣдній сказалъ: „Что ты мнѣ предлагаешь! Развѣ я найду въ Донецкомъ бассейнѣ лучшее предпріятіе? Что-жъ ты хочешь, чтобы мы купоны рѣзали!“ Потомъ иностранцы торговали другой рудникъ Алексѣевского предпріятія и давали за него 2½ милл. руб. золотомъ; этотъ участокъ занималъ 400 десятинъ и нѣсколько арендованной земли, а все Алексѣевское предпріятіе имѣло болѣе 12,000 дес. Правительств. оцѣнка предпріятія доходила до 12 милл. р.

Далѣ свидѣтель отвѣчалъ, что, выдавая торговому банку вексель на 300,000 руб., его жена являлась на эту сумму кредитоспособной. У нея былъ въ Харьковѣ домъ и 160 дес. земли на южномъ берегу Крыма. Цѣна дома опредѣляется въ 250—300 тысячъ, а упомянутая земля въ Ялтинскомъ уѣздѣ стоитъ теперь отъ 1½ руб. и выше за сажень. По словамъ свидѣтеля, онъ и его отецъ владѣли около 10,000 штукъ донецко-юрьевскихъ акцій, что составляло третью часть всѣхъ акцій общества. А. К. Алчевскій былъ учредителемъ этого предпріятія. Оно отличалось отъ другихъ тѣмъ, что ранѣе своего возникновенія не получило казенныхъ заказовъ. Въ то время рынокъ нуждался въ желѣзныхъ издѣліяхъ и Донецко-Юрьевскій заводъ былъ построенъ для удовлетворенія этой нужды. Заводы, получавшіе казенные заказы на рельсы, имѣли огромные барыши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность выпускать на рынокъ товаръ не только по своей цѣнѣ, но даже и ниже ея. Такимъ образомъ, Юрьевскій заводъ былъ „задушенъ“ другими заводами. Дѣла Донецко-Юрьевского общества отразились на дѣлахъ А. К. Алчевскаго потому, что онъ вносилъ за каждую акцію общества 400 р., а онѣ уже передъ его смертью упали до 180 руб., а потомъ цѣнились даже въ 40 руб. Въ столичныхъ банкахъ А. К. Алчевскій пользовался большимъ кредитомъ. Состояніе А. К. Алчевскаго, года за три до его смерти, исчислялось minimum въ 12 милл. руб.

Отецъ его по личнымъ векселямъ никому не былъ долженъ, кромѣ одной чайной фирмы, всѣ его долги связывались съ долгами различныхъ предпріятій. Долгъ торговому банку,—это несомнѣнный долгъ Алексѣевского общества, что оно признаетъ и въ настоящее время. Максимальная сумма векселей общества опредѣляется 3 милл. руб. Когда свидѣтель принялъ опеку надъ имуществомъ отца, его состояніе превышало задолженность на 2½—3 милл. руб. Бывало, что А. К. Алчевскій покупалъ на петербургской биржѣ процентныя бумаги для поддержанія курса. Его биржевая дѣятельность не носилась къ харьковской биржѣ, предсѣдателемъ комитета которой онъ состоялъ. Имѣя возможность являться на общія собранія акціонеровъ земельного банка съ 400-ми голосами, онъ являлся на нихъ

съ уставными пятью. Затѣмъ, Д. А. Алчевскій сказалъ, что, однажды, по распоряженію министра финансовъ, въ Петербургѣ было произведено дознаніе, — не былъ ли его отецъ спекулянтъ, но это не подтвердилось.

Южное горно-промышленное общество, — это одно изъ предприятий его отца; оно основано съ капиталомъ въ 1.875,000 руб. Теперь оно находится въ очень затруднительномъ положеніи, но обязательства свои оправдываетъ. Дебальцевскій заводъ работаетъ и въ несостоятельность не впадалъ. Предприятие „Новая-Баварія“ легко даетъ 12—15% дивиденда. Харьковскій сахаро-рафинадный заводъ — очень хорошее предприятие, ежегодно дающее дивидендъ. Акціи Алексѣевского общества капитальны, но неподвижны; онѣ стоили 1,200 руб., 1,400 руб. и 1,500 р.

На вопросъ, дѣйствительно-ли послѣ смерти отца общее паденіе бумагъ выразилось въ суммѣ 300 милл. руб. — свидѣтель отвѣтилъ:

— Я знаю, что за послѣдніе годы публика на однѣхъ брянскихъ бумагахъ потеряла до ста милл. рублей.

Вновь допрошенный свидѣтель Городецкій показалъ, что на собраніи акціонеровъ земельного банка, 26-го іюня 1901 г., на которомъ было постановлено возбудить уголовное преслѣдованіе противъ членовъ правленія банка, „значительнымъ числомъ голосовъ, — всего свыше ста, владѣли москвичи“. Для этого нужно было имѣть больше 3,000 акцій и нужно было росписать ихъ между разными лицами. На прежнихъ собраніяхъ акціонеровъ А. К. Алчевскій представлялъ много акцій, но голосовъ имѣлъ только пять. Въ теченіе 20 лѣтъ свидѣтель не видѣлъ фиктивныхъ акціонеровъ, и тѣ, которые бывали въ прежніе года, бываютъ на собраніяхъ и теперь. Затѣмъ свидѣтель рассказалъ, что на упомянутое собраніе онъ ѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ теперешними членами правленія земельного банка В. Г. Корневымъ и В. П. Рябушинскимъ. Первый говорилъ ему, что имѣетъ 1,000 акцій, распредѣлил ихъ между многими лицами и, такимъ образомъ, является акціонеромъ „многоголоснымъ“. Въ помѣщеніи банка свидѣтель видѣлъ, какъ артельщикъ принесъ массу акцій братьевъ П. П. и В. П. Рябу-

шинскихъ и какъ этимъ акціямъ дѣлалась роспись:—„эта искусственность была совершенной новостью“.

А. К. Алчевскій, какъ всякій человѣкъ, стоящій во главѣ крупнаго предпріятія, часто подвергался шантажу. Свидѣтель передаетъ случай, когда онъ отвергъ такую сдѣлку. Нѣкто Штернъ, самозванно назвавшій себя сотрудникомъ „Нов. Вр.“, сказалъ покойному:—„Если вы со мной сойдетесь, то нападокъ на васъ не будетъ“.—Затѣмъ свидѣтель разсказалъ о томъ, какъ представитель компаніи иностранныхъ капиталистовъ г. Шмацерь предлагалъ Алчевскому продать на очень выгодныхъ условіяхъ часть Алексѣевского, предпріятія, но онъ отвергъ это предложеніе.

Прошенія на имя министра финансовъ Алчевскій составлялъ самъ. Въ послѣднее время они заключались въ ходатайствахъ о выпускѣ облигаціонныхъ займовъ для Алексѣевского общества и Донецко-Юрьевского. Для займа Донецко-Юрьевское общество было оцѣнено въ 9 милл. руб.: документы объ этомъ находятся въ министерствѣ, а копіи съ нихъ у заинтересованной стороны.

На вопросъ предсѣдательствующаго, признаютъ ли себя подсудимые виновными, Е. П. Любарскій и Писменный заявили, что какъ при началѣ предварительнаго слѣдствія, такъ и здѣсь, на судебномъ слѣдствіи, онъ виновнымъ себя не признаетъ. Замѣченное прокуроромъ послѣ прочтенія обвинительнаго акта противорѣчіе въ его показаніяхъ объясняется тѣмъ, что судебный слѣдователь не такъ понялъ эти показанія.

Д. А. Абрамовъ сказалъ, что, состоя членомъ правленія торговаго банка, онъ старался дѣлать все, зависящее отъ его совѣсти и чести. Банкъ, когда касса его была слаба, пользовался цѣнными бумагами обвиняемаго, перезакладывая ихъ въ другія кредитныя учрежденія. Ни въ 1899, ни въ 1900 г. банкъ не могъ выкупить этихъ бумагъ и лишилъ его, Абрамова, возможности погасить ими свои собственные обязательства. Покупка ста акцій Донецко-Юрьевского общества не была спекуляціей. А. К. Алчевскаго тѣснили въ то время изъ Петербурга и нельзя было не исполнить его распоряженія, такъ какъ его интересы были тѣсно связаны съ интересами

банка.—Мнѣ 60 лѣтъ,—сказаль обвиняемый,—жить осталось немного, и лгать я не хочу. Я всего лишился и заложилъ чистый домъ, чтобы расчитаться съ ликвидаціонной комиссіей.

Н. В. Орловъ сказаль, что онъ 27 лѣтъ прослужилъ бухгалтеромъ въ городскомъ купеческомъ банкѣ. Отчетность учрежденія въ этотъ періодъ времени была образцовою. Случавшіеся крахи нѣкоторыхъ городскихъ банковъ вызывали общія ревизіи, которыя выносили изъ харьковскаго банка самыя лучшія впечатлѣнія. А. К. Алчевскій нѣсколько лѣтъ уговариваль его, Орлова, вступить въ земельный банкъ, но онъ отказывался. Наконецъ, въ 1892 г. его избрали членомъ правленія этого банка. Считая своею нравственною обязанностью устранить существующій въ банкѣ беспорядокъ по отчетности, онъ очень энергично принялся за это дѣло, года 3—4 велъ борьбу, но ему не удалось ввести необходимыхъ улучшеній, такъ какъ А. К. Алчевскій или по недовѣрью, или по нежеланію отступать отъ стараго, въ высшей степени ревниво охраняль ранѣе заведенные порядки. Въ концѣ концовъ, все свелось къ столкновенію съ Алчевскимъ. Хотя залогъ запаснаго капитала и былъ произведенъ въ его отсутствіе, но онъ, въ данномъ случаѣ, не устраняется отъ отвѣтственности. О залогѣ процентныхъ бумагъ и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія онъ узналъ лишь въ 1901 г. отъ Шафранека; это дѣлается всегда и во всѣхъ банкахъ, когда необходимо подкрѣпить кассу. Тѣмъ не менѣе, обвиняемый говорилъ А. К. Алчевскому о необходимости скорѣйшаго выкупа дѣнностей и послѣдній отвѣчалъ: „хорошо, я ѣду въ Петербургъ и все сдѣлаю“; въ то время онъ хлопоталь о ссудѣ, и всѣ надѣялись, что дѣла торговаго банка будутъ улажены. Но Алчевскій умеръ, дѣла остались не устроенными и правленіе растерялось.

На недостатки формы отчетности кредитная канцелярія никогда не указывала правленію, между тѣмъ, по заявленію г. Голубева, она уже 2—3 года замѣчала колебанія дебета и кредита и чувствовала, что въ отчетахъ существуютъ какія-то особенности. Обвиняемый не нуждался въ службѣ въ земельномъ банкѣ, напротивъ, имъ интересовались въ финансовыхъ сферахъ Харькова, доказательствомъ чему мо-

жетъ служить отвергнутое имъ приглашеніе вступить въ качествѣ управляющаго въ международный торговый банкъ. Относительно вопроса о чрезмѣрномъ кредитѣ А. К. Алчевскаго Орловъ сказалъ слѣдующее: „Какъ коммерсантъ, я твердо сознавалъ, что Алчевскаго необходимо поддержать, дабы не допустить колебанія предпріятій, въ которыхъ онъ участвовалъ, что, въ противномъ случаѣ, неминуемо отразилось бы на массѣ другихъ предпріятій. Я по совѣсти не могъ заявить о беспорядкахъ, о необходимости прекращенія кредита и т. д. Здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, не зная, что ожидаетъ меня,— я все-же чувствую себя лучше, чѣмъ чувствовалъ бы, заявивъ на Алчевскаго...

О. Ф. Юркевичъ сказалъ, что онъ никакого участія въ составленіи отчетовъ не принималъ. А. П. Куксинъ,—что онъ вины за собой не чувствуетъ, долгъ его обезпеченъ, отъ дѣлъ банка онъ „всегда находился въ почтенномъ разстояніи.“ В. Н. Алчевскій,—что вексельный кредитъ въ торговомъ банкѣ, три четверти котораго уже уплачены, былъ не его, а К. Я. Данилевскаго (бланкъ обвиняемаго); кредитъ по ссудамъ подъ процентныя бумаги былъ не свыше 90%; онкольный счетъ возникъ въ концѣ 1894 г. и, если бы онъ не переносился по счетамъ, то, въ данное время, банкъ, пожалуй, оказался бы должнымъ ему, обвиняемому. Н. С. Лысогоренко,—что ревизіонная коммисія не имѣла физической возможности провѣрять отчеты за нѣсколько дней до общихъ собраній; обвиняемый вѣрилъ членамъ правленія, пользовавшимся общимъ уваженіемъ, — онъ вѣритъ имъ и въ настоящее время.

М. Д. Журавлевъ, А. Н. Голевъ, А. Н. Темницкій, И. Н. Дракинъ и А. В. Авилловъ сказали, что они подтверждаютъ свои показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи.

Въ концѣ засѣданія началось обсужденіе массы вопросовъ, которые будутъ представлены сторонами на разрѣшеніе экспертовъ.

Прис. пов. Л. Я. Тауберъ возбудилъ ходатайство о присоединеніи къ дѣлу данныхъ ревизіи г. Менжинскаго, а гражд. ист. Ѳ. Н. Плевако—данныхъ ревизіи г. Голубева.

Послѣ шестидневнаго перерыва возобновились

засѣданія палаты. Въ засѣданіи прочитаны были представленныя сторонами вопросы и отвѣты на нихъ экспертовъ. Изъ вопросовъ, поставленныхъ представителемъ обвиненія, приведемъ наиболѣе существенныя:

1) Закладывались ли въ 1897, 1899 и 1900 г.г. процентныя бумаги, составляющія запасный капиталъ харьк. зем. банка?—Закладывались (указаны отдѣльные случаи залога). Банкъ остался долженъ по такимъ залогамъ къ 15 іюня 1901 г. 2.429,200 р.

2) Вызывались ли залоги процентныхъ бумагъ запаснаго капитала земельного банка въ 1897, 1898 и 1900 г.г. нуждами сего банка, имѣя въ виду, что въ эти же годы зем. банкъ имѣлъ на текущемъ счету торговаго банка свободныя оборотныя средства на сумму свыше двухъ милліоновъ рублей и что дивидендъ акціонерамъ за тѣ же годы исчислялся въ размѣрѣ свыше 8%?—Въ упомянутыя годы торговый банкъ не могъ удовлетворить требованій земельного банка,—отвѣтили одни эксперты, а другіе, — что залоги не вызывались нуждами банка.

По первому требованію изъ торговаго банка земельному банку представлялась возможность получить лишь около 10-й части суммы его текущаго счета.

3) Закладывались ли въ 1899, 1900 и 1901 году закладные листы земельного банка, представленныя заемщиками въ досрочное погашеніе ссудъ, и какія суммы банкъ остался долженъ по такимъ залогамъ къ началу 1900 и 1901 г.г. и къ 15 іюня 1901 г.?—Закладывались. Банкъ остался долженъ по такимъ залогамъ: къ 1 января 1901 г.—1.001,000 руб., къ 1 января 1901 г. — 3.050,000 руб. и къ 15 іюня того же года—5.000,230 руб.

4) Вызывались ли нуждами земельного банка операціи по залогамъ и продажѣ закладныхъ листовъ банка, внесенныхъ заемщиками въ досрочное погашеніе ссудъ? Одни эксперты отвѣтили, что банкъ долженъ былъ изыскивать средства, но не имѣлъ права продавать закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія, а другіе, что упомянутыя операціи не вызывались нуждами банка.

5) Не были ли операціи по залогамъ процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и по залогамъ и продажѣ

закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія операціями убыточными для земельного банка, имѣя въ виду разницу между размѣромъ тѣхъ процентовъ, которые земельный банкъ платилъ по залогамъ, и процентовъ, которые земельный банкъ получалъ въ то же время по своему текущему счету въ харьковскомъ торговомъ банкѣ, а также имѣя въ виду необходимость для земельного банка оплачивать купоны по закладнымъ листамъ досрочнаго погашенія?—Операція была убыточна.

6) Было-ли по годовымъ отчетамъ и балансамъ земельного банка за 1897—1900 г. показано употребленіе процентныхъ бумагъ запаснаго капитала банка, т. е. производившіяся въ эти годы операціи по залогу процентныхъ бумагъ, составлявшихъ запасный капиталъ банка, а также операціи по залогу и продажѣ закладныхъ его листовъ, представленныхъ въ досрочное погашеніе ссудъ? — По отчетамъ и балансамъ отдѣльной рубрикой не было показано, по вспомогательнымъ же книгамъ показано точно.

7) Значатся-ли по книгамъ земельного банка „лицевые счета“ за 1888—1900 гг. на счету дебиторовъ „расходы по изготовленію закладныхъ листовъ и оплатѣ ихъ гербовымъ сборомъ“? Въ какой суммѣ значились эти расходы по изготовленію закладныхъ листовъ банка къ началу 1897—1901 гг.? — Значатся: на 1896 г. въ суммѣ 248.000 руб., на 1897 г. — 321.000 руб., на 1898 г. — 307.000 руб., на 1899 г.—285.000 руб., на 1900 г.—280.000 руб. и на 1901 г.—284.000 руб.

8) Значатся-ли въ книгѣ земельного банка „лицевые счета“ за 1901 г. въ счетѣ дебиторовъ банка „убытки по закладнымъ листамъ за прошлые года“ въ суммѣ 497.186 р. 50 к.?—Значатся.

9) Была ли показана по счетамъ и балансамъ земельного банка за 1896—1900 гг. неполная реализація его акцій IX и X выпусковъ? Если же акціи этихъ выпусковъ были показаны реализованными сплошн, то не были ли вслѣдствіе того по счетамъ и балансамъ за указанные годы фиктивно преувеличены и въ какомъ именно размѣрѣ складочный и запасный капиталы банка, а также его резервный фондъ? — Неполная реализація акцій по отчетамъ и балансамъ показана не была; складочный

и запасный капиталы были преувеличены на 170.000 руб.

10) Значится ли по книгамъ земельного банка „лицевые счета“ за 1896—1901 гг. уступка нѣкоторымъ заемщикамъ банка начисленной на нихъ пени?—Значится.

11) Какія суммы, принадлежащія земельному банку, состояли на текущихъ счетахъ, на счетѣ корреспондентовъ, во вкладахъ въ харьковскомъ торговомъ банкѣ къ началу 1896—1901 гг. и къ 29 июня 1901 г.?— Текущiе счета: 1896 г. — 2.347.000 руб., 1897 г.—2.528.000 р., 1898 г.—2.400.000 р., 1899 г. — 2.103.000 руб., 1900 г. — 2.771.000 руб., 1901 г. — 3.151.000 р. и къ 29 му июня 1901 г.—3.414.000 руб. Во вкладахъ: 1897 г. — 985.000 руб., остальные года—800.000 р. На счетѣ корреспондентовъ: 1900 и 1901 гг. — миллионъ рублей и къ 29-му июня 1901 года—1.169.000 руб.

12) Какъ слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что въ 1896—1901 гг. изъ земельного банка передавались суммы на его текущiй счетъ въ харьковский торговый банкъ, преимущественно около 15-го числа и въ концѣ каждаго мѣсяца?—Передаваемые суммы служили подкрѣпленiемъ суммъ банка.

13) Въ какихъ размѣрахъ пользовался въ торговомъ банкѣ кредитомъ по учету векселей А. К. Алчевскiй въ теченiе 1896—1901 гг.?—Наибольшiе размѣры его кредитовъ были: 1896 г. — 560.000 руб., 1897 г.—765.000 р., 1898 г.—775.000 р., 1899 г. — 1.595.000 р., 1900 г.—2.043.000 р. и къ 15 июня 1901 г.—2.005.000 р.

14) Въ какихъ размѣрахъ пользовались въ торговомъ банкѣ кредитомъ по учету векселей въ теченiе 1896—1901 гг. члены правленiя сего банка: В. Н. Алчевскiй, Любарскiй, Куксинъ, Авилловъ, депутатъ сего банка Орловъ и членъ ревизионной комиссiи земельного банка Лысогоренко? Какія суммы по учету векселей остались названныя лица должны торговому банку? Остались должны В. Н. Алчевскiй—4.600 р., Авилловъ—64.300 р., Куксинъ—34.300 руб., Любарскiй—118.600 р., Лысогоренко—6820 р. и Орловъ—312.985 р.

15) Въ какомъ размѣрѣ можно въ настоящее время опредѣлить убытки, понесенные торговымъ банкомъ по учету векселей за счетъ названныхъ

выше лицъ, вслѣдствіе неуплаты выданныхъ имъ подъ векселя суммъ, имѣя въ виду выяснившіеся въ настоящее время результаты ликвидаціи дѣль торговаго банка и конкурса надъ имуществомъ А. К. Алчевскаго? — Убытки эти опредѣляются въ суммѣ 1.220.879 р.

16) Какія суммы по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ А. К. Алчевскій, члены правленія сего банка В. Н. Алчевскій, Любарскій, Абрамовъ, Куксинъ, Авилловъ и депутатъ того же банка Орловъ остались должны торговому банку къ 15 іюня 1901 г.?—А. К. Алчевскій—6.038.000 руб.; В. Н. Алчевскій — 186.000 р.; Любарскій — 53.750 р.; Абрамовъ — 249.500 р.; Куксинъ — 23.350 р.; Орловъ — 10.000 р.; Авилловъ—400 р.

17) Наблюдаются ли за время съ 1-го января 1896 г. по 15 іюня 1901 г. случаи выдачи названнымъ лицамъ изъ торговаго банка ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ въ размѣрѣ свыше 90% биржевой цѣны бумагъ и даже свыше полной биржевой ихъ стоимости? Такіе случаи были.

18) Въ какомъ размѣрѣ въ настоящее время можно опредѣлить убытки, понесенные торговымъ банкомъ за счетъ А. К. Алчевскаго и членовъ правленія сего банка В. Н. Алчевскаго, Любарскаго, Абрамова и Куксина, вслѣдствіе невозвращенія сполна выданныхъ имъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ ссудъ и недостаточнаго обезпеченія таковыхъ, имѣя въ виду выяснившіеся въ настоящее время результаты ликвидаціи дѣль торговаго банка и конкурса надъ имуществомъ А. К. Алчевскаго?—Убытки за счетъ А. К. Алчевскаго—4.507.923 руб., В. Н. Алчевскаго—169.747 руб., Любарскаго—28.681 р., Абрамова—83,345 р. и Куксина—14 900 р.

19) Въ какомъ размѣрѣ можно въ настоящее время опредѣлить убытки, понесенные торговымъ банкомъ за счетъ А. К. Алчевскаго, вслѣдствіе неуплаты его долга по счету корреспондентовъ, имѣя въ виду выяснившіеся въ настоящее время результаты ликвидаціи дѣль торговаго банка и конкурса надъ имуществомъ А. К. Алчевскаго?—На 1 февраля текущаго года убытки эти опредѣляются въ 301.974 р.

20) При открытіи въ торговомъ банкѣ названнымъ членамъ его правленія кредита по счетамъ

„разные по комиссиі“, вносились ли ими предварительно обезпеченіе? Открывался ли имъ кредитъ въ размѣрѣ, указанномъ уставомъ банка, или же свыше этой нормы — въ полной стоимости купленныхъ за ихъ счетъ процентныхъ бумагъ? Въ случаѣ паденія биржевой цѣны этихъ бумагъ, вносили ли названныя лица дополнительное обезпеченіе или уплачивали ли они разницу? Бывали ли случаи, что понесенные названными лицами по счетамъ „разные по комиссиі“ убытки переносились на счета тѣхъ же лицъ по книгѣ „переходящихъ суммъ“?—Задатки не вносились; кредитъ открывался въ полной стоимости процентныхъ бумагъ; были случаи, что при паденіи биржевой цѣны бумагъ разница погашалась; бывали также случаи перенесенія убытковъ съ однихъ счетовъ на другіе.

21) Были ли долги торговому банку А. К. Алчевскаго, Куксина, Авилова, Любарскаго, Абрамова, Орлова и Шафранека по счету „переходящихъ суммъ“ чѣмъ-либо обезпечены?—Судъ не обезпеченныхъ было на 400.000 р.

22) Въ какомъ размѣрѣ можно въ настоящее время опредѣлить убытки, понесенные банкомъ за счетъ А. К. Алчевскаго, Куксина, Авилова и Абрамова, вслѣдствіе неуплаты ими долговъ по счету „переходящихъ суммъ“, имѣя въ виду выяснившіеся въ настоящее время результаты ликвидаціи дѣлъ торговаго банка и конкурса надъ имуществомъ А. К. Алчевскаго?—Убытки за счетъ А. К. Алчевскаго—400.000 руб., В. Н. Алчевскаго—134.533 р., Куксина—44.868 р. и Авилова—2.556 р.

Вопросы, поставленные защитою и гражданскими истцами, и отвѣты на нихъ экспертовъ не внесли ничего новаго. Поэтому мы ограничиваемся вышеприведенными вопросами, поставленными обвиненіемъ. Нѣкоторые интересъ представляютъ дополнителныя разъясненія экспертовъ на вопросы, поставленные сторонами.

На вопросы предст. обв. С. С. Хрулева эксперты отвѣчали: что по отчетамъ и балансамъ земельного банка въ инкриминируемое время задолженность его могъ усмотрѣть каждый „средній“ акціонеръ. Одинъ изъ экспертовъ показалъ, что при составленіи отчетовъ земельного банка записи отчисленій отъ прибылей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ по-

гашеніе крупныхъ суммъ единовременныхъ затратъ „не вылиты въ яркія формы“, въ отчетахъ виденъ только фактъ отчисленій, подробности же ихъ можно найти въ книгахъ банка. Закладные листы, представленные въ погашеніе ссудъ, безусловно сохраняютъ свою валюту, что въ уставѣ банка говорится, будто эти листы имѣютъ цѣнность и безъ земельного обезпеченія. Другой экспертъ призналъ, что проценты отъ заемщиковъ фактически банкомъ не получались, а причислялись къ капитальной суммѣ. „Недокупка“ закладныхъ листовъ имѣетъ мѣсто тогда, когда, послѣ внесенія заемщикомъ въ погашеніе ссудъ денегъ, листы не изъяты изъ обращенія, а „перепродажа“ тогда, когда, вслѣдствіе недостатка комиссіонныхъ закладныхъ листовъ, продаются листы досрочнаго погашенія; что закладные листы, внесенные въ досрочное погашеніе, имѣютъ цѣнность; если въ промежутокъ отъ момента внесенія въ банкъ и до момента фактическаго его уничтоженія закладной листъ исчезнетъ, — за него правленіе банка отвѣчаетъ деньгами; при ревизіи г. Голубевъ указалъ, что закладной листъ досрочнаго погашенія теряетъ цѣнность лишь въ моментъ уничтоженія.

Въ земельномъ банкѣ на 1899 г. закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія оставалось (въ круглыхъ цифрахъ) на 2.050.000 р., въ теченіе года внесено для погашенія на 4.765,000 руб.—значитъ, всего подлежащихъ уничтоженію было на 6.815.000 р., уничтожено на 4.252.000 р.; на 1901 г. оставалось на 2.563.000 р., внесено на 5.995.000 р., всего было на 8.558.000 руб., а уничтожено на 2.535.000 руб. и перешло на 1901 г. 6.023.000 руб. Что касается текущаго счета, то, увеличиваясь и уменьшаясь, текущій счетъ земельного банка въ торговомъ въ общемъ увеличился съ 1897 по 1901 г. на 803.455 рублей.

Просматривая банковскія книги при производствѣ предварительнаго слѣдствія, одинъ изъ экспертовъ нашелъ, что въ торговомъ банкѣ во многихъ случаяхъ существовала „переписка“ векселей А. К. Алчевскаго, Куксина и Авилова. По мнѣнію того же эксперта, вслѣдствіе возвращенія торговымъ банкомъ А. К. Алчевскому 425 акцій Алексѣевскаго горнопромышленнаго общества и 300 паевъ това-

рищества харьковского сахаро-рафинаднаго завода,—къ 7-му мая 1901 г. вполнѣ опредѣлился убытокъ въ 721.000 руб.; въ обезпеченіе этой суммы оставили акціи Донецко-юрьевскаго общества, которыя оцѣниваются ликвидаціонной комиссіей по 50 руб. По счету „разные по комиссіи“ члены правленія торговаго банка пользовались кредитомъ: банкъ покупалъ для нихъ процентныя бумаги, необходимаго задатка (въ размѣрѣ 10%) прм этомъ не вносилось и кредитъ открывался въ полной стоимости процентныхъ бумагъ. Далѣе, экспертиза выяснила, что въ счетъ торговаго банка „разные по комиссіи“ значились лица, состоящія въ долгу, но не внесшія обезпеченія; въ „переходныя суммы“ переносился ущербъ этого счета; по „счету корреспондентовъ“, въ большинствѣ случаевъ, банкъ исполнялъ порученія, и по такимъ порученіямъ (переводамъ, уплатамъ % въ по ссудамъ), къ концу 1900 г. А. К. Алчевскій остался долженъ 600.000 р., причѣмъ долгъ этотъ не былъ обезпеченъ.

Рѣчь свою прокуроръ С. С. Хрулевъ началъ съ исторіи возникновенія учрежденій частнаго кредита въ Россіи. Послѣ освобожденія крестьянъ явилась настоятельная потребность въ земельномъ кредитѣ, такъ какъ даровыя рабочія руки уже перестали существовать. Послѣ херсонскаго земскаго банка первымъ по времени земельнымъ банкомъ явился харьковскій, основанный въ 1871 г. по инициативѣ А. К. Алчевскаго. Мало по малу, одинъ за другимъ начинаютъ возникать и другіе земельные банки по всей Россіи. Но такая крупная реформа, какъ великое дѣло освобожденія, призвала къ жизни не одни только земельные банки. Она оживила всю дѣятельность страны, въ томъ числѣ и экономическую. Экономическое оживленіе, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и цѣлый рядъ другихъ причинъ прогрессивнаго характера внесли много преобразованій и въ торгово-промышленную жизнь страны. Стали организовываться и развиваться торговые банки, коммерческіе и городскіе. Скоро въ этомъ отношеніи стало замѣчаться несомнѣнное увлеченіе. Банки вырастаютъ, какъ грибы, и въ то же время часто лопаются, какъ мыльные пузыри. Въ каждомъ городѣ открывается банкъ. Какой-нибудь ничтожный городъ, вродѣ Скопина, имѣетъ свой банкъ съ

многомилліонными оборотами. Небезызвѣстный основатель и директоръ его, Рыковъ составилъ себѣ видное уголовное имя въ лѣтописяхъ нашихъ банковскихъ процессовъ, изъ которыхъ всѣ почти относятся къ злоупотребленіямъ въ коммерческихъ банкахъ. И вотъ къ длинному ряду банковскихъ краховъ и хищеній прибавляются два случая, составляющіе предметъ настоящаго дѣла. А между тѣмъ ничто, казалось, не предвѣщало такого печальнаго конца. Въ отчетахъ харьковскихъ земельного и торговаго банковъ за цѣлый рядъ лѣтъ до 1901 года указывалось на цвѣтущее положеніе дѣлъ. Дивиденды выдаются въ торговомъ банкѣ около 10%, въ земельномъ—около 14%. Операциі расширяются, запасные капиталы банковъ растутъ. Все это показывается въ такомъ утѣшительномъ видѣ въ отчетахъ. Алчевскій на юбилей земельного банка въ одной изъ рѣчей говорить, что гордо озирается на пройденный этимъ банкомъ путь.

И вотъ вдругъ всѣ эти иллюзіи неожиданно рушатся: приходитъ вѣсть о трагической кончинѣ основателя обоихъ банковъ, предсѣдателя правленія земельного банка и фактическаго главы торговаго банка А. К. Алчевскаго. Въ Харьковѣ это произвело въ промышленныхъ сферахъ почти панику. Въ виду явившейся потребности успокоенія общественнаго переполоха—министерство финансовъ назначило ревизію дѣлъ банковъ, и эта правительственная ревизія, въ лицѣ ревизоровъ гг. Менжинскаго и Голубева, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, поставила діагнозъ серьезной болѣзни обоихъ банковъ—персональной уніи въ ихъ дѣятельности. Алчевскій, хотя и не былъ уже въ послѣдніе годы предсѣдателемъ правленія въ торговомъ банкѣ, но фактически царилъ и въ одномъ, и въ другомъ, объединяя своей особой оба банка. Да и достаточно взглянуть съ внѣшней стороны на рядомъ стоящія зданія банковъ, чтобы мысль о ихъ нераздѣльности невольно пришла сама собой въ голову наблюдателя.

Глава этихъ двухъ предпріятій, А. К. Алчевскій, въ послѣдніе годы своей дѣятельности увлекся грюндерствомъ въ области горно-промышленныхъ предпріятій, и это въ результатѣ привело его къ финансовой гибели, краснорѣчиво показанной, какъ

мы теперь знаемъ, слѣдующими цифрами, подведенными послѣ его смерти: 150.000 р. актива при девятнадцатимилліонномъ пассивѣ!

Правительственная ревизія указала на необходимость разъединить дѣятельность двухъ сросшихся банковъ—предоставить каждому самому себѣ. Это и было сдѣлано. Въ результатѣ возвращеніе къ жизни земельного банка и юридическая смерть торговаго. Онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ. Причина же худосочія земельного банка — это переливаніе его огромныхъ капиталовъ въ торговый банкъ, который поддерживалъ ими грандіозно, но шатко задуманныя предпріятія Алчевскаго.

Торговый банкъ рухнулъ. Суммы убытковъ представляются чѣмъ то грандіознымъ, но здѣсь имѣются интересные 300,000 руб. Эта сумма, составившаяся изъ мелкихъ вкладовъ, по 1,000 руб., напр. Конечно, эти 300,000 рублей потонуть въ потокахъ тѣхъ милліоновъ, о которыхъ намъ придется говорить, но если вспомнить, что это кровныя деньги, быть можетъ, послѣднія скопленныя крохи людей необеспеченныхъ, маленькихъ, то значеніе этого трехсоттысячнаго убытка вырастетъ въ нашихъ глазахъ до страшныхъ по своимъ послѣдствіямъ и тяжести размѣровъ.

Что касается земельного банка, то въ результатѣ своей дѣятельности старое правленіе принесло новому болѣе двухъ милліоновъ убытка.

Самое соединеніе дѣятельности двухъ вышеупоминавшихся банковъ—явленіе неправильное и ненормальное. Финансовая природа этихъ банковъ совершенно различна. Земельный банкъ ограничиваетъ свою дѣятельность очень простыми несложными операціями подъ вѣрныя обезпеченія недвижимостей; риска здѣсь нѣтъ почти никакого. Между тѣмъ въ банкѣ торговомъ операціи его дѣятельности сопряжены съ несравненно большимъ рискомъ; не могутъ же быть названы совершенно безопасными и всегда безпроигрышными такія операціи, какъ учетъ векселей, ссуды подъ залогъ проц. бумагъ, покупка и перепродажа цѣнныхъ бумагъ и т. п.

Соединеніе обоихъ банковъ персональной уніей было вредно и убыточно для земельного банка. Банкъ, который по своему уставу долженъ былъ удовлетворять лишь кредиту спокойному, обезпечен-

ному, вдругъ, какъ черезъ какой нибудь деньгопроводъ, передаетъ свои капиталы торговому банку, для поддержки рискованныхъ предпріятій и лишается такимъ образомъ значительныхъ средствъ, которыя путемъ самаго беззастѣнчиваго нарушенія устава банка добывались залогомъ процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и листовъ досрочнаго погашенія.

Какъ все это случилось?

Надо замѣтить, что они не представляютъ собою оригинальныхъ явленій русской жизни. Изъ книги Герценштейна „Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ въ Германіи“ мы узнаемъ, что въ Германіи былъ тоже свой Алчевскій, только назывался онъ иначе—Шмидтъ. Стоя во главѣ цѣлаго ряда промышленныхъ и финансовыхъ предпріятій, онъ свободно хозяйничалъ въ нихъ и переводилъ деньги изъ одного въ другое. На сколько произвольны и не нормальны были эти операціи, видно хотя бы изъ того примѣра, что прусскій земельный банкъ поддерживалъ водопроводъ въ Скутари (въ Малой Азіи)! То же самое наблюдается и въ нашемъ дѣлѣ: земельный банкъ, нарушая уставъ, поддерживаетъ промышленныя предпріятія.

Чѣмъ же объяснить происходящія злоупотребленія?

Прежде всего, конечно, персональной уніей.

А затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на составъ правленія. Нѣкоторые служатъ одновременно и въ земельномъ, и въ торговомъ банкахъ. Вамъ хорошо извѣстно участіе въ этихъ предпріятіяхъ г.г. Любарскаго, Орлова, Шафранека и Куксина. Во всемъ видны единство и солидарность интересовъ. Бухгалтерія составлена изъ своихъ: родственниковъ, друзей, знакомыхъ.

Мы здѣсь видимъ тенденцію со стороны подсудимыхъ и защиты выставить всѣхъ обвиняемыхъ въ роли какихъ-то только послушныхъ орудій въ рукахъ всесильнаго диктатора А. К. Алчевскаго. Онъ былъ уменъ, талантливъ, онъ сумѣлъ изъ обыкновеннаго коммерсанта быстро возвыситься до положенія крупнаго финансиста и предпринимателя—все это правда. Но говоритъ ли это сколько нибудь въ пользу оправдываемости дѣяній подсудимыхъ? Они обвиняются въ тяжкихъ преступленіяхъ. И ви-

новнымъ во всемъ хотять поставить покойнаго, прикрываются имъ.

Странное впечатлѣніе производятъ эти отговорки. Обвиняемые—люди взрослые, опытные, видятъ всѣ незаконныя операціи, видятъ, что на каждомъ шагу нарушается уставъ — и молчатъ? Здѣсь невольно приходитъ въ голову сравненіе обвиняемыхъ съ покойнымъ Герасимовымъ. Маленькій служащій, помощникъ бухгалтера, онъ не поддался, вѣдь, не смотря на всю зависимость своего положенія, обаянію всевластія Алчевскаго и отказался исполнить незаконное требованіе банковаго диктатора, хотя могъ за свою смѣлость очутиться выброшеннымъ на мостовую.

Земельный банкъ незаконно закладываетъ свои листы, свободно оперируетъ съ начисленіемъ пеней, выдаетъ своимъ должностнымъ лицамъ жалованье неправильно и впередъ и т. д. Не лучше поступаютъ и въ торговомъ. Здѣсь допускаются, на примѣръ, безцеремонныя позаймствованія по простымъ роспискамъ, неправильности въ онкольныхъ счетахъ и т. д. Все это тщательно замаскировывается отчетами, составленными завѣдомо ложно. Такія систематическія, такія обширныя злоупотребленія не могли совершаться иначе, какъ съ вѣдомо всѣхъ должностныхъ лицъ банковъ. Здѣсь обязательно было соглашеніе. Въ этомъ соглашеніи, кромѣ членовъ правленія, несомнѣнно участвовали и бухгалтеръ, и члены ревизіонной комиссіи. Объясненія этой противузаконной солидарности слѣдуетъ искать не въ одномъ только обаяніи и довѣрїи къ личности Алчевскаго, а и въ болѣе низменныхъ мотивахъ. Корыстный элементъ здѣсь безусловно на лицо. И, главнымъ образомъ, соблазняли большіе оклады, которые получали въ банкахъ члены правленія.

Въ старину практиковался грубый захватъ имущества, теперь этотъ захватъ принялъ болѣе утонченныя формы. Соловьи-разбойники въ дремучихъ лѣсахъ уже не водятся, да и лѣса то дремучіе ужъ вырублены, но за то появились банковскіе хищники. Нынѣ похитители имущества вооружены не кистенями и дубинами, а сводомъ законовъ и бухгалтерскими счетами. И стоять они стараются на рубежѣ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. При

разборъ настоящаго процесса незачѣмъ рыться въ старыхъ годахъ. Если свѣдѣнія и документы за старые, прошлые года, быть можетъ, покажутъ, что обвиняемые застали уже при вступленіи своемъ въ банкъ погрѣшности и нарушенія устава, пустившія глубокіе корни въ дѣло, то подсудимые и сами за то время, которое имъ въ ихъ дѣятельности инкриминируется, совершали рядъ преступленій и были активными продолжателями, а не просто молчаливыми свидѣтелями прошлыхъ преступныхъ дѣяній.

Что касается тенденціи обвинить кредитную канцелярію за ея безучастность, за то, что она была молчаливой свидѣтельницей происходившихъ неправильностей и не ставила своего авторитетнаго „veto“, то это не можетъ повліять на виновность подсудимыхъ. Какъ будто для того, чтобы правильно и законно вести дѣло, нуженъ непремѣнно надзоръ няньки!

Защита ссылается также на экономическій кризисъ. Кризисъ можетъ, конечно, отозваться пагубно на дѣлѣ, но никакой кризисъ не оправдываетъ нарушенія устава. А въ данномъ дѣлѣ передъ нами именно такія противоуставныя злоупотребленія, ничѣмъ не оправдываемыя. Наконецъ, о какомъ кризисѣ идетъ рѣчь? Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду тотъ кризисъ, который пережила Россія въ своей желѣзодѣлательной промышленности. Но какое же отношеніе это имѣетъ къ *земельному* банку? Вѣдь, не земельный же кризисъ былъ!

Интересно, какъ они относятся къ взводимымъ на нихъ обвиненіямъ. За исключеніемъ Орлова, большинство подсудимыхъ отдѣляется здѣсь, на судѣ, молчаніемъ. Они не протестуютъ, не возражаютъ противъ всякихъ свидѣтельскихъ показаній. Молчаніе, конечно, право подсудимыхъ, но оно можетъ производить на судей неблагоприятное впечатлѣніе.

Если бы вы спросили какогонибудь изъ банковскихъ дѣльцовъ, сидящихъ здѣсь передъ вами, способенъ ли онъ, напримѣръ, похитить прямо изъ кармана когонибудь изъ акціонеровъ нѣкоторую сумму денегъ, онъ навѣрное отвѣтилъ бы вамъ съ искреннимъ негодованіемъ, что никогда не могъ бы этого сдѣлать. А между тѣмъ, какая же разница между такимъ дѣяніемъ, и злоупотребленіями,

направленными къ тому, чтобы перелить болѣе сложнымъ путемъ деньги изъ кармановъ довѣрившихся банку акціонеровъ въ свои. Разницы здѣсь нѣтъ никакой. Эта новая форма, болѣе утонченная, обставленная сложными счетами, отчетами и другими ширмами, есть продуктъ той эволюціи хищеній, о которой я уже говорилъ. Между такой утонченной формой хищенія и непосредственной, простой кражей есть въ эволюціи банковскихъ злоупотребленій переходная ступень. Это тотъ видъ банковскихъ кражъ, который долго продержался у насъ, всегда совершаясь по одному и тому же шаблону: обыкновенно, кассиръ въ одинъ прекрасный день запускалъ руку въ кассу и затѣмъ исчезалъ и бѣжалъ непременно въ Америку. У всѣхъ сидящихъ здѣсь подсудимыхъ приемы хищенія были тоньше. Нѣкоторый дисонансъ вноситъ въ это общество г. Сухановъ. Онъ въ своемъ преступленіи приближается къ кассиру только что упомянутому, отжившаго уже свой вѣкъ типа. Онъ просто бралъ и присваивалъ деньги, принадлежащія банку.

Далѣе, прокуроръ подробно останавливается на залогъ земельнымъ банкомъ процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и листовъ досрочнаго погашенія. Прокуроръ признаетъ, что банкъ могъ быть въ затруднительномъ положеніи, но дѣло въ томъ, что запасный капиталъ закладывался для поддержки не самаго земельного банка, а для поддержки торговаго банка, который, въ свою очередь, поддерживалъ предпріятія А. К. Алчевскаго. Да и нужды никакой земельному банку не было рѣшаться на такой отчаянный шагъ. Свидѣтель Д. А. Алчевскій показывалъ, вѣдь, что дѣла банка были все таки настолько хороши, что ко дню краха онъ могъ бы свободно удовлетворить всѣ свои текущія нужды, не прибѣгая даже къ посторонней помощи. Итакъ, права не было, надобности тоже не было и, все таки, нарушеніе устава было произведено безъ доведенія объ этомъ до свѣдѣнія общихъ собраній акціонеровъ.

Столь же противозаконна и убыточна для банка была и операція по залогу листовъ досрочнаго погашенія.

По вопросу объ участіи въ управленіи банковскаго механизма тѣхъ и другихъ членовъ правле-

ніа прокуроръ высказываетъ убѣжденіе, что всѣ они къ этому руководительству были причастны и каждый имѣлъ свою опредѣленную часть, которой и завѣдывалъ.

Здѣсь старались представить участіе въ банковскихъ злоупотребленіяхъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ въ такомъ освѣщеніи, будто они ничего не знали о томъ, что кругомъ ихъ происходило, ничего не понимали въ дѣлахъ, были совершенно ни къ чему не причастны.

Журавлевъ — человекъ съ высшимъ образованіемъ, человекъ давно служащій въ банкѣ. Можно ли допустить, что онъ не зналъ, что творится въ его учрежденіи. Онъ не могъ не понимать, какой характеръ носятъ совершающіяся на его глазахъ операціи. Очень старательно пытались также изобразить Голева какимъ то ограниченнымъ, безграмотнымъ человекомъ, рассказывали въ этомъ смыслѣ прямо таки анекдоты. Нѣкоторые доброжелатели подсудимаго въ своемъ излишнемъ усердіи оказали плохую услугу г. Голеву, стараясь всячески рядить его въ какой то шутовскій колпакъ. Если бы Голевъ былъ человекомъ столь глупымъ и ограниченнымъ, какъ о немъ говорятъ—могъ ли бы такой опытный и умный дѣлецъ, какъ покойный Алчевскій, приглашать себѣ такого неподходящаго человека въ кассиры, какъ это было?

Голевъ тоже, какъ и Журавлевъ, какъ и всѣ остальные члены правленія, отлично понимали, что уставъ нарушается. Онъ не могъ быть не въ курсѣ этихъ дѣлъ.

Продолжая характеризовать членовъ правленія земельного банка по отношенію къ предъявляемымъ къ нимъ обвиненіямъ, прокуроръ отмѣчаетъ, что Орловъ былъ прекрасно осведомленъ о всѣхъ предпріятіяхъ и операціяхъ банка.

Любарскій ¹⁾—человекъ опытный, банковскій дѣ-

1) На судѣ былъ прочитанъ послужной списокъ Любарскаго-Письменнаго. Изъ этого списка оказалось, что г. Любарскій получилъ высшее образованіе, окончивъ курсъ по физико-математическому факультету университета; нынѣ подсудимый состоитъ въ чинѣ дѣйствит. статскаго совѣтника. Онъ былъ

лецъ, служащій въ правленіяхъ 3-хъ банковъ: харьковскихъ торговомъ и земельномъ и екатеринославскомъ, по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ которомъ онъ также привлекается къ ответственности въ качествѣ предсѣдателя правленія. И такой опытный банковскій дѣятель не знаетъ ничего о злоупотребленіяхъ, которыя систематически совершаются на его глазахъ? Можно-ли этому повѣрять? Думать и вѣрять такой баснѣ было бы наивно. Онъ зналъ обо всемъ. Вмѣстѣ съ другими членами правленія Любарскій подписывалъ отчеты и всѣ они знали, что подписываютъ.

Итакъ, нужно считать установленнымъ, что *все* члены правленія виновны въ томъ, что закладывали процентныя бумаги запаснаго капитала и листы досрочнаго погашенія и выручаемыя такимъ образомъ огромныя суммы переводили въ торговый банкъ для поддержки предпріятій Алчевскаго.

Теперь перейдемъ къ другой части обвиненія, — къ доказательствамъ того, что обвиняемые, производя эти незаконныя операціи, *скрывали* ихъ въ отчетахъ. По уставу, въ отчетахъ должны быть ясно и точно показаны количество и употребленіе запаснаго и складочнаго капиталовъ. Дѣлалось ли это въ отчетахъ земельного банка? Эксперты говорятъ прямо, что операціи по залогамъ нигдѣ не показаны въ отчетахъ. Да это, впрочемъ, и понятно: всѣ эксперты, не исключая даже и г. Плевинскаго, говорятъ, что этихъ операцій и нельзя было показать нигдѣ въ ихъ настоящемъ видѣ, такъ что онѣ были занесены въ отчетахъ подъ видомъ иныхъ операцій. Какъ же могли знать о положеніи дѣлъ акціонеры? Правда, намъ говорятъ, что залогъ листовъ запаснаго капитала и досрочнаго погашенія

въ теченіе 12 трехлѣтій избираемъ почетнымъ мировымъ судьей Волчанскаго судебного округа. Избирался онъ также и предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей, состоялъ долгое время кандидатомъ въ предводители дворянства Волчанскаго уѣзда. Служба по выборамъ не прекращалась до самой отдачи его подъ судъ. До исхода процесса онъ съ октября 1901 г. временно отстраненъ отъ должности.

могъ, оказывается, быть усмотрѣнъ изъ вспомо- гательныхъ книгъ. Но, вѣдь, акціонеры не роются въ этихъ книгахъ. Они хотятъ видѣть истинное поло- женіе дѣлъ изъ отчета и для нихъ то именно и со- ставляются отчеты. Все должно быть показано въ послѣднихъ. Но упомянутыя операціи въ отчетахъ не показаны—слѣдовательно, онѣ скрыты отъ ак- ціонеровъ.

Вмѣсто того, чтобы показывать въ отчетахъ по- степенное нарастаніе счета кредиторовъ, показы- вается только одна разность между счетами. От- дѣльными рубриками инкриминируемая операціи не показаны ни въ отчетахъ, ни въ балансахъ.

Преступленія эти квалифицируются статьей 362 улож. о наказ., предусматривающей въ официаль- ныхъ бумагахъ, отчетахъ, докладахъ и т. п. доку- ментахъ *сокрытие истины* съ корыстной цѣлью. Что цѣль здѣсь была именно такая, корыстная, не под- лежитъ сомнѣнію. Члены правленія дорожили сво- ими мѣстами, которыя оплачивались высокими окла- дами и, изъ нежеланія разстаться съ ними, скры- вали истинное положеніе дѣлъ, надѣясь на русское „авось“: авось сойдетъ съ рукъ безнаказанно! А оно выгодно въ то же время.

Представитель обвиненія переходитъ къ незакон- ной перепродажѣ листовъ досрочнаго погашенія и указываетъ на всю преступность перепродажи ли- стовъ досрочнаго погашенія, вышедшихъ въ тиражъ, и на все огромное значеніе, какое подобное престу- пленіе можетъ имѣть съ государственной и эконо- мической точекъ зрѣнія. Выпуская путемъ перепро- дажи въ свѣтъ для свободнаго обращенія цѣнности, которыя погашены уже, вышли въ тиражъ—въ ка- кое положеніе ставило правленіе земельного банка правительство и публику? Вѣдь, это могло страшно дискредитировать довѣріе общества къ бумагахъ, ко- торая должна считаться безусловно солидной и на- дежной. Вѣдь, подобные листы досрочнаго погаше- нія—это своего рода „мертвыя души“ банка—и вдругъ ихъ пускаютъ перепродажей въ оборотъ! Если бы это во время не было исправлено, то по- слѣдствія такихъ злоупотребленій могли бы быть весьма серьезны: могли бы въ самомъ дѣлѣ про- изойти кризисы на денежномъ рынкѣ.

Прокуроръ переходитъ къ обвиняемому Юрке-

вичу, бывшему бухгалтеру земельного банка. Юркевичъ получалъ огромный окладъ, въ службѣ въ банкѣ былъ заинтересованъ. Онъ видѣлъ противозаконныя дѣянія правленія, но молчалъ и не противодѣйствовалъ имъ; даже наоборотъ—подписывалъ отчеты, зная, что съ Алчевскимъ шутки плохи, а оставлять теплое и выгодное мѣсто не хотѣлось.

Что касается членовъ ревизіонной комиссіи, то нужно здѣсь установить несомнѣнность того, что они завѣдомо ложно составляли свои ревизіонные доклады. Лысогоренко объяснилъ, впрочемъ, самъ на предварительномъ слѣдствіи, что онъ замѣчалъ неправильности, но ихъ заслоняла передъ его глазами гигантская фигура финансоваго авторитета Алчевскаго. Что касается мотивовъ корысти, которые имъ могли руководить, то они ясны: вознагражденіе за исполненіе обязанностей члена ревизіонной комиссіи, по своей сравнительной незначительности, не могло его такъ сильно соблазнять и играло здѣсь роль второстепенную; главное мѣсто здѣсь занимало нѣчто другое; близость къ банку и добрыя отношенія съ его заправилами давала Лысогоренку возможность тоже приобщиться къ тому рогу изобилія, изъ котораго сыпался на счастливецъ соблазнительный кредитъ.

Если даже допустить, что по отношенію къ Темницкому и Дракину устраняется возможность подозрѣнія въ мотивахъ корысти, то, все таки, противъ нихъ остается направленной вторая часть 362 статьи, предусматривающая (независимо отъ наличности корыстныхъ цѣлей) дачу *завѣдомо ложныхъ свидѣній*. А этого рода виновность обвиняемыхъ установлена съ несомнѣнностью.

Во все время моей рѣчи, закончилъ прокуроръ свою рѣчь, касавшуюся земельного банка, я оставался на выясненіи отрицательныхъ сторонъ дѣятельности подсудимыхъ. Но въ этой дѣятельности есть и одна положительная сторона. Черезъ годъ послѣ краха, явившагося послѣдствіемъ тѣхъ злоупотребленій, которыя вы будете судить, восполнился, наконецъ, пробѣлъ въ акціонерномъ законодательствѣ нашей страны. Колоссальныя злоупотребленія эти обратили на себя вниманіе законодателя и результатомъ этого явился новый законъ

объ акціонерныхъ предпріятіяхъ, по которому, во первыхъ, размѣръ вкладовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ ограниченъ извѣстной суммой (не превышающей 10% основного капитала даннаго учрежденія), а, во вторыхъ, запрещено членамъ правленія кредитоваться въ томъ учрежденіи, въ которомъ они состоятъ.

Этимъ закономъ преграждается путь къ возможности повторенія въ будущемъ злоупотребленій, подобныхъ тѣмъ, какія имѣли мѣсто въ харьковскихъ земельномъ и торговомъ банкахъ, и потому можно сказать, что данныя злоупотребленія косвенно сослужили хорошую службу—и въ этомъ ихъ положительная сторона.

Послѣ перерыва начинаетъ свою рѣчь второй представитель обвинительной власти—тов. прокурора палаты Сокальскій. Онъ останавливается на разборъ другихъ видовъ злоупотребленій въ земельномъ банкѣ—на преувеличеніи прибылей и на сокрытіи убытковъ. Алчевскій зарвался въ своихъ предпріятіяхъ, ему были нужны деньги, кредитъ исчерпанъ, и даже торговый банкъ уже изсякъ. И вотъ на помощь ему приходятъ „близкіе и друзья“. Земельный банкъ дѣлаетъ долги, ему не нужны, входятъ въ убытки, но показать этого нельзя, и отсюда подлогъ. Это первая причина лжи; она указываетъ на сознательность и умышленность дѣйствій. Но къ ней присоединяются еще и другія—личные и корыстные виды.

Показать, что дѣлается въ банкѣ—значитъ потерять довѣріе, лишиться власти, уронить свой престижъ. Всѣ выгоды, преимущества въ торговомъ промышленномъ мірѣ, связанныя съ положеніемъ членовъ правленія значительнаго земельного банка—все можетъ пойти на смарку. Нѣтъ, лучше молчать!

Трудно даже учесть всѣ тѣ блага, какія получили подсудимые, занимая видный постъ банковскихъ дѣльцовъ. Къ личнымъ выгодамъ присоединялись и корыстные. Вынужденные скрывать долги и убытки, они выдавали чрезмѣрные дивиденды и при этомъ сами пользовались выгодами. Въ общихъ чертахъ картина злоупотребленій въ земельномъ банкѣ представляется товар. прокурора въ слѣдующемъ видѣ: Для подкрѣпленія предпріятій

Алчевскаго, чтобы доставить возможность ему и близкимъ ему людямъ пользоваться широкимъ кредитомъ, пускался въ оборотъ запасный капиталъ и закладные листы досрочнаго погашенія. Чтобы скрыть эти операціи, а также убытки земельного банка и представить дѣла его въ блестящемъ состояніи, чего на самомъ дѣлѣ не было, дѣлались подлоги въ отчетахъ. И все это совершалось съ вѣдома и согласія и при участіи членовъ правленія и бухгалтера, покрывалось докладами членовъ ревизіонной комиссіи. Всѣ они преслѣдовали при этомъ свои личные и корыстныя цѣли, забывая ввѣренныя ихъ попеченію интересы банка. Винодность ихъ—внѣ сомнѣнія.

Рѣчь обвинителя по торговому банку сводится къ слѣдующему. Одно изъ главныхъ злоупотребленій земельного банка—залогъ запаснаго капитала и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія имѣло цѣлью добыть средства, которыми увеличивался текущій счетъ торговаго банка. Изъ 5½ милліоновъ, уплывшихъ такимъ образомъ, для земельного банка есть надежда получить развѣ половину (по расчету ликвидационной комиссіи). Слѣдовательно, болѣе 2½ мил. можно считать невозвратимой потерей, убыткомъ. Вотъ во-что обошлась земельному банку его незаконная связь съ торговымъ. Какая же судьба постигла эти деньги? Въ чьи карманы онѣ попали? Надо посмотрѣть, что творилось въ торговомъ банкѣ, кто и какъ распоряжался деньгами. Въ банкѣ мы сразу же наталкиваемся на знакомыхъ уже намъ лицъ; это А. К. Алчевскій и самые близкіе, очевидно, ему люди—Любарскій и Орловъ, за спиной послѣдняго скромно выглядываетъ еще Лысогоренко (родичъ). Кромѣ знакомыхъ уже лицъ, мы видимъ новыхъ—Абрамова, Куксина, Авилова и В. Н. Алчевскаго. Тутъ же и Шафранекъ. Опять новые и близкіе, друзья А. К. Алчевскаго!

Смыслъ дѣятельности торговаго банка—оказывать кредитъ мѣстнымъ торговцамъ. Если же обратиться къ важнѣйшимъ операціямъ банка за послѣдній годъ его существованія, то оказывается: 1) весь вексельный портфель—3.832,190 р., изъ коихъ на долю Алчевскаго и его близкихъ и друзей падаетъ до 3 мил. руб., 2) ссуды подъ 0% 0% бумаги—7.651,392 р., и опять А. К. и его компаніи приходится львиная

доля—6,500 т. р., 3) по счету корреспондентовъ за Алчевскимъ числится $\frac{2}{3}$ всей суммы.

Теперь предстоитъ рѣшить: распорядились ли они деньгами торг. банка только неправильно или же преступно? Надо для этого установить признаки преступлений, въ которыхъ обвиняются подсудимые. это—1) нарушение устава банка, 2) убытки для банка отъ такого нарушения и 3) умышленность, злонамѣренность нарушения.

Первые два признака ясны, для ихъ установленія достаточно развернуть книги банка и произвести нѣсколько цифровыхъ выкладокъ. Третій признакъ не такъ ясенъ. Что такое злонамѣренность, преступный умыселъ?

Дѣятельность банка неизбѣжно требуетъ предварительнаго обсужденія, даже при нормальномъ веденіи дѣла. Какъ только возникаетъ мысль о злоупотребленіяхъ, предварительный уговоръ требуется въ сугубой степени. При нормальномъ веденіи дѣла два члена правленія могутъ рѣшиться еще на рискованныя операціи, но они дѣйствуютъ по уставу, имѣя въ виду интересы банка. Когда дѣло доходить до явнаго нарушения устава, до явно убыточныхъ операцій, почти перекладыванія банковскихъ денегъ въ свои карманы, тутъ рискованно дѣйствовать одному, двумъ, предварительный уговоръ неизбѣженъ. Если присоединить къ этому, что всѣ болѣе или менѣе извлекали выгоды изъ своего положенія членовъ банка, преступный уговоръ обрисовывается еще рельефнѣе.

Какъ бы всемогущъ и авторитетенъ ни былъ Алчевскій, но если бы въ общемъ собраніи акціонеровъ раздался честный и рѣшительный голось, хотя бы одного изъ членовъ правленія или депутата, можно ли сомнѣваться, что пѣсенка А. К. Алчевскаго и его присныхъ въ финансовомъ мірѣ была бы свѣта—и навсегда. Это былъ вопросъ жизни и смерти, это отразилось на трагической судьбѣ Алчевскаго. Вотъ почему нуженъ былъ дружный подборъ товарищей: изъ года въ годъ стоятъ рядомъ одни и тѣ же лица и все шито-крыто.

Послѣ рѣчи Сокальскаго, обвиненіе по торговому банку перешло къ С. С. Хрулеву.

Злоупотребленія въ банкѣ, по его мнѣнію, группируются около 3-хъ операцій.

Во первыхъ, въ банкѣ производились простыя позаймствованія изъ кассы. А. К. Алчевскій смотрѣлъ на кассу торговаго банка, какъ на собственный карманъ, изъ котораго можно брать что угодно и какъ угодно. Свидѣтель Чалкинъ, служившій кассиромъ въ торговомъ банкѣ, говорилъ здѣсь на судѣ, что А. К. Алчевскій сплошь и рядомъ бралъ изъ кассы порой весьма значительныя суммы безъ всякаго обезпеченія, подъ простыя росписки, а порой даже и безъ нихъ. Какому большому риску подвергалъ Алчевскій хотя бы того же г. Чалкина! Вѣдь, произойди какая-нибудь случайность, неожиданная смерть Алчевскаго—и г. Чалкина могли бы обвинить въ растратѣ. Хроническая ежедневная задолженность Алчевскаго въ 1900 г., по показанію свидѣтеля, была въ среднемъ равна 83,000 р., въ 1901 г. мы видимъ эту цифру еще болѣе возросшей. Такое семейное, безконтрольное веденіе дѣлъ въ банкѣ не можетъ разсматриваться иначе, какъ дѣяніе уголовно преслѣдуемое.

Второй родъ злоупотребленій касается вопроса о корреспондентскомъ счетѣ А. К. Алчевскаго. Ему открываютъ счетъ, который предоставляется обыкновенно кредитнымъ учрежденіямъ въ другихъ городахъ, для всякаго рода сношеній, предпринимаемыхъ въ интересахъ даннаго банка. Какъ же объяснить въ данномъ случаѣ приравненіе частнаго лица къ кредитнымъ учрежденіямъ открытіемъ ему корреспондентскаго счета, особенно если принять еще во вниманіе, что Алчевскій проживалъ въ томъ же городѣ, въ которомъ находился и торговый банкъ? Очевидно, что и это было сдѣлано съ единственною цѣлью—создать лишнее удобство къ кредитованію Алчевскаго. И какія суммы были предоставляемы Алчевскому по этому счету! Мы знаемъ, напр., что въ отчетѣ за одинъ изъ послѣднихъ годовъ изъ общей суммы 352,000 р., числящейся выданной по корреспондентскимъ счетамъ, на долгъ одного Алчевскаго приходилось болѣе $\frac{2}{3}$ этихъ денегъ, и то, если не считать тѣхъ 400,000 р., которые были переведены въ рубрику счета переходящихъ суммъ. Въ злоупотребленіяхъ по этому пункту обвиненія должны быть признаны отвѣтственными всѣ члены правленія.

Наконецъ, третій родъ злоупотребленій, имѣвшій мѣсто въ торговомъ банкѣ—это злоупотребленія по учету векселей. Наличность этихъ злоупотребленій доказана съ несомнѣнностью.

Итакъ, совершавшіяся въ торговомъ банкѣ операціи по учету векселей были незаконны.

Рѣчь свою г. Хрулевъ закончилъ слѣдующимъ образомъ: Я и мой товарищъ по обвиненію исчерпали въ главныхъ чертахъ весь матеріаль, прошедшій на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи. Оно подтвердило всѣ основныя положенія обвинительнаго акта, конечные выводы котораго я и подтверждаю относительно всѣхъ подсудимыхъ съ прибавленіемъ новаго обвиненія въ перепродажѣ закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія и эпизода съ донецко-юрьевскими акціями.

Является твердо установленнымъ положительное объединеніе дѣятельности обоихъ банковъ, вслѣдствіе совмѣстительства должностей и вліянія Алчевскаго. Земельный банкъ, якобы вуждавшійся въ деньгахъ на текуція нужды, въ виду неудовлетворительнаго поступленія платежей отъ заемщиковъ, добывалъ, посредствомъ противоуставныхъ операцій по залогу запаснаго капитала и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія, — крупныя суммы и значительную часть этихъ капиталовъ, въ общемъ до 5.400,000 р., обращалъ не на нужды ипотечнаго кредита, а на подкрѣпленіе торговаго банка, неудачныхъ предпріятій Алчевскаго и на открытіе неправильнаго кредита ему самому и его сотрудникамъ въ этихъ нарушеніяхъ и въ сокрытіи ихъ въ отчетахъ отъ акціонеровъ и правительства.

Результатомъ преступной дѣятельности обвиняемыхъ было уничтоженіе одного банка, разстройство дѣлъ другого, огромные убытки акціонеровъ и вкладчиковъ. вмѣсто храненія ввѣренныхъ имъ обществомъ интересовъ, они, измѣняя своему долгу, вмѣсто служенія интересамъ общества, руководствовались только личными интересами близкаго и сильнаго человека Алчевскаго и своими корыстными побужденіями.

За крупное общественное зло они заслуживаютъ строгаго возмездія, которое удовлетворитъ требованія справедливости и чувство общественнаго негодованія.

Останавливаясь на примѣненіи къ нимъ статей закона, я нахожу слѣдующее: ко всѣмъ членамъ правленія обоихъ банковъ и кассиру Суханову слѣдуетъ примѣнить законъ 10 іюня 1900 года объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь, въ отношеніи же ко всѣмъ прочимъ обвиняемымъ 3 п. 31 ст. уложенія о наказаніяхъ. Смягченія участи заслуживаютъ въ моихъ глазахъ менѣе активные соучастники, не пользовавшіеся плодами преступленій. Къ нимъ я отношу членовъ ревизіонной комиссіи, кромѣ Лысогоренко, бухгалтера Юркевича, членовъ правленія Голева, Журавлева, Куксина и Авилова.

Но я не хотѣлъ бы закончить мою обвинительную рѣчь однимъ указаніемъ на мечъ правосудія. Судебные процессы и приговоры важны не только приложеніемъ къ виновнымъ возмездія, но и раскрытіемъ общественныхъ недуговъ.

Здѣсь все говорилось о мощной фигурѣ Алчевскаго и стихійномъ явленіи—экономическомъ кризисѣ, какъ о причинахъ, оправдывающихъ дѣйствія подсудимыхъ. Не экономическое принужденіе, а нравственное банкротство обвиняемыхъ привело ихъ на скамью подсудимыхъ. Говорятъ, экономическій кризисъ—явленіе стихійное, но развѣ человекъ, этотъ рыцарь природы, не можетъ управлять и стихіями?

Въ области экономической еще въ сѣдой древности, въ библейскія еще времена, умѣли справляться съ экономическими бѣдствіями, запасая въ житницахъ хлѣбъ, въ ожиданіи возможности неурожая. Могутъ люди бороться съ экономическимъ кризисомъ и теперь, изучать политическую экономію и соблюдать въ финансовыхъ операціяхъ разумную экономію и осторожность, не увлекаясь спекуляціями и грюндерствомъ, подчиняясь при управленіи кредитными учрежденіями требованіямъ закона и уставовъ. И если здѣсь можно говорить о кризисѣ въ причинной связи съ преступностью, то, думается мнѣ, здѣсь можно вести рѣчь не объ экономическомъ кризисѣ, а о кризисѣ нравственномъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не замѣчается ли въ нашемъ русскомъ обществѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ известной его части пониженія серьезныхъ умствен-

ныхъ запросовъ, оскуденія нравственныхъ идеаловъ?

Не наблюдается ли печальное явленіе укрѣпленія въ обществѣ чисто матеріальныхъ взглядовъ на смыслъ жизни, стремленіе къ погонѣ за грубыми наслажденіями, и въ хищеніи общественнаго имущества не брезгаютъ-ли средствами даже преступными?

Я, какъ прокуроръ и какъ гражданинъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ поддерживаю обвиненіе противъ подсудимыхъ и со спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго, по мѣрѣ силъ и разума, долга вѣряю въ ваши руки судьбу настоящаго дѣла, которое ярко и ясно говоритъ каждому за себя.

Да свершится дѣло правосудія!

Представитель гражданскаго истца—земельнаго банка—прис. пов. Шереметьевскій въ своей рѣчи отмѣтилъ, что совершавшіяся и раскрытыя правительственной ревизіей злоупотребленія побудили министерство финансовъ воспользоваться своимъ правомъ запрещенія банку выдавать вновь ссуды. И такое положеніе продолжалось около 8 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, благодаря этому, банкъ очутился въ положеніи какъ бы временной ликвидаціи, что повлекло за собой огромные убытки. Подъ развалинами торговаго банка погибло 2.700.000 р.; крахъ этого банка оказался тяжело убыточнымъ для земельного. Ущербъ, нанесенный банку, весь объясняется вліяніемъ Алчевскаго и вѣрой въ его геніальность. Обвиняемые видѣли, какъ ловко онъ обращается съ чужими деньгами, какъ быстро онъ богатѣетъ, какъ создаетъ цѣлый рядъ грандіозныхъ предпріятій, и, преклоняясь передъ его финансовымъ авторитетомъ, допускали ему выдачу денегъ въ неограниченныхъ размѣрахъ. Несомнѣнно, что когда они давали эти деньги, то твердо надѣялись, что онѣ будутъ возвращены. Кромѣ того, они не перечили Алчевскому потому, что хотѣли быть близки съ сильнымъ человѣкомъ. Затѣмъ, когда ужъ увидѣли, что дѣло принимаетъ серьезный и угрожающій характеръ, хотѣли скрыть все и дѣлали это систематически, боясь за свою участь.

Общая сумма предъявляемаго г. Шереметьевскимъ къ обвиняемымъ гражданскаго иска равняется 3.118.000 р. Съ тѣхъ членовъ правленія, ко-

которые будут обвинены, гражданскій истецъ проситъ присудить съ cadaго поровну. Если не удастся получить исковой суммы съ В. Н. Алчевскаго, то онъ проситъ предоставить ему право долю Алчевскаго разверстать и наложить на остальныхъ членовъ правленія.

Въ рѣчи гражданскаго истца Плевако сдѣлана попытка уяснить дѣло во всей его цѣлости, понять его не какъ рядъ случайныхъ противозаконныхъ фактовъ, а какъ единую цѣльную дѣятельность. Банки возникли приблизительно въ одно время, какъ торговый, такъ и земельный. Съ первыхъ же часовъ ихъ жизни ихъ влекло другъ къ другу, постепенно они срастаются въ одномъ домѣ. Широкой рукой собираетъ земельный банкъ капиталы и столь же широкой рукой ссужаетъ ими торговый банкъ. Во главѣ обоихъ банковъ одни и тѣ же люди. Средства банковыя ссужаются однимъ и тѣмъ же лицамъ, приснымъ и близкимъ служебному персоналу. Когда начались злоупотребленія, то однѣ и тѣ же суммы прежде, чѣмъ погибнуть, зарождались въ земельномъ, передавались въ торговый и останавливались въ рукахъ главарей дѣла. Одно и то же лицо властвовало въ нихъ; смерть одного и того же человѣка повергла ихъ въ ужасъ, и одни и тѣ же злоупотребленія казались совершенными въ обоихъ учрежденіяхъ, начинаясь въ одномъ и заканчиваясь въ другомъ. Съ этими предпосылками легче распознается и характеръ всего дѣла. Никто не можетъ и не имѣетъ права утверждать, что самое учрежденіе банковъ было преступомъ къ незаконному дѣлу. Нѣтъ, подсудимые были людьми безупречными и, конечно, не хотѣли зла, когда могли идти прямымъ путемъ къ прямымъ цѣлямъ.

А. К. Алчевскій, иниціаторъ дѣла, едва ли вѣрно охарактеризованъ тѣми немногими, хвалебными эпитетами, которые здѣсь раздавались по его адресу. Если бы были однѣ гениальныя способности, то онѣ и опредѣлили бы результаты его дѣятельности. Это былъ человѣкъ съ неспокойной, вѣчно ищущей дѣятельности натурой, но онъ рвался съ дѣлами въ ширь, а не въ глубь ихъ. Лихорадочной, кипучей силѣ желаній не соответствовали мыслительныя

силы и чувство долга. Онъ не хочетъ чужого, но не задумывается надъ чужимъ интересомъ, когда загорится въ немъ мечта о новомъ дѣлѣ. Фантазія рисуетъ образы будущаго величаваго дредпріятія, а средствъ недостаточно. Его печалитъ застой въ дѣлахъ, неподвижность русскихъ капиталистовъ на ряду съ предпринимательскими успѣхами иностранцевъ и инородцевъ. Онъ начинаетъ съ банка земельного, какъ средства вырвать землевладѣніе изъ рукъ частнаго капитала и привлечь частичныя сбереженія къ крупному дѣлу. Но у земельного банка будутъ большіе временные капиталы. Ихъ придется вносить въ банки, тѣ, платя малый процентъ, будутъ получать большой, оперируя чужими вкладами. Остается создать подспорье въ торговомъ банкѣ и капиталы будутъ работать тутъ же, банкъ будетъ вручать капиталы предпринимателямъ энергичнымъ, но лишеннымъ орудій производства. А вокругъ для предпріятій непочатый край и дѣло только за деньгами. И вотъ, въ часы мечтаній, ему чудились достигнутые успѣхи, ощущалось удовлетворенное самолюбіе, завоеванная слава среди современниковъ, быть можетъ, историческая слава, вырисовывался монументъ, увѣковѣчивающій его дѣятельность. Я глубоко убѣжденъ, что его ушла мечта о благополучіи населенія, обогащеннаго его предпріятіями. Условія банковской дѣятельности, уставныя формы требуютъ сотрудничества. И онъ находитъ людей. Неудержимый потокъ предпринимательскихъ затѣй, неограниченный долгомъ и широтой разумѣнія общихъ законовъ роста народнои жизни, соотношенія предложенія и потребленія, повелъ къ замѣшательствамъ.

Тогда-то началась борьба между истиной и ложью, борьба долга и самолюбія, борьба между признаніемъ своей неспособности, ошибочности своихъ идей и между попыткой рискнуть чужимъ, кромѣ того, что уже использовано. Верхъ взяли соблазны самолюбія и риска, заглухнулъ голосъ долга и правды. Дѣлецъ и его сотрудники превратились въ страстныхъ игроковъ съ жаждой вернуть проигранную партію. Счастье не было на ихъ сторонѣ и игра затягивала петлю надъ ними. А средства—въ капиталахъ банковъ. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо нужно, чтобы находились средства во что бы

то ни стало, чтобы они ограждались отъ ссудъ постороннимъ, нужно, чтобы дѣло шло семейно, чтобы тайна блюлась, чтобы истинные хозяева дѣла не знали о томъ, что творится въ обоихъ банкахъ. Вся дѣятельность торговаго банка, особенно въ послѣдніе критическіе годы дѣль Алчевскаго,—служебная миссія для него и его сотрудниковъ. Все, что заносится въ книги торговаго банка—отдается Алчевскому на ставки. Теряется расчетъ, остается одна страсть самосохраненія. Долгъ забыть, нужно одно: средства; нужно не допускать прекращенія полномочій, проникновенія свѣжихъ силъ въ среду правящихъ. Еще послѣднее средство: Алчевскій ѣдетъ въ Питеръ попытаться на этотъ разъ уже общественной казной поддержать дѣло, выпутаться изъ бѣды. Успѣха мало—отказали. Дома, въ банкахъ ни копѣйки. Не только заложены цѣнности, пущены въ обращеніе всѣ погашенные закладные листы. Развязка грозная, беспощадная приближалась. Оставался послѣдній пріемъ: отдать въ дѣло свои сбереженія всѣмъ участникамъ дѣла, поставить еще послѣднее на карту. Но тутъ-то и сказалось различіе отношеній къ своему и чужому: рискуя ввѣреннымъ, дѣятели придержали свое.

Чего же они достигли?

Они убили одно банковское учрежденіе, они нанесли трудно врачуемую рану другому. Что за бѣда, скажутъ многіе: банкъ умираетъ, на его мѣсто найдутся замѣстители. Нѣтъ, не все равно. Той легкостью, съ какой нарушено довѣріе тысячъ лицъ, вручавшихъ свои сбереженія отъ крупнаго до мелкаго, они поселили страхъ передъ подобными учрежденіями. Еще рядъ подобныхъ явленій, и подымутъ головы тѣ отжившія и попрятавшіяся захолустныя шейлоковскія конторы, гдѣ взимались чудовищные росты, гдѣ нужда задыхалась въ петлѣ ростовщичества. Обвиняемые сбрасываютъ свою вину на обстоятельства, на критическія времена, на общую неблагоприятную атмосферу, въ какой имъ приходилось дѣйствовать. Что-нибудь да значить присущее человѣку чувство угрызенія и укора, которое гонитъ краску къ щекамъ и пронизываетъ каждый нервъ, воплощаясь въ моментъ стыда и страха передъ голосомъ истины и правды. Про него забывали подсудимые и успокаивали себя, что они

работали и—ошибались въ пользу великаго дѣла, промышленнаго оживленія края.

Правильному освѣщенію процесса мѣшаетъ отсутствіе человѣка, игравшаго въ печальной исторіи главенствующую роль. Въ немъ исходный моментъ, узлы и конечная разгадка спорныхъ задачъ, нами изучаемыхъ. Онъ ушелъ. Но могила его не безгласна. Здѣсь прочитаны два письма... Страшные слова, начертанныя въ моментъ, когда вдали показался добровольно избранный имъ палачъ, палачъ не въ красной рубашкѣ, каковымъ былъ исполнитель казни въ вѣка натурального хозяйства, а палачъ въ видѣ дышащаго огнемъ и дымомъ чуда техники истекшаго вѣка. Какъ будто бы нарочно, сознательно покойный остановилъ на немъ свой выборъ.

Въ моментъ, отдѣляющій покойнаго отъ вѣчности, въ моментъ, когда ясно видится вся ничтожность измѣряемаго вѣками передъ величіемъ безконечнаго, онъ не могъ поступить такъ, какъ поступалъ онъ во дни и часы мнимой величины, называемой жизнью, не могъ, какъ бывало въ дѣловомъ кабинетѣ банка, когда диктовались дутые балансы, мнимыя прибыли, непонятные отчеты, искажать истину,—не могъ лгать.

И онъ сказалъ. Но то было не слово оправданія подсудимыхъ.

Онъ не оправдалъ ихъ. Онъ только пожалѣлъ, что погубилъ ихъ своимъ грѣхомъ. Въ этомъ основаніе ихъ долга склониться передъ карающимъ закономъ, передъ нашимъ правомъ, передъ вашею судейскою совѣстью.

Но довольно, судейское сердце обширно, такъ обширно, что законодатель, ввѣряя ему долгъ правосудія, вручилъ двѣ великія задачи: изрекать правду и изрекать милость. Дайте же намъ правду, всю правду, а имъ всю милость. На этомъ мы сошлись бы.

Защитникъ Любарскаго - Письменнаго, Гольдштейнъ обратилъ вниманіе на странную систему, которой придерживается прокуроръ. Усвоивъ съ самаго начала извѣстный взглядъ на подсудимыхъ, уважаемый представитель обвиненія старался подгонять всѣ факты подъ излюбленную схему. Это

особенно ярко проявилось и у представителя гражданского иска. Забыто начало, берется конецъ.

Здѣсь говорили, что на помощь земельному банку былъ созданъ торговый, это нужно было якобы для подкрѣпленія и обогащенія перваго. Но, вѣдь, торговый банкъ былъ основанъ раньше. Здѣсь говорилось о злоупотребленіяхъ, бывшихъ въ скопинскомъ банкѣ, о Рыковѣ, о кременчугскомъ банкѣ, но и мы, вѣдь, знаемъ о томъ, что тамъ происходило,—читали объ этомъ.

Обвиненіе въ настоящемъ процессѣ останавливается на родствѣ между подсудимыми, но, вѣдь, это надо еще доказать?

Первенствующими лицами въ банкѣ были Орловъ и Любарскій, не считая, конечно, Алчевскаго, но развѣ эти лица состоятъ между собой въ родствѣ?

Точно также ставилось въ вину, что въ торговомъ банкѣ учитывались векселя супруги Любарскаго, векселя не торговые. Но развѣ это не естественно? Развѣ векселя Любарской, если бы она имѣла вмѣсто тысячъ десятинъ земли лавочку, считались бы болѣе обезпеченными?

По отношенію къ Любарскому обвиненіемъ было высказано, что онъ отрицаетъ свою вину. Но это невѣрно. Любарскій зналъ о залогѣ закладныхъ листовъ и такъ заявилъ: эту операцію онъ, какъ и Орловъ, считаетъ незаконной. Онъ только, какъ не бухгалтеръ, не могъ объяснить, какъ это дѣлалось, а поэтому и молчалъ.

Ужаснымъ диссонансомъ прозвучала фраза г. прокурора въ его очень корректной рѣчи,—фраза, гдѣ онъ назвалъ подсудимыхъ ворами. Не забывайте, что подсудимые люди старые, не забывайте, что здѣсь, въ залѣ—кромѣ публики, которая посѣщаетъ засѣданія, привлеченная тѣми или иными прелестями того или другого оратора,—находятся дѣти, жены, семьи подсудимыхъ.

Обвиняемымъ ставится въ вину, что 1) они нарушили уставъ, 2) противоуставными дѣйствіями нанесли ущербъ и 3) что дѣйствія ихъ были злонамѣренны.

Первые два пункта ясны, споръ же могутъ возбудить лишь признаки злонамѣренности.

Возникаетъ вопросъ, имѣло ли правленіе право заложить запасный капиталъ. Уставъ банка пре-

дусматриваетъ единственный случай, когда можетъ быть заложенъ запасный капиталъ—неаккуратное поступленіе платежей отъ заемщиковъ и вслѣдствіе этого стѣсненное положеніе банка. Защитникъ утверждаетъ, что они именно и были въ данномъ случаѣ.

Переходя къ вопросу о кредитѣ предпріятіямъ Алчевскаго, защитникъ говоритъ:

— Если правительство въ лицѣ государственнаго банка открываетъ кому-нибудь кредитъ, то это дѣлается съ мудрой осторожностью и тенденціей скорѣе не доцѣнить, чѣмъ оцѣнить выше. Поэтому, если Алчевскому госуд. банкъ открылъ кредитъ въ 2½ мил. рублей, сколько должно было ему дать любое частное кредитное учрежденіе. И всѣ давали. Если Алчевскій не вернулъ торговому банку ссуды, то онъ также не вернулъ ея и государственному, и другимъ банкамъ.

— Говорилось, что правленію нужно было своевременно собрать акціонеровъ и объявить имъ правду. Конечно, такой пріемъ, съ точки зрѣнія закона, былъ бы вполне основателенъ, но практика указываетъ, какъ трудно говорить правду въ коммерческихъ дѣлахъ и съ чѣмъ это въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопряжено.

Если бы правленіе предупредило акціонеровъ, — довѣріе къ учрежденію сразу бы пошатнулось, и учрежденіе погибло бы. Во всякомъ случаѣ, „авось“ могло бы предотвратить катастрофу—окажи правительство своевременную поддержку, „авось“ оправдалось бы.

— Если кредитная канцелярія не находила въ теченіи 30 лѣтъ, что отчеты составлялись невѣрно, то какъ же это нужно понимать? Если кредитная канцелярія ничего въ теченіе 30 лѣтъ не говорила о неправильности отчета, то значитъ неправильностей и не обнаружила.

Переходя къ торговому банку, защитникъ указалъ, что судебное слѣдствіе устанавливаетъ, что роли заправиль торговаго банка были распределены: Абрамовъ—распорядитель, Куксинъ и Авиловъ—члены правленія. Для Любарскаго же роли нѣтъ. Его подписей не встрѣчается. Любарскій-Письменный подписывалъ отчеты обоихъ банковъ, отчеты посылались въ кредитную канцелярію, которая, та-

кимъ образомъ, знала о совмѣстительствѣ, но замѣчаній не дѣлала.

Здѣсь говорилось о заповѣдяхъ Божіихъ, но что было-бы, если бы ктонибудь обратился къ прокурору съ совѣтомъ „Люби ближняго, какъ самого себя“, или къ вамъ, гг. судьи, съ заповѣдью „Не судите, да не судимы будете?“ Этого никто не можетъ сказать.

Къ концу своей рѣчи, защитникъ указалъ, что Е. П. Любарскій не руководствовался корыстной цѣлью—получалъ 15 тыс. руб. жалованья, имѣя годовой доходъ, въ 4 раза превышающій эту сумму.

Закончилъ онъ свою рѣчь словами: „Если вы не установите корыстныхъ мотивовъ—окажите милость, и эта милость—законъ“.

Второй защитникъ Любарскаго-Письменнаго, А. А. Денисовъ указалъ на то, что функціи кредитной канцеляріи и Сената схожи: Сенатъ толкуетъ законы правовые, кредитная же канцелярія—финансовые. Такимъ образомъ, кредитная канцелярія является высшей, рѣшающей и разъясняющей инстанціей для всѣхъ учрежденій кредита. Когда защитникъ ходатайствовалъ объ истребованіи справки изъ кредитной канцеляріи по дѣлу Найденова, онъ надѣялся, что съ полученіемъ авторитетнаго рѣшенія высшей инстанціи основанія части обвиненія падутъ сами собой. Очень важно также вліяніе кризиса на дѣла банка—паденіе курса бумагъ, неаккуратное поступленіе платежей и т. п.

По мнѣнію защитника, правленіе могло распоряжаться запаснымъ капиталомъ съ юридической стороны, такъ какъ по уставу запасный капиталъ предоставляется усмотрѣнію правленія.

Эксперты говорятъ, что операціи съ торговымъ банкомъ вызывались нуждой, но вопросъ о нуждѣ банка—вопросъ финансовый, а не бухгалтерскій, и чтобы отвѣтить на него—мало пересчитать кассу: нужно посмотреть на рынокъ, условія его и нужно также помнить, что денегъ изъ торговаго банка нельзя было получить никакъ. Но обвиненіе говорить—„зачѣмъ вы клали деньги въ торг. банкъ?“ Но надо было же помочь должнику, разъ уже съ нимъ связались. Вслѣдствіе паденія торговаго банка, погибли бы и десятки предпріятій, съ нимъ связанныхъ,—на обязанности членовъ правленія земельного банка, которые имѣли внутреннюю (а не виѣш-

ню) связь съ торговымъ, лежало поддержать послѣдній въ трудную минуту.

По дѣлу торговаго банка достаточно установлено, что Любарскій былъ непричастенъ къ его операціямъ. Говорить о томъ, что просрочка платежей по ссудамъ злонамѣренна — нельзя. Обвиненіе указываетъ, что задолженность членовъ правленія и Алчевскаго доходитъ до 10 милл. руб. и благодаря этому послѣдовало паденіе. На самомъ дѣлѣ не такъ — вѣдь нельзя соединять задолженность Алчевскаго и Алексѣевскаго о-ва съ задолженностью членовъ правленія: первая сумма въ 10 разъ превышаетъ вторую.

Для того, чтобы выяснитъ причину паденія банка, надо разобратъся въ моментъ краха. Послѣ ревизіи Голубева отъ министра финансовъ земельный банкъ получилъ телеграфное предписаніе истребовать изъ торговаго банка вкладъ по текущему счету — 5 милл. рублей, а торговому было предписано — „если не можете удовлетворить вкладчиковъ — объявите себя несостоятельнымъ“, что оба банка исполнили въ точности. Между тѣмъ, если посмотрѣть на балансъ и отчетъ Менжинскаго — положеніе торговаго банка не кажется шаткимъ.

Представитель обвиненія признаетъ, что была связь между банками, правленія дѣйствовали солидарно. Насильственный же разрывъ этой связи и повелъ къ паденію торговаго банка.

Третій защитникъ Любарскаго — прис. пог. Б. И. Бѣлы й считаетъ требованіе гражданскихъ истцовъ недостаточно обоснованнымъ.

Гражданскіе истцы должны быть точны, какъ математики. Истцы и гражданскій отвѣтчикъ должны требовать не милости, а точныхъ цифръ. Постановка требованій истцовъ представляется защитнику ненормальной и незаконной, такъ какъ не можетъ быть постановленія отдѣльныхъ рѣшеній по одному и тому же иску. Поэтому, истцы должны или совершенно отказаться отъ своихъ невычисленныхъ требованій, или ходатайствовать о рассмотрѣніи всѣхъ требованій вмѣстѣ.

Гражданскіе истцы требуютъ, чтобы взысканіе убытковъ было произведено съ солидарной другъ за друга отвѣтственностью.

Несомнѣнно, что между членами правленія былъ

уговоръ,—но уговоръ о распредѣленіи занятій. Такой уговоръ не преступленіе и воочію убѣждаетъ, что уговора для совершенія преступленій не существовало. Условіе самостоятельной работы каждаго изъ членовъ правленія budgetъ исключать предварительный уговоръ, пока обвиненіе не докажетъ, что каждый изъ нихъ допускалъ по своему отдѣлу злоупотребленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не работалъ внѣ деспотическаго контроля А. К. Алчевскаго,

При такомъ порядкѣ можетъ быть рѣчь лишь о превышеніи власти, или бездѣйствіи власти, нерадѣніи.

Если говорить о солидарной отвѣтственности, то Любарскаго-Письменнаго это касается очень мало. Свидѣтели показали, что онъ бывалъ въ торговомъ банкѣ только тогда, когда учитывалъ векселя своей жены. Документы и вещественныя доказательства показали, что онъ ни къ единой бумагѣ руки не приложилъ, такъ какъ въ дѣлахъ банка участія не принималъ. Гражданскій истецъ не имѣетъ никакихъ основаній ходатайствовать о солидарной отвѣтственности.

Истецъ—земельный банкъ говорить, что было „перелито“ изъ земельного въ торговый банкъ 5.400 тыс. руб. Требованіе же предъявляется въ 2½ милл. руб.—ликвидационная комиссія надѣется на удовлетвореніе 50% суммы претензіи.

Кромѣ того, одна и та же сумма ищется и съ конкурснаго управленія. Поэтому требованіе ея въ настоящемъ процессѣ—преждевременно.

Если принять во вниманіе, что ликвидационная комиссія предвидитъ еще „неопредѣленные“ полученія — по арестованному имуществу, конкурсу Алчевскаго, продажѣ процентныхъ бумагъ, — то сумма иска уменьшится. Пока этотъ вопросъ не будетъ окончательно выясненъ, не можетъ быть рѣчи о требованіи. Искъ земельного банка двойственный и не заслуживаетъ уваженія.

Итакъ, требованіе гражданскаго истца защитникъ считаетъ беспочвеннымъ, преждевременнымъ и необоснованнымъ.

Закончилъ свою рѣчь защитникъ указаніемъ на то, что назначеніе кредитныхъ учрежденій—жить не для блага и пользы акціонеровъ, а свободными

средствами содѣйствовать экономической жизни края и предпріятіямъ. Эти промышленныя предпріятія дали возможность одному банку нажить до $3\frac{1}{2}$ мил. руб. Такъ что не только сожителі давали средства предпріятіямъ, но и предпріятія кредитнымъ учрежденіямъ. Если это такъ, то что незаконнаго въ томъ, если банкъ, въ виду болѣзни предпріятія, окажетъ ему противоуставную помощь, не корыстную, а желательную.

Защитникъ подсудимаго Н. В. Орлова, Е. Г. Л е в ч е н к о остановился на „колоссальной“ фигурѣ А. К. Алчевскаго. Покойный явился въ Харьковъ въ 1867 г.; городъ въ то время былъ уже торговый, промышленный, капитальный. Открывъ здѣсь сначала чайную лавочку, Алчевскій вскорѣ учредилъ торговый банкъ. Всѣ удивлялись, какъ много ума, знанія, энергіи было дано этому маленькому сумскому мѣщанину. Удивлялись его творческой, учредительской силѣ, и тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ никакихъ связей. Въ 1871 г. Алчевскій учредилъ земельный банкъ. Затѣмъ явились другіе предпріятія Алчевскаго, и въ числѣ ихъ Донецко-Юрьевское, которое и погубило его. Въ первый же годъ учрежденія земельный банкъ выдалъ болѣе 14 милліоновъ ссудъ. Несомнѣнно, что Алчевскій былъ творцомъ и тѣхъ практическихъ приѣмовъ, которые были въ земельномъ и торговомъ банкахъ. По его идеѣ, по его инициативѣ устроился весь порядокъ, и учрежденія держатся 30 лѣтъ. Его никто не могъ обвинить, что онъ былъ хищникомъ. Представитель обвиненія назвалъ дѣятельность Алчевскаго грюндерствомъ. Это не вѣрно. Алчевскій учреждалъ предпріятія не съ цѣлью личныхъ выгодъ. Онъ былъ полонъ энтузіазма при мысли объ оживленіи Донецкаго бассейна. Благодаря его предпріятіямъ, здѣсь поднялось рабочее благосостояніе.

Относительно операцій залога процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія и перевода денегъ изъ земельного банка въ торговый, защитникъ сказалъ, что онъ вызывались нуждами банка. По этому поводу свидѣтель Городецкій показалъ, что заклады происходили съ первыхъ дней существованія банка, и онъ самъ перевезъ Рябушинскимъ цѣнностей не

на миллионы, а на десятки миллионов рублей; свидетель же Масловский показалъ, что досрочные листы закладывались далеко до 1896 г. Обвинение было построено на началахъ растраты, но, на самомъ дѣлѣ, здѣсь эволюція другая. Банковскіе дѣятели, въ сущности, являлись со всѣми достоинствами людей и ихъ недостатками, кромѣ хищничества. Обвинение увлеклось. Оно не понимало, какъ это ипотечный банкъ можетъ нуждаться въ деньгахъ.

Далѣе, защитникъ привелъ доказательства того, что земельный банкъ оперировалъ своими капиталами и оперировалъ въ интересахъ акціонеровъ. Правленіе пользовалось своимъ правомъ, обращать часть запаснаго капитала для операцій банка и не держало „рабски“ весь капиталъ въ государственномъ банкѣ. Когда земельный банкъ потребовалъ свой вкладъ отъ торговаго, послѣдній обратился съ такимъ же требованіемъ къ Алчевскому, которому оставалось сразу реализовать массу акцій Алексѣевского общества. Реализація Алексѣевскихъ акцій повлекла бы крахъ Алчевскаго, а съ нимъ и крахъ торговаго банка, Правленіе не настаивало на реализаціи, оно не хотѣло заниматься самоубійствомъ. Алчевскій вѣрилъ въ правду своего дѣла и заражающе дѣйствовалъ на своихъ сотрудниковъ, которые сознавали, что его надо поддержать.

Затѣмъ защитникъ доказывалъ, что земельный банкъ имѣлъ право оперировать съ закладными листами досрочнаго погашенія. Эта операція началась до 1896 г., изъ отчетовъ она была извѣстна министерству финансовъ и, очевидно, соотвѣтствовала представленіямъ его о банковскихъ операціяхъ; разъ, что отчеты принимались министерствомъ,—операція санкціонировалась.

Защитникъ подсудимаго А. Н. Голева—А. Я. Неролевскій указалъ на то, что въ настоящемъ процессѣ отсутствуютъ обычные элементы имущественныхъ преступленій, отсутствуетъ поэтому и обычная атмосфера банковскихъ процессовъ. Здѣсь не вырисовывались яркія картины алчнаго хищенія тѣхъ или другихъ обвиняемыхъ, не было корыстнаго умысла, не было потерпѣвшихъ, обездоленныхъ преступленіемъ потерявшихъ свои сбереженія.

Обыкновенно, хищническое правленіе увлекаетъ въ свой банкъ вкладчиковъ рекламой, высокими процентами, и эти вкладчики, озлобленные на обвиняемыхъ, вносятъ элементъ озлобленности во всю атмосферу судебного разбирательства. Здѣсь этого нѣтъ. Здѣсь потерпѣвшими являются, съ одной стороны, акціонеры земельного банка, съ другой—ликвидационная коммиссія торговаго банка, причемъ послѣдняя взыскиваетъ деньги, которыя снова поступятъ на удовлетвореніе претензіи того же земельного банка. Среди миллионовъ, которыми измѣряютъ свои убытки эти потерпѣвшіе, цифра, которая должна поступить на удовлетвореніе вкладчиковъ торговаго банка, кажется совершенно ничтожной.

Акціонеры не могутъ возбуждать вообще такого сочувствія, какъ вкладчики, такъ какъ они имѣютъ голосъ на общемъ собраніи, они являются сами виновными въ тѣхъ дѣйствіяхъ правленія, которыя ими были одобрены. Второй элементъ—сами подсудимые. Въ нихъ нѣтъ хищнической корысти, они не воспользовались ни копѣйкой чужого имущества. Третій элементъ — самое преступленіе. Здѣсь оно не имѣетъ вовсе той опредѣленной безспорной преступности, какъ въ другихъ банковскихъ процессахъ.

Далѣе, защитникъ перешелъ къ обсужденію вопроса о томъ, какую роль сыграло въ процессѣ ограниченіе поля судебного изслѣдованія рамками 1896—1901 годъ. Спеціальный текущій счетъ съ залогомъ цѣнностей въ волжско-камскомъ банкѣ былъ открытъ земельному банку еще въ 1892 г., и на апрѣль 1896 г. долгъ по этому счету достигалъ 868,007 руб. Сношенія съ Рябушинскими еще древнѣе, и въ залогъ имъ уже лѣтъ 15—20 тому назадъ стали посылаться цѣлые вагоны закладныхъ листовъ.

Прокуроръ считаетъ прошлое земельного банка безразличнымъ для дѣла, и что злоупотребленія, творившіяся раньше, не оправдываютъ повторенія ихъ въ будущемъ. Но если защита докажетъ, что въ данномъ случаѣ птичка пропадаетъ отъ того, что коготокъ ея увязъ лѣтъ 15—20 тому назадъ, то игнорировать этого нельзя.

Важно выяснить, съ какого времени листы до-

срочнаго погашенія стали попадать въ закладъ. По словамъ свидѣтеля Криштафовича, это практиковалось постоянно. Эта операція не вносила никакого разстройства въ дѣла банка, ибо къ моменту необходимости уничтожать извѣстное количество закладныхъ листовъ, всегда можно было сдѣлать это изъ запаса листовъ комиссіонныхъ или посредствомъ выкупа заложенныхъ, или посредствомъ прикупки новыхъ. Но когда въ 1900 г. дѣла земельного банка пришли въ такое разстройство, что своей обязанности онъ выполнить не могъ, то количество листовъ, подлежащихъ уничтоженію, выросло до 6-ти милліоновъ. Въ банкѣ начиналось тревожное настроеніе.

Ревизія г. Голубева и правительственное распоряженіе о назначеніи экстреннаго общаго собранія для избранія новаго правленія произвели впечатлѣніе, которое прокуроръ справедливо назвалъ паникой.

Далѣе, не отрицая, что Алчевскій пользовался средствами земельного банка при посредствѣ торговаго, защитникъ доказывалъ, что для этого ему не было надобности вводить въ свои замыслы членовъ правленія земельного банка, но если допустить даже, что правленіе сознательно совершало этотъ переводъ денегъ, то ихъ нельзя винить и въ этомъ, такъ какъ въ ихъ сознаніи весьма легко могло не возникнуть того представленія о связи залога цѣнностей съ переводомъ денегъ въ торговый банкъ, которое только и можетъ представлять преступный умыселъ, необходимый для состава преступления.

Далѣе, защитникъ коснулся вопроса объ обвиненіи въ подлогахъ; онъ не находилъ въ дѣйствіяхъ правленія состава преступления, такъ какъ отчеты земельного банка не заключаютъ въ себѣ невѣрныхъ свѣдѣній, они страдаютъ лишь неясностью, проистекающей изъ формы. Но форма эта утверждена кредитной канцеляріей и не могла вызывать безпокойства въ членахъ правленія.

Второй защитникъ А. Н. Голева—В. А. Макаковъ указалъ на то, что Голевъ, служа въ земельномъ банкѣ, не зналъ, что въ немъ дѣлается что-либо незаконно, иначе онъ бѣжалъ бы оттуда изъ осторожности, изъ трусости. Ничто другое не руководило бы имъ, такъ какъ онъ не герой, не

фанатикъ дѣла. Здѣсь онъ не пытался оправдывать себя интересами дѣла, да это ему и не къ лицу и не къ росту. Онъ зналъ, конечно, что въ банкѣ производятся тѣ или другія операціи, но съ какою цѣлью—не зналъ.

Можно упрекнуть его, что онъ пошелъ служить туда, гдѣ все для него было непоятно, пошелъ потому, что его просилъ Алчевскій; онъ не зналъ дѣла, между тѣмъ получалъ хорошій окладъ жалованья; но посмотрите, какъ всѣ дѣйствія въ банкѣ представлялись пониманію Голева.

Голевъ—сынъ богатаго купца. Образованія ему отецъ не хотѣлъ дать. О степени грамотности Голева вы можете судить по бумагамъ, имѣющимся при дѣлѣ. Съ малыхъ лѣтъ онъ за прилавкомъ; кругозоръ его за предѣлы торговли не выходитъ; необходимыя записи онъ дѣлаетъ карандашемъ на клочкахъ бумаги. Въ 1873 году отецъ пристроилъ его къ Алчевскому въ земельный банкъ кассиромъ; здѣсь онъ прослужилъ до 1901 г. и послѣднее время былъ членомъ правленія. И вотъ Голевъ ведетъ большое дѣло. Въ характерѣ его нѣтъ властолюбія, нѣтъ честолюбія. Служащіе относятся къ нему, не скажу, пренебрежительно, но фамиллярно. Чему же научился онъ, прослужа 25 лѣтъ кассиромъ? Понималъ ли онъ сложную банковскую технику? Нѣтъ,—никогда не понималъ. Онъ привыкъ только къ своей кассѣ. Если въ ней все было хорошо, то и онъ былъ покоенъ. Онъ видѣлъ въ кассѣ массу различныхъ процентныхъ бумагъ, выдавалъ ихъ, принималъ, зналъ, что онѣ куда-то отсылались, но его не занимаялъ вопросъ—что съ ними дѣлалось и зачѣмъ? Въ это же время началась промышленная горячка, но она Голева не коснулась. Онъ имѣлъ только акціи харьковскаго земельного банка и держалъ ихъ въ волжско-камскомъ банкѣ. Давалъ онъ, правда, деньги подъ закладныя,—подъ первыя, подъ вторыя, но не увлекался оживленіемъ юга, „грюндерствомъ“, хотя и слѣпо подчинялся тому, кто оживлялъ этотъ югъ.

Знаніе банковскихъ операцій ограничивалось у Голева умѣніемъ оцѣнить недвижимость для выдачи подъ нее ссуды, умѣніемъ продать оставшееся за банкомъ имущество. Приглашая его на службу, Алчевскій сказалъ, что ему дадутъ дѣло, которое

не будетъ тяготить его. Вотъ договоръ, который лучше всякаго устава опредѣлялъ обязанности Голева. Вступивъ въ банкъ, онъ засталъ въ немъ хорошее правленіе; судя по бумагамъ, ему казалось, что всё дѣла шло хорошо; на самомъ же дѣлѣ тамъ былъ полный беспорядокъ. Бумаги онъ подписывалъ, ибо вѣрилъ въ правильность ихъ. Да и какъ было не вѣрить, когда здѣсь надъ нимъ стояла массивная фигура Алчевскаго. Если бы онъ, на первыхъ же порахъ, спросилъ о чемъ-нибудь, показавшемся ему сомнительнымъ, — получилъ бы отвѣтъ: это распоряженіе Алчевскаго.

Коснувшись затѣмъ различныхъ операцій, инкриминируемыхъ подсудимымъ, и приведя доказательство того, что Голевъ не зналъ о ихъ противууставности, защитникъ просилъ о полномъ оправданіи своего кліента.

Защитникъ подсудимаго М. Д. Журавлева—А. А. Немировичъ сказалъ, что его кліентъ служилъ въ земельномъ банкѣ съ 1873 или съ 1874 г. и въ послѣднее время завѣдывалъ юридическимъ отдѣломъ. Здѣсь онъ провѣрялъ права на закладываемыя имущества, и на его обязанности лежала продажа имѣній, оставшихся за банкомъ. Болѣе онъ ничѣмъ не завѣдывалъ и, какъ показали свидѣтели, ничѣмъ въ банкѣ не интересовался. Что на первомъ планѣ у Журавлева стояли интересы учрежденія, доказываетъ случай, когда онъ не хотѣлъ купить имѣнія Ясинской, оставшагося за банкомъ и проданнаго затѣмъ послѣднимъ съ большой выгодой. Хотя Журавлевъ и былъ въ родствѣ съ Алчевскимъ, но отношенія между ними установились далекія, холодныя.

Ни залога запаснаго капитала, ни продажи закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія, ни другихъ операцій Журавлевъ не касался. Весь переводъ денегъ въ торговый банкъ, т. е. то, что вмѣняется въ растрату, прошелъ мимо его. Когда онъ узналъ о продажѣ закладныхъ листовъ, то написалъ въ Петербургъ Городецкому письмо съ просьбой сказать Алчевскому, чтобы онъ исправилъ эту неправильность. Значить, онъ обратилъ вниманіе не на происхожденіе бѣды, а на ея появленіе, изъ чего слѣдуетъ, что здѣсь съ его стороны не было попустительства.

Могутъ сказать, что Журавлева удерживало на службѣ въ банкѣ большое жалованье и что это явленіе не этическое. Но онъ ранѣе мало получалъ жалованья, очень долго служилъ, много сдѣлалъ для учрежденія. Журавлевъ никакого преступленія никогда не совершалъ и признаніе его виновнымъ было бы величайшей несправедливостью.

Защитникъ подсудимаго О. Ф. Юркевича—Н. И. Михновскій сказалъ, что онъ защищаетъ чело-вѣка, который во время своей службы въ земельномъ банкѣ лишь номинально носилъ званіе бухгалтера, который былъ всѣми умышленно забытъ, котораго игнорировалъ всякій, имущій въ банкѣ власть, и который теперь лишь уравниенъ въ правахъ съ членами правленія и получилъ нежданно и случайно печальную роль одного изъ опаснѣйшихъ дѣятелей банковской эпопеи.

Если правильно заключеніе экспертовъ, что бухгалтеромъ долженъ считаться тотъ, кто составляетъ отчеты, и если обвинительная власть хотѣла дѣйствительно привлечь бухгалтера, то не Юркевичъ долженъ былъ занять скамью подсудимыхъ, а тотъ, кто бралъ за отчеты деньги.

До составленія отчетовъ Юркевича, какъ показали свидѣтели, не допускали, и не правъ былъ Ивановъ, заявляя, что онъ, „конечно“, не зналъ.

Въ заключеніе своей рѣчи защитникъ сказалъ, что если суду станетъ ясно, что Юркевичъ только искусственно выдвинутая фигура, подставное лицо,—то онъ, ставшій жертвою ошибки прокурорскаго надзора, не сдѣлается жертвою ошибки судебной.

Г. Вальць, защитникъ г.г. Темницкаго и Дракина, членовъ ревизіонной комиссіи земельного банка, указалъ на то, что ревизіонная комиссія стѣснена въ своей дѣятельности и вліянія не имѣла.

Къ обвиняемымъ, г.г. Темницкому и Дракину, какъ къ людямъ съ высшимъ образованіемъ, прокуроръ предъявляетъ строгіе упреки. Но вѣдь, они—по профессіи не математики, они не знакомы съ бухгалтеріей, они должны были въ короткое время провѣрить предъ общимъ собраніемъ запоздавшіе отчеты.

Найти въ нихъ неправильности въ короткое время едва-ли было возможно.

Обвиняемые не могли не видѣть дефектовъ въ отчетахъ, говорятъ обвиненіе и гражданскіе истцы.

Но, вѣдь, и ревизоръ г. Голубевъ, когда прѣхалъ спеціально для изслѣдованія злоупотребленій, тоже пропустилъ неправильное начисленіе пеней на 937 тысячъ. А, вѣдь, онъ работалъ съ цѣлымъ штатомъ банка.

Обвиняемымъ приходилось ревизовать дѣятельность банка и провѣрять отчетъ на спѣхъ. При этомъ вполне естественно не замѣтить тѣхъ ухищреній въ цифрахъ, которыя возможно раскрыть лишь съ большимъ трудомъ; гг. Темницкому и Дракину даже въ голову не приходило, что въ отчетахъ скрываются неправильныя операціи.

Соглашеніе обвиняемыхъ съ правленіемъ ничѣмъ не доказано.

Обвиняемые ничего не нажили, наоборотъ, Темницкій съ отцомъ потеряли при крахѣ до 100 тыс.

Защитникъ считаетъ г.г. Дракина и Темницкаго чуждыми всякихъ спекулятивныхъ стремленій, скромными дѣятелями и проситъ объ ихъ оправданіи.

Третьяго члена ревизіонной комиссіи земельного банка, Лысогоренко, защищалъ Куликовъ. Онъ считаетъ, что ревизіонная комиссія была поставлена въ невозможность уяснить себѣ всю сложность тѣхъ операцій банка, которыя послужили поводами для возникновенія процесса. Знаніе бухгалтеріи г. Лысогоренкомъ не можетъ явиться увеличивающимъ вину обстоятельствомъ, если, независимо отъ этого знанія, ревизія не могла открыть неправильностей вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій, недостатка времени, непредъявленія нѣкоторыхъ книгъ.

Защитникъ подробно останавливается на формѣ банковскаго отчета и доказываетъ, что о ней можно спорить, но нельзя винить ревизіонную комиссію, которая этой формой удовлетворялась. Цифры были точны, ревизоры это и удостовѣряли, а замаскированныхъ операцій угадать не могли, докопаться до нихъ не имѣли времени.

Отчеты, подписанные обвиняемыми, были согласны съ главною и кассовою книгами. Можетъ быть, г. Лысогоренко и заслуживаетъ упрека за небрежность, за недостаточную интенсивность работы по ревизіи, но нельзя обвинять его въ зломъ умыслѣ; если въ изслѣдованіи виновности г. Лысо-

горенко идти только по пути сомнѣнія, его надо оправдать.

Рѣчью Таубера, защитника Абрамова, началась защита подсудимыхъ по торговому банку. Ст. 1155 требуетъ наличности 3-хъ элементовъ преступленія и отсутствіяхотя бы одного изъ нихъ уничтожаетъ отвѣтственность. Эти элементы: неправильность операціи, ея убыточность для банка и, наконецъ, злонамѣренность. Первыхъ двухъ признаковъ нѣтъ въ нѣкоторыхъ дѣяніяхъ подсудимыхъ, послѣдняго же нѣтъ ни въ одномъ, ибо подъ злонамѣренностью законъ разумѣетъ сознаніе убыточности операціи для банка въ то время, когда она совершается.

По мнѣнію защитника, одинъ юридическій анализъ операцій можетъ намъ лишь помочь въ разрѣшеніи вопроса объ уставности или противоставности. Здѣсь, вѣдь, раздавались болѣе громкія и грозныя слова—злоупотребленія, хищенія, но чтобы сказать, что данная операція не кредитъ, хотя бы и отступающій отъ устава, а хищеніе—необходимъ анализъ ужъ экономическій. Съ экономической же точки зрѣнія кредитъ, а не хищеніе, повсюду тамъ, гдѣ капиталъ ссужается человѣку предпримчивому и для производственныхъ цѣлей. Въ этомъ задача кредита, въ этомъ его значеніе. Обезпеченность кредита залогомъ съ экономической точки зрѣнія—вещь второстепенная, ибо все дѣло въ довѣрїи къ личной предпримчивости должника.

Чтобы изслѣдовать вопросъ о хищеніи, мало разсмотрѣть отдѣльныя операціи—нужно знать, кто является должникомъ.

Здѣсь мы подходимъ къ личности покойнаго А. К. Алчевскаго, ибо его кредиты въ торговомъ банкѣ—первое, на чемъ останавливается вниманіе обвиненія. Финансовое значеніе Алчевскаго достаточно выяснилось на судебномъ слѣдствїи. Я васъ прошу только припомнить, что въ 1868 г. онъ учредилъ торговый, а въ 1871 г. земельный банкъ, въ 1879—Алексѣевское общество и въ 1894—Донецко-Юрьевскій заводъ. Уже учрежденіе первыхъ двухъ банковъ дало ему и большое состояніе, и крупное положеніе въ финансовомъ мірѣ.

Казалось, на созданіи банковъ Алчевскій могъ бы и остановиться, но онъ не могъ довольствоваться готовымъ дѣломъ, обратившимся въ рутин-

ну.—Онъ не былъ фантазеромъ, какъ его охарактеризовалъ увлекающійся гражданскій истецъ,—онъ былъ пионеромъ, который въ промышленности неустанно искалъ новыхъ путей. Эта инициатива, эта предприимчивость особенно цѣнны въ финансовомъ дѣятелѣ, особенно заслуживаютъ поддержки со стороны кредита, а въ 1896 г., когда начинается періодъ, обнимаемый обвинительнымъ актомъ, Алчевскій былъ въ зенитѣ своего богатства и славы—естественно, что всѣ банки слѣшлатъ широко открыть ему свои двери: и учетно-ссудный, и волжско-камскій, и государственный, и торговый. Но вотъ проходятъ 5 лѣтъ, и огромные кредиты превращаются въ огромные убытки, а миллионеръ—въ несостоятельнаго должника. Какъ это случилось? Случилось это благодаря промышленному кризису, котораго никто ни предвидѣть, ни предотвратить не могъ.

Кризисъ наступилъ внезапно и все сильнѣе и сильнѣе раздражался, задѣвая одно предпріятіе за другимъ. И на западѣ бывають кризисы, и тамъ есть конкуренція, протекціонизмъ, но тамъ не бываетъ неравенства въ покровительствѣ.

Гибель Алчевскаго отразилась роковымъ образомъ на всѣхъ его бумагахъ. Естественно, и торговый банкъ понесъ большія убытки, но если разсмотрѣть отдѣльныя операціи, то окажется, что тѣ изъ нихъ, на которыхъ банкъ потерпѣлъ, не противоуставны, а на тѣхъ, которыя были совершены вопреки уставу—убытка нѣтъ, а банкамъ заплатилъ сынъ покойнаго А. К.

Абрамовъ былъ близокъ къ Алчевскому—онъ служилъ въ торговомъ банкѣ съ самаго его основанія и, скопивъ путемъ упорнаго труда и всяческихъ лишеній небольшой капиталъ, сталъ помѣщать его въ предпріятія Алчевскаго. Въ глазахъ Абрамова, стоявшаго очень близко къ Алчевскому его и безъ того крупная фигура принимала колоссальные размѣры.

Можно, конечно, признать, что Абрамовъ былъ не на мѣстѣ, особенно въ то время, которое переживало наше народное хозяйство. Онъ быть можетъ, нарушалъ уставъ, и это, конечно, дурно, но это объясняется не преступнымъ умысломъ, а вообще малымъ развитіемъ въ нашемъ обществѣ чувства законности.

Мнѣ остается еще предъявить встрѣчный искъ къ гражданскому истцу. Предметомъ иска является предсмертное письмо Алчевскаго, которое у подсудимыхъ пытается оттягать гражданскій истецъ. Это послѣдній даръ, который раззорившійся миллионеръ Алчевскій, готовясь вступить за грань земного бытія, прислалъ своимъ долголѣтнимъ сотрудникамъ. Алчевскій въ этомъ письмѣ всю вину взялъ на себя и, быть можетъ, онъ себя такъ жестоко покаралъ, чтобы вы были милостивы къ здѣсь сидящимъ.

Второй защитникъ подсудимаго Д. А. Абрамова. П. Г. Мироновъ указалъ на то, что если обвиняемые и сгубили свой банкъ, неосторожно и неправильно кредитуя Алчевскаго, все же они не были хищниками, способными пользоваться своимъ положеніемъ, властью, чтобы растаскать по карманамъ, а между тѣмъ, нравственная тяжесть подобнаго обвиненія бесспорно тяжелѣе всякаго обвиненія въ нарушеніи устава.

Алчевскій не былъ, по его мнѣнію, ни фанатикомъ своихъ идей, ни празднымъ фантазеромъ, а только энергичнымъ коммерсантомъ, не лишеннымъ, во всякомъ случаѣ, практическаго пониманія дѣлъ; онъ вѣрилъ въ свои предпріятіи и никогда не былъ биржевымъ спекулянтномъ,—своихъ бумагъ онъ не сбывалъ на биржѣ въ минуты ихъ подъема, а держалъ ихъ, какъ хозяинъ, у себя до конца своихъ дней. Глядя на него, и подсудимые крѣпко держали бумаги этихъ предпріятій, которыхъ страшное паденіе послѣ смерти Алчевскаго вызвало и ихъ раззореніе. Вѣдь, было же время, когда донецко-юрьевскія акціи стоили 640 руб.; продай ихъ въ то время Абрамовъ, онъ, разумѣется, нажилъ бы большое состояніе, но и онъ вѣрилъ въ будущность предпріятія Алчевскаго и твердо держалъ за собой эти цѣнности, въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ банкомъ, раззорившія его.

Алчевскій вѣрилъ, что минеть, наконецъ, тяжелое, ненормальное экономическое состояніе нашего народа, и могъ ли знать онъ и предвидѣть тѣ военно-политическія событія послѣднихъ годовъ, которыя поглотили огромныя средства? Да если бы Алчевскій могъ тогда прочесть недавно опубликованный всеподданнѣйшій докладъ министра фи-

нансовъ о поѣздкѣ на Дальній Востокъ, если бы узналъ онъ ту цифру, читая которую не вѣрилось своимъ глазамъ, — цифру въ миллиардъ рублей, пошедшихъ на устройство Сибирской и Манджурской дорогъ, онъ и самъ бы сказалъ, что не время теперь затѣвать широкія металлургическія предпріятія для народа; онъ понялъ бы, что отъ этого народа нельзя скоро ждать развитія его платежныхъ средствъ. Но всего этого Алчевскій не зналъ и вѣрилъ, какъ и всѣ мы, въ подъемъ народнаго благосостоянія. А задача, положенная имъ въ основу созданія д.-юрьевскаго завода, — сбывать на него свой собственный уголь изъ Алексѣевскихъ рудниковъ, т. е. создать хозяйство, потребляющее продукты собственного производства, эта задача есть осуществленіе самаго практическаго отношенія къ дѣлу промышленности.

Онъ къ деньгамъ жаденъ не былъ, а только къ дѣламъ, и на предложеніе продать часть Алексѣевскаго предпріятія онъ презрительно отвѣтилъ: „неужели ты думаешь сидѣть и рѣзать купоны“?

Что касается убытковъ, причиненныхъ операціями самихъ членовъ правленія, то прежде всего надо сказать, что эти убытки не вызвали краха банка. Просмотрите отчеты банка за 30 лѣтъ. Ежегодно большія суммы списывались на убытокъ, доходившія до 100.000 р., и, тѣмъ не менѣе, выдавался дивидендъ, доходившій до 150.000 р. въ годъ! Убытокъ за членами правленія обвинительный актъ считаетъ до 500.000 р. Стоило, значить, не выдавать дивиденда и эти убытки были бы покрыты. Въ крахъ банка всѣ члены правленія болѣе или менѣе потеряли свои капиталы.

Разсматривая состоятельность членовъ правленія, защитникъ доказывалъ ихъ право на кредитъ, что доказано уплатой большей части долговъ уже послѣ краха банка. Потери по ссудамъ произошли исключительно отъ неожиданнаго паденія цѣны на эти бумаги.

Что касается самого Абрамова, то защитникъ горячо протестуетъ противъ причисленія Абрамова къ хищникамъ. Онъ не взялъ ни единой копѣйки безъ права, онъ самъ потерялъ не только все состояніе, но часть его средствъ еще до краха ушла на поддержаніе того же банка.

По векселямъ Абрамовъ вовсе не кредитовался. Его операціи по залогу бумагъ вызываютъ улыбку, но никакъ не упреки.

Были годы, когда подъ бумаги, стоившія 210.000 руб., онъ бралъ подъ залогъ 30.000 руб., подъ бумаги, стоившія 170.000 руб., бралъ только 3.000. Онъ просто хранилъ въ своемъ банкѣ свои бумаги и позволялъ ихъ перезакладывать въ другихъ банкахъ для поддержанія средствъ торговаго банка, для подкрѣпленія его кассы. Въ послѣдніе годы его задолженность усилилась.

Въ день смерти Алчевскаго, онъ былъ долженъ 221.000 руб., а бумаги его стоили 271.000.

Абрамовъ былъ вполнѣ корректенъ по своимъ счетамъ и не можетъ считаться виновнымъ за паденіе бумагъ, ниѣмъ не ожидавшееся и въ размѣрахъ не предвидѣнное.

Абрамовъ добровольно предложилъ ликвидационной комиссіи взять его домъ, стоящій 50.000 руб.; домъ этотъ былъ свободенъ, онъ могъ его продать, заложить, но онъ отдалъ его банку, была сдѣлана закладная и, пока возились съ разными формальностями, на домъ оказалось запрещеніе, наложенное присяжными попечителями того же торговаго банка, и только потому не состоялась закладная. Но и этого мало. Торговый банкъ, строго говоря, остался долженъ Абрамову. Акціи полтавскаго земельного банка—273 штуки, принадлежавшія Абрамову и заложенные имъ за безцѣнокъ, были перезаложены въ волжско-камскомъ банкѣ, деньги поступили въ кассу банка, а послѣ его краха акціи были проданы волжско-камскимъ, и по расчету кассира убытокъ Абрамова былъ въ этомъ случаѣ не менѣе 60.000 руб. Эти деньги были его, а онъ ушли на поддержаніе банка.

Предъ вами по истинѣ странный, небывалый типъ банковскаго хищника въ лицѣ Абрамова. Ни копѣйки онъ не взялъ изъ банковскаго сундука, хотя могъ это сдѣлать; убытки, имъ невольно причиненные, онъ стремился добровольно вознаграждать и отдалъ все, что у него было; своими руками отдалъ часть своихъ средствъ банку, чтобы поддержать его въ тяжелую минуту. И это хищникъ! Можетъ быть, не справился онъ съ порученнымъ ему дѣломъ, можетъ быть, осторожнѣе, осмотри-

тельнѣе долженъ былъ онъ относиться къ вручен-
нымъ его руководительству средствамъ банка, мо-
жетъ быть, онъ долженъ за это понести кару, но
онъ не хищникъ.

Скромный труженикъ, почти конторщикъ, поса-
женный въ члены правленія Алчевскимъ лишь для
того, чтобы былъ дѣловой человѣкъ, былъ работ-
никъ въ правленіи, Абрамовъ получалъ и въ но-
вомъ званіи не многимъ болѣе прежняго его бух-
галтерскаго жалованья. Онъ вѣрилъ человѣку, ко-
торый вывелъ его въ люди, вѣрилъ своему банку,
довѣрчиво отдавалъ ему свои средства, онъ, не
взявшій чужого, потерялъ все свое достояніе, ли-
шился крова, — его домъ на-дняхъ проданъ съ мо-
лотка—и ему грозитъ не только тюрьма, не только
позоръ лишенія правъ, но уже теперь преслѣдуетъ
озлобленіе общества, позорная кличка „хищника“!

Къ вамъ, гг. судьи, идетъ защита, въ вашемъ
приговорѣ съ упованіемъ ждетъ отрады для обви-
няемыхъ. Если вы ихъ даже покараете за отступ-
ленія отъ закона, то сумѣете снять съ нихъ позо-
рящіе упреки въ нравственномъ банкротствѣ, да-
дите имъ возможность и послѣ приговора открыто
глядѣть въ глаза честнымъ людямъ, вы сумѣете
и въ осужденныхъ видѣть людей не преступныхъ,
а несчастныхъ.

Послѣ П. Г. Миронова говорилъ защитникъ В. Н.
Алчевскаго, Л. А. Куперникъ.

Г. прокуроръ палаты предостерегалъ насъ отъ
загроможденій дѣла мелочами. Но въ уголовныхъ
дѣлахъ, какъ и въ жизни, мелочей нѣтъ, или, какъ
говоритъ Максимъ Горькій: „никакая блоха не пло-
ха—всѣ черненькія и подпрыгиваютъ“. О динь ка-
кой-нибудь штрихъ, какая-нибудь мелочь иной разъ
освѣщаютъ дѣло лучше цѣлаго ассортимента до-
водовъ.

Приписываемую обвиняемымъ цѣль я совершен-
но отвергаю. Цѣль всѣхъ дѣйствій В. Н. Алчевскаго
и остальныхъ членовъ правленія была доставить
выгоду, но законную—себѣ, банку, А. К. Алчевско-
му. Первоначально и въ предѣлахъ человѣческой
предусмотрительности отъ нихъ нельзя было ожи-
дать ущерба для банка.

Подсудимому В. Н. Алчевскому теперь 37 лѣтъ,
а во время возникновенія торговаго банка, 35 лѣтъ

тому назадъ, ему было 2 года, и онъ свободно могъ прогуливаться подъ любымъ изъ столовъ, за которыми онъ впоследствии засѣдалъ, какъ членъ правленія. Попадъ, вѣроятно, благодаря А. К. въ правленіе, онъ засталъ тамъ прочно установившіеся порядки, засталъ тамъ людей старыхъ, почтенныхъ, опытныхъ, въ честности и корректности которыхъ онъ не сомнѣвался, не могъ сомнѣваться. О чемъ могли они съ нимъ или онъ съ ними уговариваться?

Вглядываясь въ положеніе В. Н. Алчевскаго на новомъ мѣстѣ, я не могу остановиться на грандіозной, подавляющей фигурѣ А. К., имѣвшаго роковое влияніе на это дѣло, и на котораго это и другія дѣла имѣли еще большее роковое влияніе. На нихъ онъ сложилъ свою старую голову, изъ-за нихъ онъ принялъ смертную муку. Его влияніе на людей вообще и, въ частности, на обвиняемыхъ было огромное.

Было ли подъ силу всѣмъ обвиняемымъ и каждому въ отдѣльности, въ частности молодому племяннику А. К., бороться съ его волей, возставать противъ его требованій? Прибавьте къ этому убѣжденіе въ непогрѣшимости А. К., вѣру въ его могущество, связи, честность, и вы согласитесь, что никакого уговора между членами правленія не могло быть, да и не нужно было: съ одной стороны, былъ А. К., съ другой—члены правленія, его воля была закономъ: онъ не подведетъ, онъ выручитъ.

Ни самъ Алчевскій, ни кто либо другой не могъ имѣть никакихъ опасеній за будущее. Но не прошло и 2½ лѣтъ послѣ этого блестящаго момента, и А. К. погибъ, съ нимъ погибла масса дѣлъ и предпріятій, погибъ и торговый банкъ, и чуть было не погибъ земельный. Но торговый банкъ погибъ потому, что отъ него потребовали немедленно уплаты всего долга—5 милл. рублей съ лишнимъ. Развѣ какой-нибудь банкъ, хотя бы самый здоровый, былъ въ состояніи выполнить такое требованіе? Почему не дано было торговому банку воспользоваться тѣмъ, что главный его должникъ—Алексѣевское общество—получивъ субсидію, могъ заплатить часть своего долга, и помогъ бы ему выпутаться изъ его труднаго положенія? Почему, наконецъ, не были созваны хозяева банка, акціонеры, какъ то было сдѣлано въ земельномъ банкѣ? Я увѣренъ, что при нѣкото-

ромъ терпѣнія и поддержкѣ торговый банкъ могъ устоять. Изъ этого я вывожу, что гибель торговаго банка, а слѣдовательно, и всѣ убытки его произошли не отъ неправильныхъ дѣйствій членовъ правленія, а отъ постороннихъ причинъ, отъ стеченія неблагоприятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ они не повинны.

Вопросъ о выдачѣ А. К. Алчевскому 425 Александровскихъ и 300 рафинированныхъ акцій былъ здѣсь сильно вентилированъ. Что это выдача была растратой, то это вѣрно, и въ этомъ мы не споримъ съ обвиненіемъ. Но мы не согласны съ нимъ во взглядѣ на пополненіе этой растраты.

Была ли эта растрата пополнена? Конечно, да. Послѣ смерти А. К. всѣ его близкіе не могли не видѣть, что выдача залоговъ, будучи растратой со стороны членовъ правленія, бросала тѣнь на память А. К. Вотъ почему его сынъ, невѣстка и жена сочли своей обязанностью этотъ случай регулировать. И вся недостака по этой растратѣ всецѣло падаетъ на отвѣтственность ликвидационной комиссіи, которая поступила неправильно.

Мнѣ остается сказать объ онкольномъ счетѣ В. Н. Алчевскаго и счетѣ его по переходящимъ суммамъ. Наиболѣе существеннымъ въ уголовномъ смыслѣ я считаю то, что, какъ сказали эксперты, ни съ онкольнаго, ни со счета переходящихъ суммъ В. Н. Алчевскій ничего не бралъ, дивиденды оставлялъ на погашеніе счета, также какъ и всякую копѣйку прибыли отъ реализаціи бумагъ. Изъ этого вы, я надѣюсь, убѣдитесь, что не къ наживѣ на счетъ банка стремился В. Н. Алчевскій, а къ тому, чтобы расплатиться, поправить свои ошибки. И онъ бы этого достигъ, если бы не случилось катастрофа, перевернувшая вверхъ дномъ все и вся.

Общій обзоръ дѣйствій членовъ правленія приводитъ къ слѣдующей квалификаціи: все, что они дѣлали по отношенію къ А. К. Алчевскому, было законно, объяснялось его личностью и положеніемъ. Выдача залоговъ была актомъ незаконнымъ, растратой, но растратой, пополненной до возбужденія дѣла, наконецъ, все, что они дѣлали для себя, было если и неправильно, то не злонамѣренно и безъ вмѣшательства постороннихъ обстоятельствъ не повело бы къ ущербу для банка. Въ этомъ отношеніи настоя-

щее дѣло рѣзко отличается отъ всѣхъ бывшихъ доселѣ банковскихъ дѣлъ: никто ничего не похитилъ, не наживалъ. Специально В. Н. Алчевскій исключительно конопатилъ старые порядки, образовавшіеся еще до вступленія его въ члены правленія торговаго банка.

Разсматривая его онкольный счетъ, эксперты признали, что это былъ счетъ съ покупкой % бумагъ, т. е. биржевая игра. На великое свое несчастье попалъ В. Н. Алчевскій въ эту капиталистическую оргію, попалъ на этотъ шабашъ, гдѣ, вмѣсто вѣдьмъ, фигурируютъ маклера и дѣльцы, и гдѣ ѣздить не на метлахъ, а на акціяхъ и паяхъ, дивидендахъ и купонахъ. И празднуется эта Вальдургиева ночь не на Брокенѣ, а на явныхъ и тайныхъ биржахъ, въ тиши кабинетовъ официальныхъ и неофициальныхъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше оргія разгорается, прыжки становятся смѣлѣе и сильнѣе, принимаютъ конвульсивный характеръ, превращаются, наконецъ, въ пляску св. Вита. И тогда наступаетъ трагическій, мрачный, озаренный кровавымъ блескомъ финалъ...

И этотъ страшный моментъ пришлось переносить В. Н. Алчевскому. Гибель дяди, крушеніе всей жизни, нищета, позоръ, тюрьму, что же будетъ дальше? Неужели ко всѣмъ испытаніямъ его и семьи вы присоедините ужасъ арестантскихъ ротъ?

Защитникъ Куксина Даниловичъ отрицаетъ у обвиняемыхъ сознательность, злонамѣренность, цѣль доставить себѣ незаконную выгоду. Кредитъ, открытый г. Куксину и другимъ, былъ старый кредитъ, разрѣшавшійся до 1902 года; причемъ новый законъ далъ 3 льготныхъ года для заключенія кредита. Упрекъ защитѣ прокурора за наводненіе дѣла излишними подробностями г. Даниловичъ возвращаетъ обратно; прокуроръ, какъ опытный кормчій выбрасываетъ за бортъ отягощающій его балластъ. Но выкидываемыя имъ обстоятельства для подсудимыхъ очень важны, они освѣщаютъ мотивы, намѣренія подсудимыхъ. А. К. Алчевскій былъ крѣпкими узами связанъ съ промышленностью, и когда она пошла къ упадку, погибъ покойный. Въ предпріятіяхъ его погибли капиталы многихъ фирмъ и людей. Государственному и волжско-камскому банкамъ А. К. Алчевскій остался должнымъ около

5 милліоновъ. Слѣдовательно, не одни харьковскіе банки вѣрили ему и не видѣли особаго риска его кредитовать. Въ послѣдніе годы дѣятельности А. К. Алчевскаго была вакханалія металлургіи. Но она явилась съ запада и получила гостепріимный приѣмъ не только у финансистовъ и частныхъ предпринимателей, но и у казны; обильный дождь казенныхъ заказовъ лился на эту промышленность золотымъ потокомъ. Но скоро убѣдились, что темной массѣ, воздѣлывавшей землю, было не до грибовъ въ видѣ продуктовъ мегаллургическихъ заводовъ, когда не хватало хлѣба насущнаго. Въ промышленности разочаровались, сознавъ, что ея нормальное развитіе, развитіе безъ протекціонизма, немислимо до тѣхъ поръ, пока народный рынокъ не имѣетъ платежныхъ силъ, пока народъ не вышелъ изъ тьмы и тяжелой нужды. Если все кругомъ увлеклось протекціонизмомъ металлургической промышленности, нельзя строго судить за увлеченіе ею А. К. Алчевскаго и его сотрудниковъ, которые хотѣли содѣйствовать оживленію юга путемъ созданія ряда промышленныхъ предпріятій. Свидѣтели показали, что роли гг. Куксина и Авилова въ торговомъ банкѣ были второстепенными. Въ серьезныхъ совѣщаніяхъ они не участвовали. Долгъ г. Куксина банку вполне обезпеченъ, онъ отдаетъ все достояніе на покрытіе своего долга.

Г. Даниловичъ призываетъ снисхожденіе суда къ легкомыслію своего кліента, которымъ не руководила злая воля.

Слѣдуетъ рѣчь г. Приходькова, защитника г. Авилова. Послѣдній такъ же, какъ и г. Куксинъ, не игралъ никакой роли въ правленіи торговаго банка.

Г. Авилова А. К. Алчевскій взялъ въ банкъ, какъ толковаго, аккуратнаго труженика, которому можно довѣрить и который будетъ точнымъ исполнителемъ. Г. Авилонъ пошелъ въ банкъ не изъ корысти, не изъ честолюбія. Онъ уже давно слышалъ о силѣ и вліяніи А. К. Алчевскаго, и когда тотъ пригласилъ его, онъ счелъ это за честь. Г. Куксинъ и Авилонъ, не сознавая того сами, служили чернорабочими для правленія, они подписывали то, что имъ давали, далекіе отъ мысли о чемъ-либо неправильномъ. Защитникъ отрицаетъ злославіе

ность и другихъ банковыхъ операцій, инкриминируемыхъ г. Авиллову. Въ совѣщаніяхъ правленія съ А. К. Алчевскимъ о дѣлахъ послѣдняго г. Авилловъ участія не принималъ.

Авилловъ кается въ томъ, что онъ промѣнялъ старозавѣтную торговлю на заморскую выдумку — банкъ; онъ кается, что безъ умысла попалъ въ дѣло, гдѣ дѣйствовалъ, какъ статистъ, и откуда вышли разоренными не только вкладчики, но и виновники банковскаго краха.

Оправданіе г. Авиллова, говоритъ защитникъ, поможетъ ему честно расплатиться и вернуть семью и обществу скромнаго, по несчастью попавшаго въ чуждое ему дѣло, работника, который своими послѣдними крохами готовъ возмѣстить свой долгъ.

Защитникъ г. Орлова г. Левченко указалъ, что г. Орловъ въ торговомъ банкѣ занималъ, какъ депутатъ, особое положеніе. Ревизовалъ отчетность и кассу г. Шафранекъ. Г. Орловъ даже не подписывалъ бумагъ. Бухгалтерія давала депутатамъ лишь общія цифры. Г. Орловъ, по утвержденію защитника, погасилъ свои обязательства, что устраняетъ мысль о корыстной цѣли. Въ банкахъ были не хищенія, а хаосъ, начало котораго надо искать еще въ давнія времена.

Защитникъ указалъ, что г. Орлову предлагали мѣсто директора банка въ Харьковѣ же съ 24 тысячами жалованья, но онъ отказался. Неужели для того, спрашиваетъ г. Левченко, чтобы съѣсть на скамью подсудимыхъ изъ за 15 тысячъ?

А. К. Алчевскій погибъ изъ за экономическихъ причинъ, изъ за промышленнаго кризиса. Послѣдствіемъ явился крахъ торговаго банка; всѣ дѣйствія подсудимыхъ клонились къ его предотвращенію, и несчастье, а не хищничество, по мнѣнію г. Левченко, виной всего происшедшаго.

Послѣднимъ изъ защитниковъ говорилъ г. Гонтаревъ. Онъ заявилъ, что его кліентъ г. Сухановъ обвиняется въ крупной растратѣ, но это невѣрно, такъ какъ Сухановъ не былъ кассиромъ, а былъ помощникомъ бухгалтера. Поэтому, строго юридически г. Сухановъ платежей не принималъ. Онъ былъ частной передаточной инстанціей, исполняя порученія частныхъ лицъ, которыя ему довѣряли.

Должностное преступленіе должно касаться той сферы, въ которой преступникъ дѣйствуетъ, иначе это уже дѣяніе совершенно иного рода, ничего общаго съ служебнымъ положеніемъ не имѣющее. Г. Сухановъ могъ бы быть судимъ, по мнѣнію защитника, лишь за присвоеніе въ сферѣ частныхъ отношеній. Это присвоеніе, если и было, то оно по-полнено. Гражданскій истецъ отказался отъ претензіи къ г. Суханову, считая ее гарантированной помимо суда.

Защитникъ признаетъ г. Суханова виновнымъ лишь въ израсходованіи на себя извѣстныхъ суммъ, повѣренныхъ ему знакомыми. Это простая, а не должностная растрата, притомъ совершенная по легкомыслію. У него не было злого умысла, онъ наталкивался на соблазнъ и не могъ устоять предъ нимъ, запутывался все больше и больше. Защитникъ проситъ судъ о признаніи въ дѣяніяхъ Суханова смягчающихъ обстоятельствъ.

Послѣ рѣчей защитниковъ прокуроръ сдѣлалъ возраженія.

Съ большимъ вниманіемъ, сказалъ прокуроръ, я выслушалъ здѣсь рѣчи моихъ уважаемыхъ оппонентовъ, среди которыхъ есть нѣсколько блестящихъ въ русской адвокатурѣ именъ. Но эти рѣчи нисколько не поколебали моихъ убѣжденій въ виновности подсудимыхъ. Я хочу только обратить вниманіе на нѣкоторые приемы, допущенные защитой, по моему мнѣнію, едва ли правильные. Напримѣръ, защитникъ Суханова приписывалъ мнѣ тенденцію, о которой я и не помышлялъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, будто я называлъ Суханова кассиромъ, и даже указывалъ, что это было сказано мною 6 разъ. На самомъ дѣлѣ я только сравнивалъ Суханова съ кассиромъ прежняго типа. Я привожу этотъ эпизодъ лишь, какъ характеристику нѣкоторыхъ приемовъ защиты. Далѣе, я взываю къ возмездію за правонарушенія ради удовлетворенія не только общественнаго негодованія, какъ здѣсь говорилось, но и ради удовлетворенія справедливости.

Защитникъ г. Голева, увлекшись психологіей своего кліента, перешелъ и къ анализу моей, прокурорской, психологіи. Онъ, напримѣръ, утверждалъ, что „прокуроръ и самъ не увѣренъ“ въ виновности Голева. Если бы у меня на этотъ счетъ были

сомнѣнія, то я не преминулъ бы воспользоваться тѣмъ благороднымъ правомъ, какое въ такихъ случаяхъ предоставлено законодателемъ прокурорскому надзору: я отказался бы отъ обвиненія г. Голева.

Далѣе, прокуроръ указалъ, что защитникъ Гольдштейнъ, говоря о сокрытіи правленіемъ истины въ отчетахъ, сказалъ, въ объясненіе этого, что „самыя благородныя побужденія могутъ иногда заставлятъ лгать“! Развѣ это оправданіе? Вѣдь, это принципъ іезуитовъ! Точно также нельзя признать нравственно-убѣдительными, по мнѣнію прокурора, ссылку прис. пов. Немировскаго на англійскую пословицу: „если ты не хочешь, чтобы тебѣ лгали—не спрашивай“ и недоумѣніе, выраженное другимъ защитникомъ: „можно ли выносить коммерческую тайну на улицу?“

Все это софизмы, и только софизмы.

Защита много говоритъ о неосторожности. Но не слѣдуетъ забывать, что нарушать статьи устава по неосторожности нельзя; можно по неосторожности чего-нибудь не доглядѣть, но сдѣлать что-либо активное, какимъ и являются злоупотребленія по банку,—нельзя. Неосторожность можетъ быть еще допустима у членовъ ревизіонной комиссіи—проверяющихъ только, но не у членовъ правленія—дѣйствующихъ. Заявленіе прис. пов. Левченко, что не земельный банкъ долженъ искать съ торговаго, а наоборотъ, торговый съ земельного—г. прокуроръ считаетъ парадоксальнымъ.

Г. Маклаковъ, — продолжаетъ прокуроръ, — въ своей очень интересно задуманной психологической рѣчи охарактеризовалъ Голева, какъ человѣка осторожнаго, скупого, аккуратнаго и подозрительнаго. Въ дѣйствительности Голевъ вовсе не какой-то невмѣняемый человѣкъ, онъ вовсе не такъ ограниченъ и не такъ несвѣдущъ во всемъ, кромѣ своего лишь мучнаго дѣла, какъ его выставляютъ здѣсь передъ Вами. Онъ вотъ былъ-же въ теченіе 10 лѣтъ старшиной биржевого комитета—это что-нибудь да значить.

Несправедливыми считаетъ представитель обвиненія и тѣ упреки, которые здѣсь посылались по адресу ликвидаціонной комиссіи, будто бы она виновата въ потерѣ на возмѣщенныхъ Д. А. Алчевскимъ цѣнностяхъ.

Прокуроръ возражаетъ также противъ положеній защитника Суханова, старавшагося доказать, что въ преступленіи послѣдняго нѣтъ признаковъ служебной растраты. Это совершенно несправедливо, такъ какъ Сухановъ получалъ деньги отъ разныхъ лицъ не на улицѣ, въ конкѣ и т. п., и не какъ отъ своихъ знакомыхъ, а все это происходило въ банкѣ, и деньги брались у этихъ лицъ, какъ у кліентовъ банка.

Обѣ стороны: и я, и защита исчерпали свои доводы—кончаетъ свою рѣчь прокуроръ—взвѣсьте ихъ, г.г. судьи, и разсудите.

Гражданскій истецъ Плевако сравниваетъ обвиняемыхъ съ приказчиками, которые безъ вѣдома хозяевъ (акціонеровъ) нанесли имъ ущербъ, открывъ рискованный кредитъ малосостоятельному; онъ настаиваетъ на гражданскомъ искѣ даже при признаніи дѣйствій обвиняемыхъ согласными съ уставомъ, въ виду несомнѣнно причиненныхъ ими убытковъ, вызванныхъ операціями, рискованными и не вызывавшимися интересами банковъ. Обвиняемые хотѣли создать новые кредитные законы, но, по его мнѣнію,—великое счастье, что банкирамъ не предоставлена законодательная власть. Онъ упрекаетъ защиту за обидные намеки для новаго правленія земельного банка.

Послѣ замѣчаній, сдѣланныхъ гражданскимъ истцомъ, начались рѣчи защитниковъ.

Защитникъ Любарскаго, Гольдштейнъ, указалъ на то, что благосостояніе Любарскаго создано не его службой въ 3 банкахъ, какъ думаетъ прокуроръ. Заарестованное нынѣ имущество его—это родовыя имѣнія. На биржѣ Любарскій не игралъ. Прокуроръ, 1½ года разслѣдовавшій дѣла, не установилъ, что Любарскій обогащался посредствомъ игры на биржѣ. *Noblesse oblige*—говоритъ обвинитель, но 30 лѣтъ тому назадъ критиковать Алчевскаго дворянство не могло,—для него онъ былъ гений. Каждымъ шагомъ Алчевскій убѣждалъ дворянство въ своей силѣ, и даже изъ крупныхъ затрудненій, въ которыя попалъ передъ турецкой войной, побѣдоносно вышелъ.

Денисовъ поддерживаетъ свое мнѣніе, что сохраненіе коммерческой тайны, требуемое закономъ, препятствовало обвиняемыхъ при затрудненіяхъ

банка подчеркивать въ отчетѣ банка такія операціи, вызванныя экономическими условіями, которыя могли повредить банку въ финансовыхъ сферахъ, уронить его акціи.

Бѣлый возражаетъ на рѣчь Плевако. Повторяя, что Любарскій не отказывается отъ уплаты своихъ долговъ, защитникъ считаетъ неправильнымъ предьявленіе иска къ обвиняемымъ въ уголовномъ судѣ и ссылается на уже высказанные имъ мотивы о преждевременности исковъ къ обвиняемымъ.

Бѣлый призываетъ судъ отнестись справедливо къ подсудимымъ въ отношеніи ихъ гражданской отвѣтственности.

Левченко указываетъ на давнюю задолженность торговаго банка земельному, отрицаетъ злонамѣренность подсудимыхъ, проситъ къ нимъ не милости, а одной справедливости.

Немеровскій указываетъ, что въ настоящемъ процессѣ обвиненіе слишкомъ много ставитъ на счетъ подсудимымъ, останавливается на подробностяхъ отчетности, говорить, что нельзя считать подложнымъ отчета, гдѣ нѣтъ невѣрностей, но только рубрики котораго не всѣ полны.

Маклаковъ говоритъ, что биржевой комитетъ, въ которомъ участвовалъ Голевъ, былъ подъ вліяніемъ А. К. Алчевскаго, и подсудимый едва ли могъ тамъ чему-либо научиться, а могъ только развѣ убѣдиться, что дѣла предпріятій покойнаго идутъ блестяще. Поэтому, онъ оспариваетъ мнѣніе прокурора о томъ, что Голевъ понималъ банковскія дѣла, и поддерживаетъ свою характеристику подсудимаго, неспособнаго на коммерческіе расчеты, болѣе сложные, чѣмъ балансъ его лавки. Съ личностью Голева не мирится понятіе о хищничествѣ.

Михновскій протестуетъ противъ брошеннаго ему прокуроромъ упрека въ передержкѣ. Онъ читаетъ документъ предварительнаго слѣдствія, откуда видно, что подсудимый Юркевичъ активнаго участія въ бухгалтеріи банка не принималъ.

Вальцъ указываетъ на фактъ нахождения въ порядкѣ кассы торговаго банка при ревизіи и доказываетъ, что члены ревизіонной комиссіи земельного банка не могли увидѣть злоупотребленій.

Куликовъ повторяетъ свои доводы о невинности г. Лысогоряно.

Тауберъ спорить о юридической квалификаціи состава преступления и дополняетъ свои прежніе доводы.

Мионовъ говоритъ, что отступленія отъ устава диктовались не злой волей, а желаніемъ поправить пошатнувшіяся дѣла банка. Убытки торговаго банка объясняетъ паникой послѣ катастрофы и приводитъ подробныя возраженія гражданскимъ истцамъ.

Куперникъ отъ имени всѣхъ товарищей по защитѣ благодарить особое присутствіе за внимательное отношеніе къ защитѣ, которая можетъ сказать „*Feci quod potui, faciant meliora potentes*“.

Предсѣдательствующій предлагаетъ подсудимымъ воспользоваться правомъ послѣдняго слова.

Любарскій-Письменный сказалъ, что отказался бы совершенно отъ послѣдняго слова, если бы прокуроръ въ молчаніи не видѣлъ полного признанія нашей вины. На вопросы судебного слѣдователя, на судебномъ слѣдствіи и здѣсь теперь, онъ объявляетъ, что не только не совершалъ преступленія, но совершенно сознательно относился къ тому, что творилось вокругъ него. На судебномъ слѣдствіи онъ узналъ много для себя новаго—листы досрочнаго погашенія, ихъ закладъ и т. п.

Меня, заявилъ подсудимый, обвиняютъ въ томъ, что я закладывалъ запасный капиталъ земельного банка. По уставу я считаю это правильнымъ, кромѣ того для меня разрѣшеніе кредитной канцеляріи—законъ. Закладные листы закладывались, когда оказывалась въ этомъ необходимость, и кредитная канцелярія вполнѣ удовлетворилась объясненіями, данными А. К., т. е. считала операцію правильной. Меня обвиняютъ, что деньги я передавалъ въ торговый банкъ. Можно-ли это считать преступленіемъ, когда каждому банку было предоставлено держать деньги, гдѣ захочетъ.

Что касается до обвиненія меня въ подлогѣ въ отчетахъ, то у меня даже и словъ нѣтъ... Отъ меня требовалось, чтобы цифры были правильныя, а это было такъ, въ бухгалтеріи же я ничего не понималъ. Что касается торговаго банка—я въ его дѣлахъ почти не участвовалъ. Я бы никогда не позволилъ себѣ произносить рѣчь, если бы не принудилъ меня къ этому прокуроръ. Каждое слово,

здѣсь сказанное, облито кровью моихъ страданій. Я не совершалъ преступленій и признать себя виновнымъ не могу!—твердо закончилъ подсудимый.

Орловъ сказалъ, что въ лицѣ присутствующаго здѣсь городского головы, представителя общества, онъ желаетъ отдать отчетъ обществу, такъ какъ по выборамъ 27 лѣтъ безсмѣнно прослужилъ гласнымъ.

До поступленія въ земельный банкъ, заявилъ подсудимый, я 26 лѣтъ прослужилъ въ городскомъ банкѣ. Подъ конецъ я получалъ такое же жалованье, какъ и директоръ, да, кромѣ того, еще извѣстный процентъ изъ прибылей. Мои отчеты были составлены такъ, что къ намъ ѣздили учиться, и я выпустилъ много учениковъ, служащихъ нынѣ въ разныхъ банкахъ Россіи. Въ 1863 г. я познакомился съ покойнымъ Алчевскимъ. Знакомство наше произошло при очень драматическихъ для него обстоятельствахъ: описывали его обстановку за какой-то долгъ въ 150 р. Я помогъ ему, и онъ съ той поры считалъ себя какъ бы обязаннымъ мнѣ. Когда былъ учрежденъ земельный банкъ, онъ сталъ звать меня въ члены правленія. Я все отказывался и лишь въ 1892 г. поколебался и принялъ это мѣсто. Я зналъ, что у Алчевскаго тяжелый характеръ, но деспотизма въ немъ я не видѣлъ. Когда я занялъ свое мѣсто, я сразу почувствовалъ весь деспотизмъ Алексѣя Кирилловича: онъ на каждомъ шагу ставилъ мнѣ препятствія. Я рѣшилъ тогда твердо поговорить съ Алексѣемъ Кирилловичемъ и въ отвѣтъ услышалъ: „25 лѣтъ у насъ было такъ и мѣнять незачѣмъ“. Я предложилъ тогда передать дѣло кому-либо другому, но А. К. сказалъ: „нечего передавать, я самъ займусь“. И вотъ съ 1896 г. я не принималъ никакого активнаго участія въ бухгалтерскомъ отдѣлѣ. Все, что злора и клевета могли сдѣлать, отразилось при слѣдствіи. Предубѣжденіе противъ меня было больше, чѣмъ противъ другихъ. И когда я прочиталъ обвинительный актъ, я пришелъ въ ужасъ, читая всѣ обвиненія. Корифеей русской адвокатуры упрекнулъ насъ, сказавъ, что мы поступили какъ приказчики, не заслуживающіе довѣрія. Я же скажу другое: былъ отвѣтственный приказчикъ, который при вступленіи въ должность нашелъ уже въ отчетѣ кредитъ какому-нибудь купцу. Дѣла этого куп-

ца росли, росъ и кредитъ его, и приказчикъ, заключающая годъ, внесъ, конечно, въ отчетъ весь его долгъ. Хозяинъ, прочитавъ отчетъ, поблагодарилъ приказчика. Проходитъ 6 мѣсяцевъ, кредитовавшійся купецъ не платитъ, и хозяинъ требуетъ вдругъ денегъ отъ свего приказчика. „Да, вѣдь, вы же одобрили мои дѣйствія„... „Нѣтъ! давай деньги!.. „

Вѣдь мы—приказчики, а хозяева наши—акціонеры и они ни слова не сказали намъ [въ порицаніе нашихъ дѣйствій... Здѣсь упрекали подчасъ Рябушинскихъ. Хотя они предали насъ суду, опрочили, сдѣлали съ нами все, что могли, все же я долженъ сказать, что они были намъ полезны: другіе брали большой процентъ, а у нихъ была норма—6¹/₄%. Я не могу согласиться съ тѣмъ, что въ отчетахъ были подлоги: отчеты были, быть можетъ, не полны, не ясны, но вѣрны. Если обратиться къ вспомогательнымъ книгамъ, то обнаружится, что вѣрна каждая цифра. И эксперты показали, что отчеты были правильны, хоть и не ясны. У меня не могло быть корыстныхъ цѣлей. Отъ своей конторы я имѣлъ ежегодно 30 т. руб; отъ южно-русскаго общества—8 тыс. р.; служба въ другихъ мѣстахъ давала мнѣ 4 т., мой капиталъ—около 600 т. р.—23 тысячи, всего 65 т. Неужели изъ-за 15 т. я пошелъ бы на преступленіе, сталъ бы укрывателемъ, соучастникомъ? Нѣтъ, я не зналъ ни о какомъ преступленіи, дѣйствовалъ, какъ всякій коммерсантъ, правда, не какъ юристъ. Предъявляемыя мнѣ обвиненія я понималъ лишь послѣ рѣчи г. прокурора. Конечно, я расхожусь съ нимъ: онъ стоитъ на твердомъ основаніи буквы закона, а мы, коммерсанты, уважаемъ, чтимъ законъ, но поневолѣ въ жизни преступаемъ нѣкоторыя его велѣнія, если только не слышимъ твердаго и яснаго голоса говорящаго намъ, что такое нарушеніе преступно. И не судите насъ за это, гг. судьи; кромѣ закона, у насъ есть обычное право, традиціи. Намъ наша жизненная школа дала иное и мы совершаемъ подчасъ безъ всякаго злого умысла то, что преступно въ глазахъ юриста, особенно обвинителя..

На моей 40-лѣтней дѣятельности нѣтъ ни одного пятна. Теперь же мы дорого заплатили за неосмотрительную, невольную вину, за то, что мы были подъ влияніемъ большого человѣка..

Я кончаю. Моя жизнь закончена, я разоренъ, имущество моей жены продается съ молотка, мы нищѣ... Здѣсь въ залѣ присутствуетъ присяжный повѣренный, въ портфелѣ котораго лежатъ на тысячи исполнительные листы на имущество моей жены... Нищета, да позоръ остались мнѣ.

Когда мы шли на эту скамью, намъ сказали, что приговоръ нашъ готовъ. Но мы знаемъ, что здѣсь люди, и они справедливо разсудятъ нашу вину...

Затѣмъ предсѣдатель предоставилъ слово Журавлеву.

„А. К. Алчевскій былъ на десять лѣтъ старше меня, сказалъ подсудимый, и былъ уже устройте-лемъ 4 банковъ, когда меня выбрали въ члены правленія. Финансовыхъ знаній я не имѣлъ, выбрали меня, какъ юриста, и этимъ опредѣлились мои занятія въ банкѣ. Я долженъ былъ, прежде всего, разсматривать документы по залoгу. Кромѣ этого, приходилось объясняться съ заемщиками и являющимися съ ними лицами—всего человѣкъ 60—70 въ день. Я не смотрѣлъ на банкъ, какъ на машину для взиманія процентовъ, относился къ клиентамъ тепло и задушевно и всегда давалъ имъ—безкорыстно, конечно,—юридическіе совѣты. Далѣе, приходилось постоянно быть юрисконсультomъ по примѣненію устава. Я завѣдывалъ также продажей имѣній, которыхъ назначалось въ день до 150. Собиралось иной разъ до 1,000 чел. Дѣло при этомъ обострялось, страсти разгорались до того, что приходилось прибѣгать къ помощи полиціи, дѣлались различные подвохи банку,—и все это приходилось мгновенно улаживать, разрушать, поправлять...

Понятно, что при такихъ условіяхъ я подписывалъ подносимыя мнѣ бумаги, не читая: я довѣрялъ Алексѣю Кирилловичу и служащимъ банка, да и не имѣлъ никакой возможности провѣрить что либо. Затѣмъ, я завѣдывалъ и судебнымъ отдѣломъ—слѣдилъ за бумагами, жалобами, взыска-ніями... Ежедневно мнѣ приходилось подписывать всего около 500 бумагъ. Естественно, что я долженъ былъ отстраниться отъ финансоваго отдѣла, если не хотѣлъ нанести явнаго ущерба своему. Корысть моя... Мое несчастье, что жалованье возрастало—первоначально мы получали всего 5 тыс.,

и жалованье шло недаромъ—работа моя была велика, 15 лѣтъ, пока дѣло не наладилось, я не имѣлъ ни одного дня отпуска и рѣдкій вечеръ не приходилъ въ банкъ. Служба наша была выборная, и меня могли всегда забаллотировать, выбросить, какъ выбросили теперь послѣ 30-лѣтней службы.

Я не совершалъ преступленія изъ-за жалованья. Мнѣ былъ совершенно безразличенъ процентъ дивиденда и я стоялъ за наименьшій не потому, что имѣлъ какія-либо данныя для опредѣленія размѣра, а по принципу осторожности. Никакой корысти я не имѣлъ вообще“.

Затѣмъ слово было предоставлено Голеву, который сказалъ, что совершенно ничего не знаетъ. „Я дѣлалъ въ земельномъ банкѣ то, что мнѣ поручали“.

Юркевичъ объяснилъ, что былъ не бухгалтеромъ, а простымъ служащимъ и, подписывая отчеты, не предполагалъ въ нихъ какого-либо подлога. Въ заключеніе обвиняемый просилъ той правды, о которой онъ слышалъ здѣсь.

Темницкій сказалъ, что онъ менѣе всѣхъ виноватъ. Аккуратность его извѣстна. Уговора никакого быть не могло, такъ какъ онъ вообще непричастенъ къ дѣлу. „Я не прошу милосердія“, закончилъ подсудимый, „но не хочу и жестокосердія, прошу той правды, о которой говорилъ здѣсь прокуроръ, и надѣюсь на оправданіе“.

Дракинъ говорилъ о своемъ образѣ жизни, о томъ, что не искалъ никакой наживы. „Вы не можете себѣ представить тѣхъ нравственныхъ мученій, которыя мнѣ пришлось вынести, и я прошу васъ оправдать меня и дать мнѣ возможность честно трудиться на пользу страждущаго человѣчества“.

Лысогоренко указывалъ, что о корысти не можетъ быть и рѣчи. Онъ получалъ 2 тыс., управляющему своему онъ платилъ 2½ тыс. „Я исполнялъ безвозмездно массу общественнаго дѣла, былъ честнымъ работникомъ. Я не потерпѣлъ нравственнаго банкротства, какъ думаетъ г. прокуроръ... Я потерялъ теперь все, семья моя бѣдствуетъ и существуетъ на то, что дочь зарабатываетъ уроками“.

Абрамовъ сказалъ, что на старости лѣтъ, на 69 году своей жизни, онъ попалъ сюда... Онъ честно трудился всю свою жизнь, поддерживалъ сво-

ими, правда, небольшими, средствами банкъ, довѣрилъ ему все свое достояніе... А теперь онъ лишился всего.

В. Н. Алчевскій сказалъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ не находитъ ни преступнаго уговора, ни злонамѣренности, ни злого умысла. Ни одинъ рубль банка не попалъ въ его карманъ; убытки торговаго банка результатъ кризиса, а не вина подсудимаго.

Авиловъ сказалъ: „Пощадите старика, больную жену и моихъ дѣтей!“.

Куксинъ. „Предъ вами старикъ. 50 лѣтъ служилъ я, но мнѣ никто ничего не заявлялъ. Возвратите мнѣ гражданство, чтобы я имѣлъ право смотрѣть въ глаза.—Я не виновенъ“.

Сухановъ сказалъ, что многіе изъ подсудимыхъ разорены, онъ же ничего не потерялъ, такъ какъ ничего не имѣлъ. Онъ проситъ оправданія, такъ какъ хочетъ честно трудиться. Можетъ быть, найдутся люди, которые дадутъ мнѣ службу, и я смогу докончить образованіе моихъ дѣтей, не оставляя ихъ безъ помощи, на краю пропасти. Я прошу у васъ милосердія.

Предсѣдательствующій Н. Н. Крестьяновъ прочиталъ слѣдующую резолюцію.

Выслушавъ дѣло о д. с. с. Любарскомъ-Письменномъ, ком. сов. Орловъ и другихъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1154 и 1155 ст. улож. о наказ., особое присутствіе палаты опредѣлило:

1) Подсудимыхъ Евгенія Любарскаго-Письменнаго, Николая Орлова, Михаила Журавлева, Александра Голева и Николая Лысогоренко, именующаго себя дворяниномъ Октавіана Юркевича, Владиміра Алчевскаго, Дмитрія Абрамова, Андрея Куксина, Алексѣя Авилова, Василия Суханова, по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе, Любарскаго-Письменнаго и Орлова на три года cadaго; Абрамова на два года; Алчевскаго и Лысогоренко на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ cadaго; Журавлева, Голева, Юркевича, Куксина и Авилова cadaго на одинъ годъ и Суханова на три года и шесть мѣсяцевъ, съ послѣдствіями для всѣхъ по 43 и замѣною по

77 ст. улож. о нак. и 284 ст. уст. сод. подъ страж. (изд. 1890 г.),

II) По отбытіи вышепоименованными осужденными срока заключенія въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или тюрьмѣ, на основаніи п. 4, отд. III закона 10-го іюня 1900 г. объ отбѣнѣхъ ссылки, отдать ихъ подъ надзоръ полиціи срокомъ на четыре года, съ ограниченіями относительно права избранія мѣстожительства, указанными въ п. 5, отд. III того же закона.

III) Судебныя по дѣлу издержки возложить на всѣхъ осужденныхъ поровну на каждого и съ взаимною отвѣтственностью, и въ случаѣ общей ихъ несостоятельности принять на счетъ казны.

IV) Подсудимыхъ кол. ас. Алексѣя Темницкаго, Ивана Дракина, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 154 и 362 ст. ул. о нак., признать невиновными и на основаніи 1 п. 771 ст. уст. уг. суд. по суду оправданными.

V) Признать невиновными и на основаніи 1 п. 771 ст. уст. уч. суд. по суду оправданными: 1) подсудимыхъ Любарскаго-Письменнаго, Орлова, Журавлева и Голева по обвиненію въ продажѣ закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія; 2) подсудимыхъ Орлова, Журавлева и Голева по обвиненію въ завѣдомо ложномъ удостовѣреніи о продажѣ акцій Харьковскаго земельного банка IX и X выпусковъ; 3) подсудимыхъ Любарскаго-Письменнаго, Алчевскаго, Абрамова, Куксина и Авилова по обвиненію въ учетѣ векселей; 4) подсудимыхъ Любарскаго-Письменнаго, Алчевскаго и Абрамова по обвиненію въ возвращеніи нынѣ умершему ком. сов. Алчевскому заложенныхъ симъ послѣднимъ 425 акцій Алексѣевскаго горнопромышленнаго общества, а Любарскаго-Письменнаго и Абрамова еще и по обвиненію въ возвращеніи тому же Алчевскому 300 паевъ товарищества Харьковскаго сахаро-рафинаднаго завода; 5) подсудимаго Любарскаго-Письменнаго по обвиненію въ разрѣшеніи выдачи ссудъ изъ суммъ Харьковскаго торговаго банка себѣ и другимъ членамъ правленія сего банка, въ размѣръ выше 90% биржевой стоимости бумагъ.

VI) Въ удовлетвореніе гражданскаго иска, предъявленнаго правленіемъ Харьковскаго земельного банка къ подсудимымъ Любарскому-Письменному,

Орлову, Журавлеву и Голеву, признать ихъ обязанными вознаградить Харьковскій земельный банкъ въ порядкѣ, указанномъ 648 ст. т. X ч. 1-й за убытки, причиненные ими сему банку залогомъ процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія и переводомъ суммъ, полученныхъ черезъ залогъ тѣхъ бумагъ въ Харьковскій торговый банкъ.

VII) Въ удовлетвореніе гражданскаго иска, предъявленнаго правленіемъ Харьковскаго земельного банка къ тѣмъ же подсудимымъ Любарскому-Письменному, Орлову, Журавлеву и Голеву и, кромѣ сего, къ подсудимымъ Юркевичу и Лысогоренко, признать всѣхъ названныхъ лицъ обязанными вознаградить Харьковскій земельный банкъ въ порядкѣ, установленномъ 648 ст. т. X ч. 1-й, за убытки, причиненные ими сему банку участіемъ ихъ въ составленіи и представленіи общимъ собраніемъ акціонеровъ банка отчетовъ правленія банка и въ сокрытіи отъ акціонеровъ банка и правительства истиннаго положенія дѣлъ банка.

VIII) Гражданскій искъ, предъявленный правленіемъ Харьковскаго земельного банка: а) къ подсудимымъ Темницкому и Дракину; б) къ подсудимымъ Любарскому-Письменному, Орлову, Журавлеву, Голеву, Юркевичу и Лысогоренко въ части, относящейся къ требованію вознагражденія земельного банка за убытокъ, понесенный необращеніемъ въ продажу на биржѣ акцій Харьковскаго земельного банка IX и X выпусковъ, в) къ подсудимымъ Юркевичу и Лысогоренко въ части, относящейся до вознагражденія земельного банка за убытокъ, причиненный залогомъ запаснаго капитала и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія—оставить безъ разсмотрѣнія.

IX) Въ удовлетвореніе гражданскаго иска, предъявленнаго ликвидационною комиссіею по дѣламъ Харьковскаго торговаго банка къ подсудимымъ Любарскому-Письменному, Алчевскому, Абрамову, Куксину и Авиллову, признать ихъ обязанными вознаградить въ порядкѣ, указанномъ 648 ст. т. X ч. 1-й, убытки, причиненные ими торговому банку: а) открытіемъ нынѣ умершему ком. сов. Алчевскому личнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго кредита по счету корреспондентовъ и переходящихъ суммъ, при

обстоятельствахъ, изложенныхъ въ вопросѣ 66-мъ; б) открытіемъ ими себѣ кредита по счетамъ подъ наименованіемъ по книгамъ торговаго банка „разныя на комиссіи“ и „переходящихъ суммъ“; в) выдачею нынѣ умершему ком. сов. Алчевскому ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ съ превышеніемъ установленной § 12 п. б устава торговаго банка 90% нормы биржевой стоимости заложенныхъ бумагъ.

Х) Въ удовлетвореніе гражданскаго иска, предъявленнаго тою же ликвидационною комиссіею къ подсудимымъ Алчевскому, Абрамову, Куксину и Авилову, признать ихъ обязанными вознаградить въ порядкѣ, указанномъ 648 ст. т. X, ч. 1-й: а) убытки, причиненные Харьковскому торговому банку выдачею имъ членамъ правленія сего банка ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ съ превышеніемъ установленной § 12 п. б. устава торговаго банка 90% нормы биржевой стоимости заложенныхъ бумагъ; б) убытки, причиненные Харьковскому торговому банку возвращеніемъ нынѣ умершему кол. сов. Алчевскому, 26-го августа 1900 г., 360 паевъ товарищества Харьковскаго сахаро-рафинаднаго завода, заложенныхъ имъ торговому банку, и возобновленіемъ ссуды выданной подъ залогъ тѣхъ же паевъ; в) подсудимыхъ Куксина и Авилова признать обязанными вознаградить, въ порядкѣ, указанномъ 648 ст. т. X ч. 1-й убытокъ, причиненный ими торговому банку выдачею ими 28-го іюня 1900 г. нынѣ умершему ком. сов. Алчевскому заложенныхъ симъ послѣднимъ 425 акцій Алексѣевскаго горнопромышленнаго общества; г) подсудимаго Абрамова признать обязаннымъ вознаградить убытокъ, причиненный имъ торговому банку при возобновленіи 30-го декабря 1900 г. ссуды, выданной нынѣ умершему Алчевскому подъ залогъ 425 акцій Алексѣевскаго горнопромышленнаго общества.

Приговоръ объ осужденныхъ Любарскомъ-Письменномъ и Орловѣ, по вступленіи таковаго въ законную силу и прежде обращенія къ исполненію, на основаніи 1 ч. 945 ст. уст. уг. суд. 201 и 767 ст. учр. ор., представить черезъ господина министра юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества.